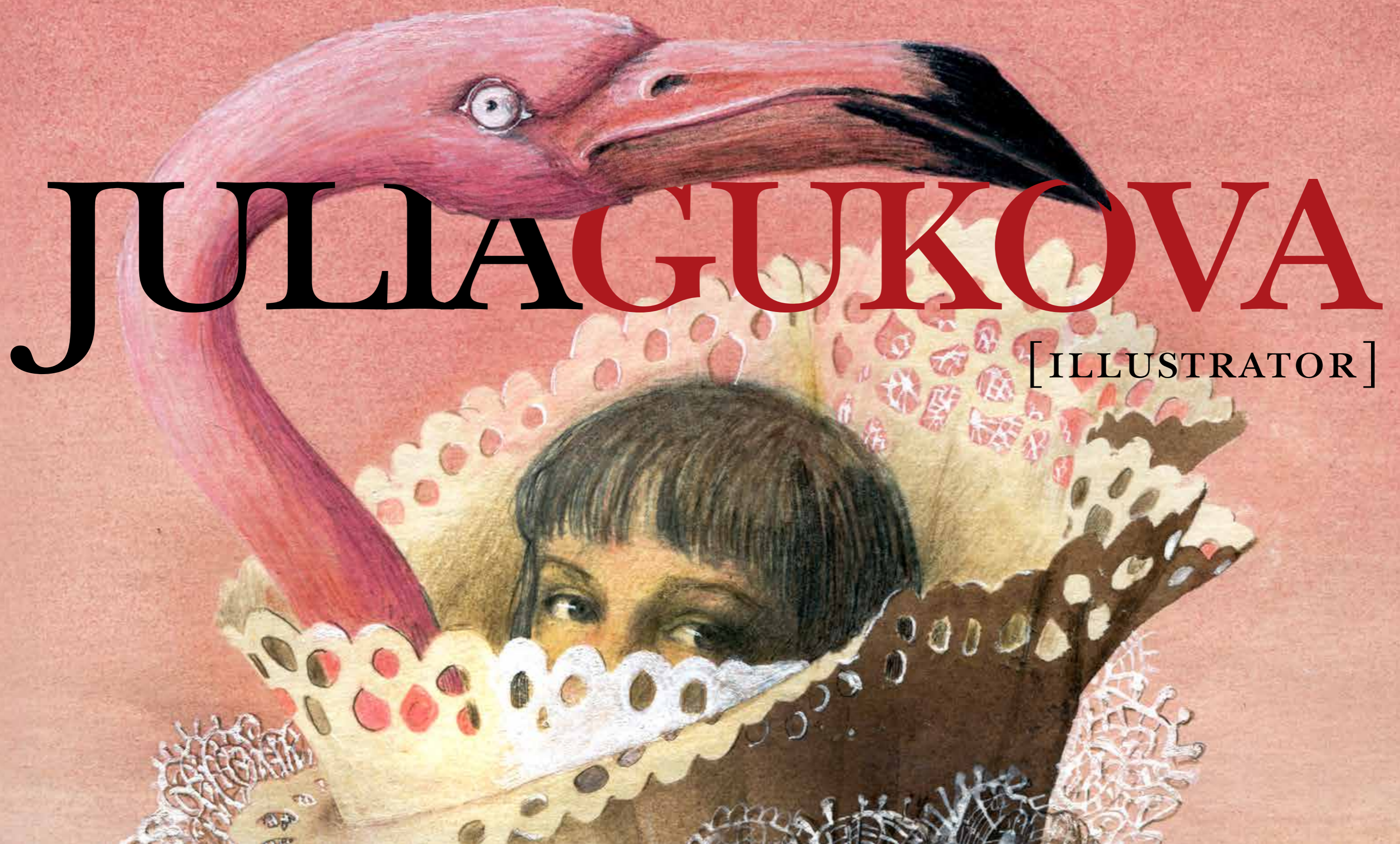

IBBY RUSSIA NOMINATES
FOR THE HANS CHRISTIAN ANDERSEN
AWARD 2022

JULIA GUKOVA
[ILLUSTRATOR]

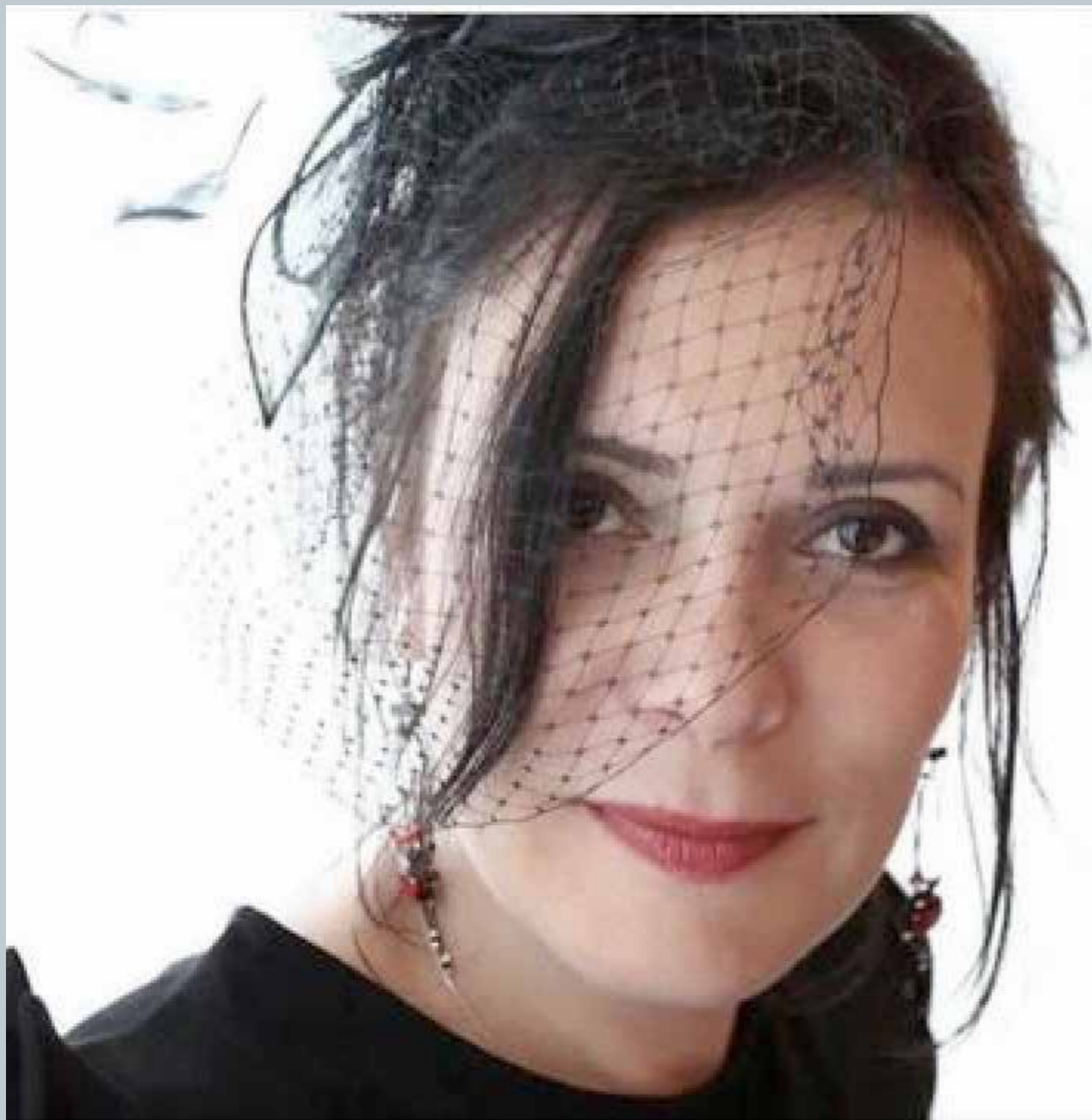

Photo by Maria Troyanker, 2016

Photo of Julia made by her father Valentin Gukov in 1962, on the cover of "Ogonyok" magazine, the most popular magazine in USSR

JULIA GUKOVA BIOGRAPHY

Julia Gukova was born in Moscow. She was brought up in an artistic family surrounded with the ideas of travel, art and creativity. Her dad, who is now 93 years old, is a scientist. He is a tireless traveler and a photographer. He wrote a numerous number of books on the art of photography. Julia's grandmother on father's side was a well-known opera singer who studied from Konstantin Stanislavsky. Julia's grandmother on mother's side was an architect and worked in Paris in the 1930s. The grandfather was one of the first Soviet designers of jet engines and the deputy head of the Zhukovsky Air Force Academy. In early years Julia took her first painting lessons from Alisa Poret, a student of Pavel Filonov. Later Julia graduated from the Krasnopresnenskaya Art School in the class of Vitaly Komar who was one of the founders of Soviet social art. At the same time, she studied at workshops of Nikolai Popov and Sonya Gannushkina. In 1985, Julia Gukova graduated from the Moscow Polygraphic Institute, the Department of Decorative Design. Her teachers were Vladimir Ryvchin, Dmitry Bisti, Andrey Vasnetsov. Her graduation work were illustrations for Shakespeare's 'A Midsummer Night's Dream'. It was immediately published by Arkady Troyanker at the Publishing House 'Kniga'. In 1986, she attended classes by famous Russian book designer Mikhail Anikst at the 'Kniga' publishing house. Julia worked as an illustrator for different Russian publishing houses such as 'Kniga', 'Detskaya literatura', 'Russkij yazyk', 'Raduga', 'Tekst', as well as magazines 'Khimiya i Zhizn',

‘Chernaya kuritsa’, ‘Sovershenno sekretno’, ‘Kommersant. Dengi’, ‘Snob’ and others.

After Perestroika in 1990, she worked in Europe and Canada. She published books at Verlag J. F. Schreiber Ltd., Stuttgart and Nord-Sud Verlag, Zurich, Switzerland, as well as the Canadian publisher Annick Press Ltd, Toronto.

Books illustrated by Julia Gukova were published in more than 10 languages.

On the whole she illustrated more than 50 books.

Today Julia lives and works in Moscow and has a son from her first

marriage and a granddaughter from the second one. She is married to the famous Russian book artist Andrey Bondarenko. As an artist Julia Gukova participated in animation film projects and computer games. Also works as an easel painting artist. Member of Graphic Section of the Union of Moscow Artists. Member of International Association of Plastic Arts, UNESCO. Participant and the winner of Russian and international art exhibitions, multiple prizewinner of various awards and competitions. Her works can be found in private collections in Russia, Belgium, Luxembourg, Spain, Italy, Canada, Germany and Japan.

*At work. Photo by
Valentin Gukov, 2002*

JULIA GUKOVA

PARTICIPATION IN EXHIBITIONS

- 1985 USSR, Moscow. 16th Moscow Exhibition of Book Illustration.
- 1985 USSR, Moscow. 2nd All-Union Exhibition of Book Illustration.
- 1987 USSR, Moscow. Irkutsk. Republican Exhibition
- 1988 Brussels, Belgium, Youth Culture Center
- 1989 Slovakia, Bratislava – La Biennale International des Illustrations de Bratislava BIB-89
- 1993 Russia, Moscow, The Center of Modern Art. Personal exhibition

- 1994 Russia, Moscow, The Central House of Artists. Personal exhibition
- 1999 Spain, Catalonia – VI Premi Internacional Catalonia d'Illustrations
- 1995 Slovakia, Bratislava – La Biennale International des Illustrations de Bratislava BIB-95
- 1995 Japan, Hokkaido – The Exhibition of the Best Illustrations of BIB-95 Artists in Japan
- 1995 Russia, Moscow, Asti Gallery. Solo exhibition
- 1997 Russia, Moscow, The Central House of Artists. The Golden Egg

- 1998 Russia, Moscow, The Central House of Artists. Ticket to The World of Growing Up, Personal exhibition
- 2003 Russia, Moscow, The Kuznetsky Most House of Artists. Illustration in Russia Exhibition
- 2003 Germany, Frankfurt – Frankfurter Buchmesse. Illustration in Russia Exhibition
- 2003 Germany, Munich – Bucherschloss Blütenburg. Russian Holidays Exhibition
- 2004 Latvia, Estonia – The National Library, Riga. The National Library, Tallin. University of Tartu. Russian Holidays Exhibition
- 2004 Switzerland, Geneva – Ville de Geneve. Russian Holidays Exhibition
- 2004 Russia, Moscow – Mars Gallery. The Sixth Sense Exhibition
- 2006 Russia, Moscow. Exhibition “Образ Книги”. The Kuznetsky Most House of Artists.
- 2012 Russia, Moscow. Gallery “Mars”. Personal exhibition.
- 2014 Russia, Pushkin Literary Museum. Golitsyno. Personal exhibition.
- 2017 Scotland. Livingston – Stornoway. Personal exhibition.
- 2018 Russia, Moscow. Russian State Children’s Library. “Cloud on heels”. Personal exhibition.
- 2019 Russia, Moscow. Gallery “Open Club”. Exhibition “Wash`em clean”
- 2020 Russia, Moscow. Gallery “Open Club”. Exhibition “Goldfish”
- 2008–2020 Permanent participant in exhibitions of the Book Section of the Moscow Union of Artists.

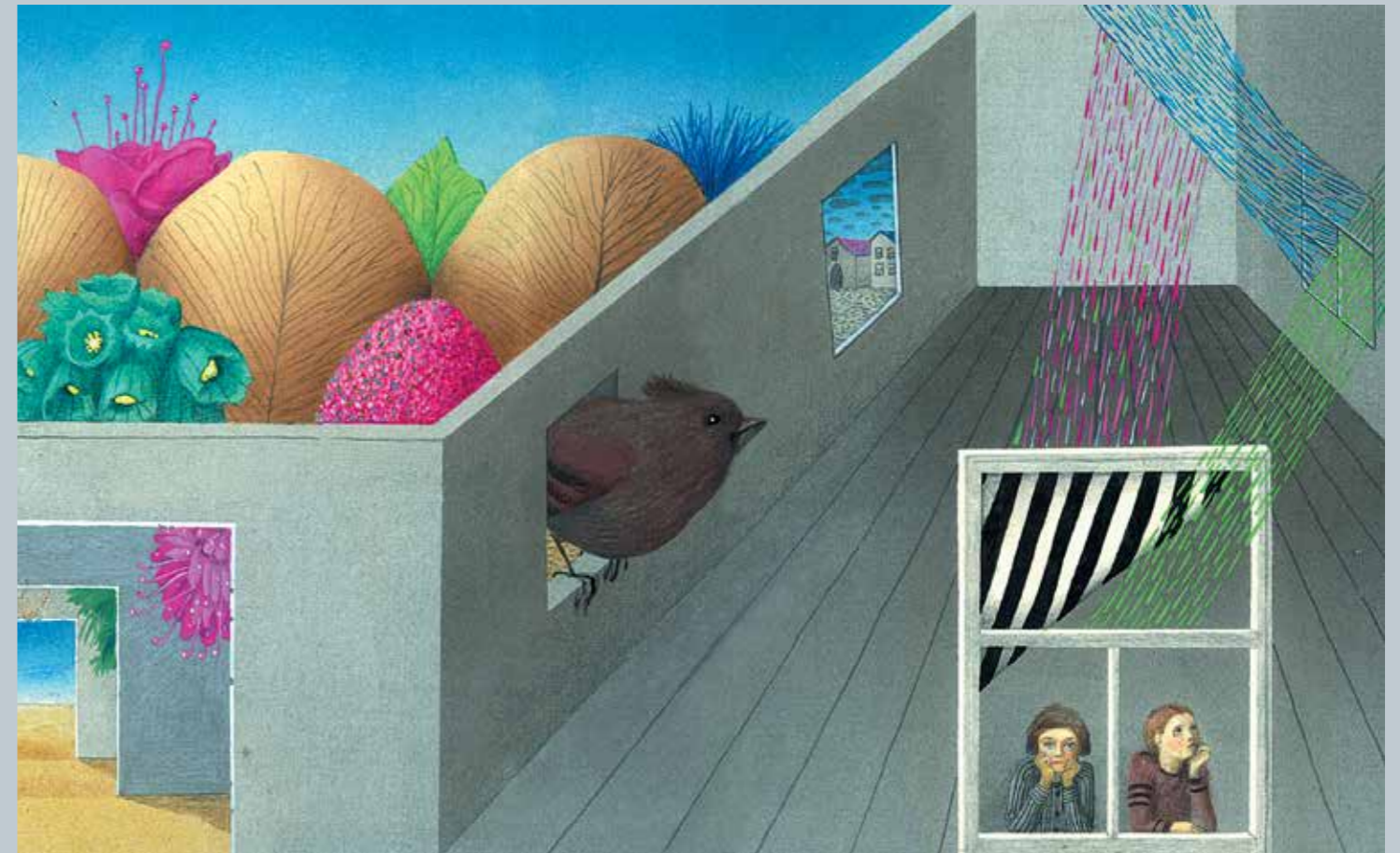
NIKITA MAKHOV

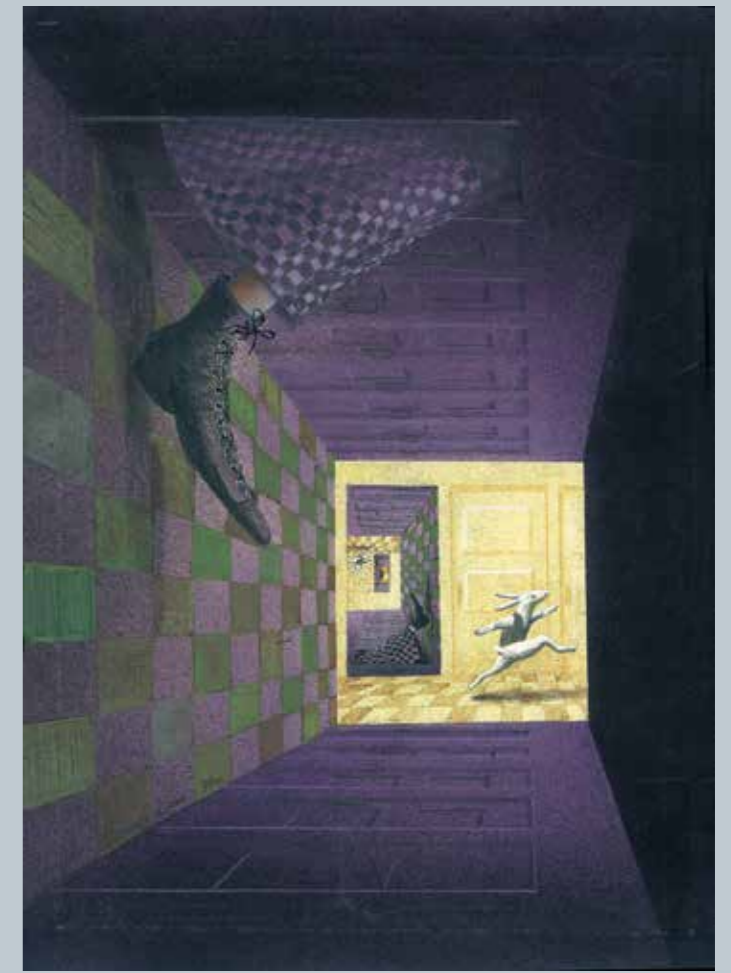
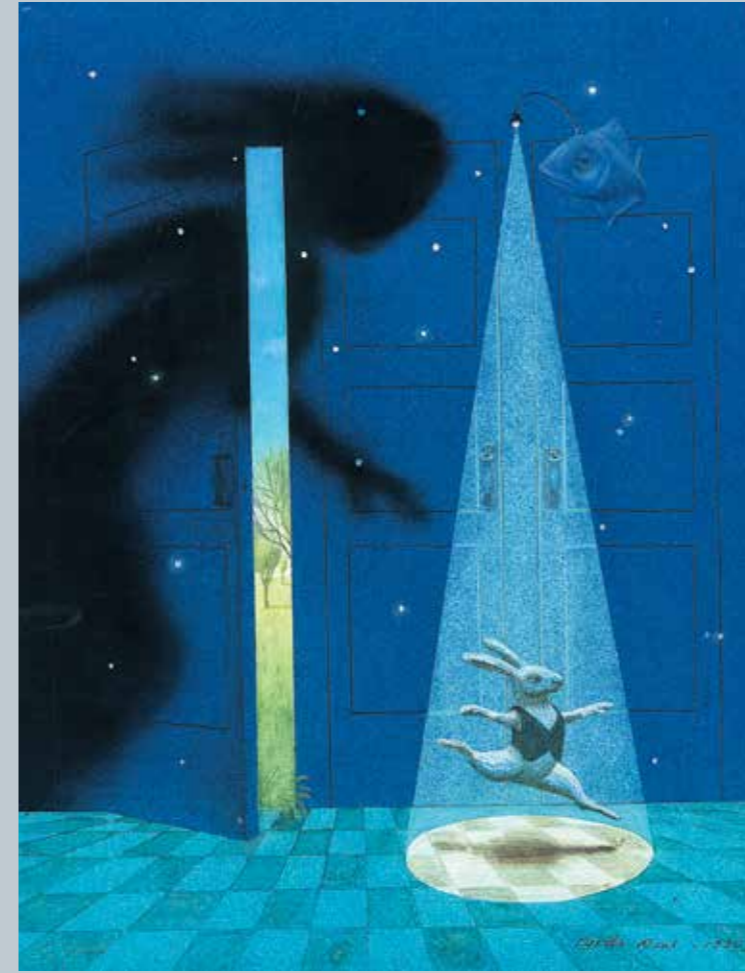
NON-CHILD ALLUSIONS OF YULIA GUKOVA

An exceptional artistic feature of the art of illustration for children's books by Julia Gukova, is the fact that she turns a fairy tale fiction into a kind of fantasy or phantasmagoria. The figurative metamorphosis set by them changes the meaningful status of the fabulous plot, unexpectedly endowing it with a high philosophical and even metaphysical meaning. After all, the category of fantasy or the procedure of fantasiz-

ing is endowed with the ability to accumulate universal concepts without which it is impossible to imagine the creations of high literature, engaged in a serious understanding of reality. It will suffice here to mention such a genre as the science fiction novel.

The fantasy space, organized in Gukova's illustrations, not without the help of the

iconographic inversions of Magritte and Delvaux, introduces into the surreal world through the looking glass, in which reality opens from a completely different side. Pictorial poetics, as it were, opens the veil, removes the impenetrable material shell of the subject, allowing you to look into the innermost depths of existence, where its creative root causes are hidden. Anything that happens to be in a magical turbulence zone, as it were, being highlighted differently, undergoes a reincarnation, becoming detached to itself. De-incarnating, it receives a symbolic, in Kant's language, transcendental subtext. It becomes an idea of its own, turning from a tactile object into a mystical phenomenon that soars above the mundane everyday life.

Illustrations of this kind cannot but captivate not only children but also adults. It captures the attention of the first with its otherworldly poetry, adventure intrigue of plot shifts, and allusions. The latter's attention is drawn to the volume of conceptual fullness, expressed not by the dry calculations of theorists, but by the emotional language of pictorial and plastic metaphors, marked by the magical illusory nature of the visionary drawing and the mystery of rich watercolor sfumato, or ghostly acrylic layers.

JULIA GUKOVA

PRIZES & AWARDS

1987

Russia, Moscow. A prize-winner of Annual Competition for the Best Children's Book, held by the State Committee on Printing and Publishing of the USSR – was awarded for the book *A Midsummer-Night's Dream* by W.Shakespeare. Kniga Publishing House, Moscow, 1985

1989

Slovakia, Bratislava – La Biennale International d'Illustrations de Bratislava BIB-89 – a golden medal for the book *Where a Dream Dreams* by Janis Baltvilks. Detskaya Literatura, Moscow, 1988

1991

France, Paris – The International GIELJ Competition Prize of Graphical Nomination for the book *Alice in Wonderland* by L.Carroll. Verlag J.F.Schreiber Ltd, Germany, 1991

1992

Germany – German Academy for Children and Youth – awarded The Book of the Month for the book *I Don't Dance Under Your Fife* by Edith Thabet. Verlag J.F.Schreiber Ltd, Germany, 1992

1993

Austria, Vienne – Republican Institute of Art – 300 Best Books for Children and Teenagers for the book *The Marzipan Man* by Arnica Esterl. Verlag J.F.Schreiber Ltd, Germany, 1993

1996

Canada, Toronto – Annick Press – The Best Book of the Year in Canada for the book *Free Son of the Seas* by Ricardo Keens-Douglas. Annick Press Ltd, Toronto – New York, 1995

2003

Russia, Moscow. Winner of the International Triumph Prize

2004

Russia, Moscow. Winner of the Scarlet Sails Prize for book series *The Old City*, created by Julia Gukova. Fond Galereya, Chelyabinsk

2012

Russia, Moscow. The laureate of the All-Russian Award "Kniga Goda".

2020

Russia, Moscow. Laureate of the International Contest for book illustrators and designers "Obraz Knigi".

INTERVIEW

ANOTHER REALITY OF YULIA GUKOVA

Ticket to The World of Growing Up. Russia, Moscow, The Central House of Artists. Personal exhibition, 1998

Gukova's paintings are a window suddenly opened into the world of another reality, the "Other Side". What is the mechanism of this window?

Julia's creative approach makes the book a symbiosis of literature and painting. It comes to the point where sometimes the details of the illustrations give you more information about what's going on in the story than the actual text. The path to such mastery for Julia Gukova lasted for about twenty years — she made her first illustrations for the book at the age of fourteen, and only later she began to study as an artist.

Where did you study to become an illustrator?

JULIA GUKOVA: I studied at the Moscow Polygraphic Institute. However, my drawings began to be published even earlier — in magazines. It seems that the first drawings were published in "Ogonyok". These were quite childish works, and it is difficult for me to look at them without a shudder. Since then, I have often worked in magazines. The most memorable was the period in "Chemistry and life". There was a unique group of artists. The very subject of the magazine implied POWERFUL visual fantasy, and I was even a bit afraid. For a start, I was given to illustrate an article that had been published a long time before, just to see what I would do and compare it with the already existing drawing. Then they offered me to work on some material that

might or might not be released. (At the same time, I was treated very well.) Only after that, my illustrations began to be published.

Is working on illustrations for magazines very different from working on those for books?

JULIA GUKOVA: You know, now I am working for the magazine “Itogi”. This is a real conveyor belt — they can call me at any time and ask to illustrate, say, an article about a new computer programme that makes it possible to clearly track who was hacking into your computer and what was doing there. Well, for example, you can find out that the kid was playing games for three hours instead of doing homework. And now the illustration has to be done overnight. You have to work at a furious pace and make things up all the time. You do not have time to indulge in the calm flow of thought, a relaxed search of images — the drawing has to be unusual and accurate, it should not contradict the meaning of the article, giving a completely unexpected twist of the question it addresses. It’s very GOOD — you keep yourself in shape all the time and do not let yourself relax.

How do you draw? I mean, with what? Looking at your work, you might think that it did not do without a computer.

JULIA GUKOVA: I usually work with an aerograph, and then bring the drawing to the desired artistic expression with colored pencils. I really love the airbrush as it can be used to get a surprisingly deep color resembling medieval paints in texture. But I do more than just paint. A few years ago, I bought a bunch of very textured fabrics abroad. And then one day, quite unexpectedly for myself, I began to make something like tapestries. Someone called these works applications — but this is incorrect since a slightly different technique was used. Now I have about twelve of these works. Fabric is surprisingly expressive in its texture: the arbitrary, seemingly mixed pieces of different fabrics give a strange impression: from a distance these tapestries can be mistaken for minting.

When did you start working on the books?

JULIA GUKOVA: I was still at the institute, but my first major work was illustrations for Shakespeare’s book “A Midsummer

Night's Dream". I then won my first prize for this book – at the annual contest of the State Committee for Publishing, Printing and Book Trade of the USSR. It was back in 1987.

Looking at the list of books that you illustrated, you can see the following pattern: until 1991 you worked for domestic publishing houses, and then, as it was cut off, you published all the other books only abroad. Were you called so strongly there?

JULIA GUKOVA: It was like this. Several of my works were in the VAAP ("All- (The Soviet) Union Agency on Copyrights"). In 1991, the head of the German publishing house "Verlag I.F. Ltd" came to Moscow. Probably, he understood that there were a huge number of talented, but not realized artists in Moscow, who were a pretty cheap labour force at that time. He looked through the works in the VAAP, came across mine, and after a while, I received an offer to illustrate "Alice in Wonderland" for "Verlag I.F. Ltd".

Unfortunately, such works happen rather infrequently – there is, God willing, one book a year. It is impossible to carry around this gigantic desire to work with you the rest of the time. I used to buy a ticket to Frankfurt, take my paintings with me, and start a methodical tour of publishers.

That's actually my method. I believe that if you go around a hundred publishers, and one of them will order you to illustrate a book, then this is a great success, and the money for the ticket was not spent in vain. Then it was easier because the publishers exhibited books with my work at exhibitions, where the illustrations often won prizes. I have quite a few prizes.

There is often a certain medieval flavour in your works. An acquaintance of mine even called your paintings "Bosch for Children." Where did he come from? Just from the airbrush?

JULIA GUKOVA: I didn't even think about it. (Looks closely at her painting)... Yeah... Perhaps there is. Probably just because I like this aesthetic. It is close to me.

As for all these medieval details of architecture, clothing details in your paintings. How do you prepare for work? Read the reference literature?

JULIA GUKOVA: I watch a lot. I try to look carefully at everything I'm attracted to interesting pictures, photographs, trying to grasp what I need in my work. I only care about the text of the work itself – I immerse myself in it, I try to imagine, construct its world. By the way, the less text, the better – this gives more room for imagination. Try to illustrate Tolstoy's War and Peace. Tolstoy does not give the artist freedom of conjecture. He has already described everything possible in words. Here is another

example, in the book “The Other Side”, which I illustrated for the Canadian publishing house “Aptsk Press”, the text is very, very short. On one page, there may be just one phrase like “The King ordered them to see what was on the other side, and they left.” Can you imagine what abysses there are for an artist?

So you work on a hunch, recreating what has already happened in reality, based only on the text of the work and your own feeling?

JULIA GUKOVA: I think it’s not a matter of intuition. I’m a very calculating person. I always know what I’m doing and why I’m doing it. Here, for example, is this illustration for the book “The free son of men” (A ship sailing on the sea, presumably a galleon. In the middle of the ship is a pile of black African heads, tangled with ropes.) This is a slave trade. I draw the sea, the ship, the sky, and I think, how do I draw the slaves? If in the same, real, scale, then the figures will turn out small and unconvincing. I sit and think it over. I can see that the picture is too light: the light calm

sea and bright sky. Some dark spot suggests itself in the centre of the picture. A large dark spot. And then I give this spot the look of a pile of African heads, then the ropes with which this pile is entangled are logically added, and as a result, the picture produces the very feeling that I sought, a combination of the light of the sea and the black spot of hopelessness.

Or another example. I often draw the same landscape, which changes depending on the plot. For example, the book “The Blind Fairy” begins with a picture of a wall, a gloomy gray wall with three windows, such a fashionable sequence of shapes for graphic artists now: a square, a line, a circle. According to the plot, we first learn that the castle of the Blind Fairy was captured by dwarfs, who took advantage of the fact that she could not see anything, and littered everything around. And here is the last illustration in this book: the same wall, but look how it has changed: now it has become light, the bas-relief has changed. All after the Fairy saw the light and drove the evil dwarfs out of her beautiful castle.

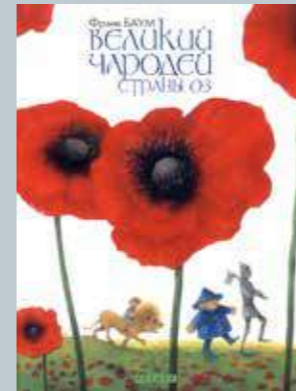
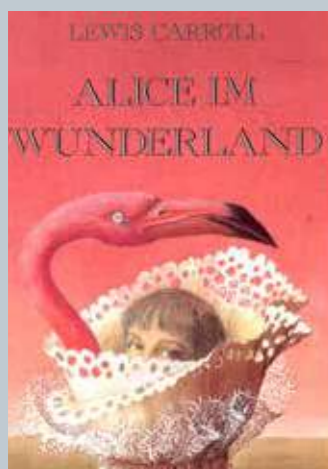

JULIA GUKOVA ILLUSTRATED BOOKS

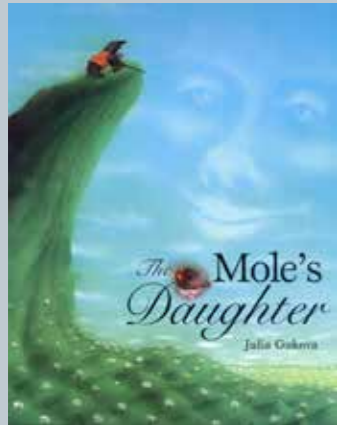
1. *A Midsummer-Night's* by William Sheakspeare. Kniga. Moscow, Russia. 1985
2. *Spring* by Vladimir Korchaganov. Detskaya Literatura. Moscow, Russia. 1986
3. *Where a Dream Dreams* by Janis Baltvilks. Detskaya Literatura. Moscow, Russia. 1988
4. *Ant The Red Dot* by Natalya Romanova. Detskaya Literatura. Moscow, Russia. 1988
5. *Funny Fairy Tale* by Gennadiy Tsyferov. Detskaya Literatura. Moscow, Russia. 1989
6. *Highly Esteemed Microbe, or Guslar in The Space* by Kir Bulychiov. Text. Moscow, Russia. 1989
7. *Thumbelina* by H. C. Andersen. Printing Yard Design Centre LPTO. Leningrad, Russia. 1990
8. *Alice in Wonderland* by Lewis Carroll. Verlag J.F.Schreiber Ltd. Germany. 1991 Reprinted in Japanese by Nishimura Co.Ltd. Japan. 1995 Reprinted in Russian. Rosman. Moscow, Russia. 2003
9. *I Don't Dance Under Your Fife* by Edith Thabet. Verlag J.F.Schreiber Ltd. Germany. (German). 1992

10. *Zoks and Bada* (in cooperation with Vladimir Burkin) by Irin & Leonid Tyukhtiyev. Micropol. Moscow, Russia. 1993
Reprinted in Japanese by Nishimura Co.Ltd. Japan. 1996
11. *The Marzipan Man* by Arnica Esterl. Verlag J.F.Schreiber Ltd. Germany. 1993
12. *The Wizard Of Oz* by L.F.Baum. Verlag J.F.Schreiber Ltd. Germany. 1995
Reprinted in Russian. Rosman. Moscow, Russia. 2003. Front cover
13. *Free Son Of The Seas* by Richardo Keens-Douglas. Annick Press Ltd. Toronto, New York. 1995 Reprinted in Korean by Chinese Christian Literature Council Ltd. Hong Kong. 1996. Front cover
14. *The Other Side* by Alejandro Aura. Annick Press Ltd. Toronto, New York (English, French). 1996
15. *The Mole's Daughter*. Popular korean fairy tale. Annick Press Ltd. Toronto, New (English, French). 1997
16. *The Blind Fairy* by Brigitte Achar. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 1998

17. *Peter and The Wolf* by Sergey Prokofyev. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 1999

18. *Serena and the Wild Doll* by Philip Coristine. Annick Press Ltd. Toronto, New York (English, French). 2000

19. *Who Stole the Gold?* by Udo Weigelt. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 2000 Reprinted in Korea. Aga World Co, Ltd. 2001

20. *All Mixed-Up*, created by Julia Gukova. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 2000 Reprinted in Russian. Fond Galereya. Chelyabinsk, Russia. 2004

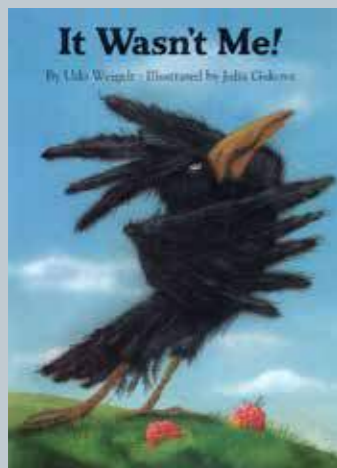

21. *Ban and The Buccaneers* by Udo Weigelt. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 2001 Reprinted in Korea. Aga World Co, Ltd. 2001

22. *That's Not Me* by Udo Weigelt. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland. 2001

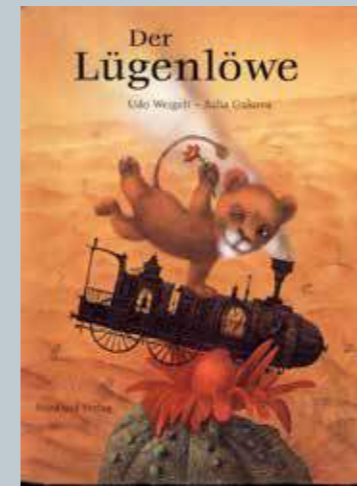
23. *Who is There*, created by Julia Gukova, fold-out book. Arkaim. Chelyabinsk, Russia. 2003. Front cover

24. *Lion the Deciver* by Udo Weigelt. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 2003 Reprinted in French. 2004

25. *The Old City*, created by Julia Gukova, fold-out book in three parts: *Doors of the Old City*, *Windows of the Old City*, *Roofs of the Old City*. Fond Galereya. Chelyabinsk, Russia. 2004

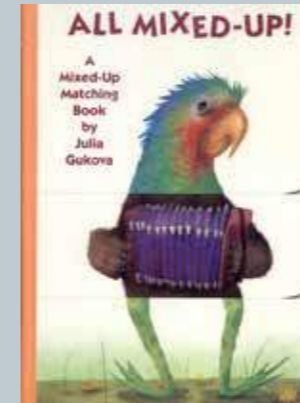
26. *Three Bears*, fold-out book. Fond Galereya. Chelyabinsk, Russia. 2004. Front cover

27. *Merry Crows*, created by Julia Gukova, fold-out book. Arkaim. Chelyabinsk, Russia. 2004. Front cover

28. *The Legendary Unicorn* by Udo Weigelt. Nord-Sud Verlag. Zurich, Switzerland (English, German). 2004

29. *Koschey and Yagda*, or Apples from Heaven by Marina Vishnievetskaya Novoe Literaturnoe Obozrenie (NLO). Moscow, Russia. 2004

30. *Nonsense*, created by Julia Gukova. Arkaim. Chelyabinsk, Russia. 2004. Front cover

31. *Girl-Candle* by Sofia Prokofieva. Publishing house "Moskovskie uchebniki", 2009. Reprinted: "Rech". Moscow, 2015

32. *Let My People Go /* by Svetlana Schoenbrunn with original illustrations by Julya Gukova. "Tekst". Moscow, 2012

33. *The Magic Land of Oz* by L.F.Baum. Rozovyj Zhiraf. Moscow. 2011

34. *The Wizard of Oz* by L.F.Baum. Rozovyj Zhiraf. Moscow. 2012

35. *Closing booklet for the Olympic Games in Sochi*. 1st Chanal Edition, Moscow, 2014

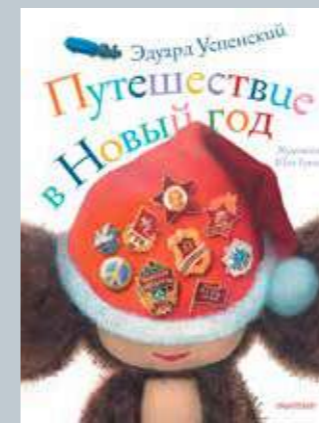
36. *Theo the Squirrel*, German., 2016

37. *Strange City*, author's pop-up book in four parts, 2017

39. *A Trip to the New Year* by Eduard Uspensky. "Malysh", Moscow, 2019

40. *12 Owls* by Andrey Usachev & Galina Dyadina. Anastasia Orlova's Publishing house, 2020

42. *Thumbelina* by H.C.Andersen. "Hans Christian Andersen Copenhagen", 2021

MARIA SKAF *Excerpt from the article*

ILLUSTRATIONS WITHOUT SENTIMENTALITY

It is no secret that all artists from Eastern Europe are stylistically quite similar for an onlooker. For European and American publishers, Russian, Belarusian, Ukrainian children’s illustrations are

decorative art, even theatrical, very detailed, and “dressy” one. That is, such as we can see in Yerko, the Unforgettable, Stanko, Tarnikov, and others. Gukova’s artworks are the exact opposite. She does not overcharge the background, decorate the characters with ruffles and frills, or use complex colour schemes (she usually uses only two main colours). At the same time, her works should not be described as poor in any case. The richness of the image is achieved here with the aid of various symbols and metaphors, which, as a rule, move from illustration to illustration throughout the book.

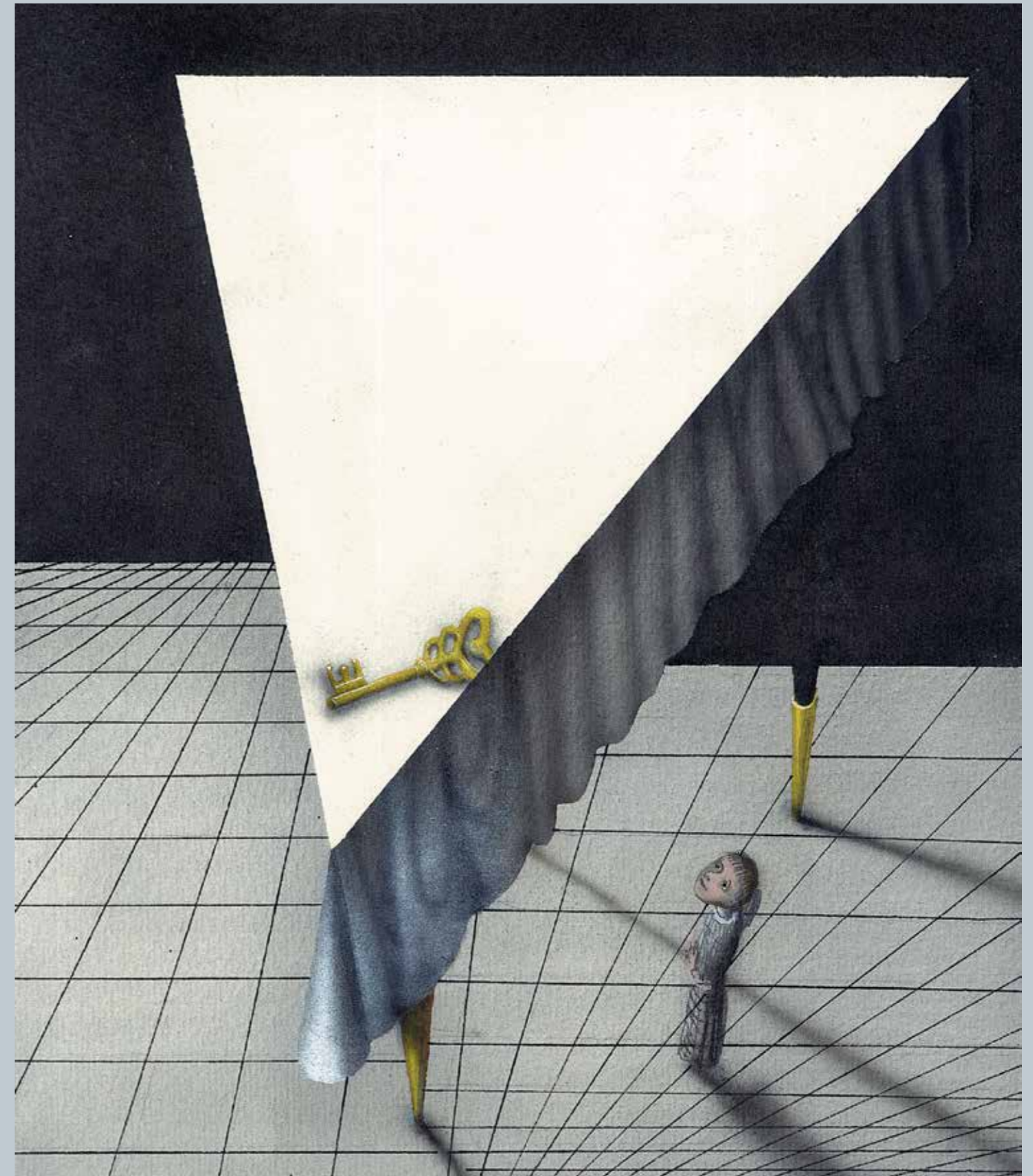
<...>

Apart from the absence of a thrilling attitude to the text (as L. Kudryavtsev pointed out, “the smaller it is, the easier it seems, the <...> more inventive is its composition, the more complete is the whole book, the architectonics of which she follows very closely”). Sometimes she ignores the differences that can exist between a child and an adult in psychological stability, in the intellectual background, in the ability to think abstractly.

Gukova does not try to adapt to a specific target audience and try to be simpler and clearer. In this respect, she can be compared to Cyril Cheloshkin (not his illustrations to “The Magic Shop”, which are too “dressy” for Gukova, but, say, to “The Tale of the Fisherman and the Fish” or, sometimes, to “The Japanese Tales”), and to Igor Oleynikov or Nikolay Popov (Gukova’s teacher, whose works are also completely inaccessible in Russia). In general, if such division has a right to exist, Gukova is a very “male artist”: ironic, devoid of “female sentimentality”, “tough and detached”.

However, it is important to understand that what is said is relevant only to a certain part of her work. There is a whole other side, the one where Gukova turns into a really good storyteller. It is first of all about toy books (“The Old Town” trilogy, riddle books “Big Confusion” and “Ridiculous” and several clamshell books), as well as the books of Udo Weigelt, a rather famous German writer, whose books Gukova illustrated for the Swiss publishing house Nordsüd Verlag (“The Sparrow Gang”, “It is not me”, “Who stole the golden hamster” and others). In these books, Gukova does not play with meanings, does not ask difficult questions, does not turn from an illustrator into an artist (or even “a modern artist”). Here, she depicts a real childhood: bright, sunny, filled with dreamy birds, flying cats, angels, and not scary ghosts. And it seems that these works

are no less valuable than her “serious” illustrations. They have what, perhaps, books like “Alice” and “The Wizard of Oz” lack: the feeling that being a child, reading fairytales, and believing in miracles is really great.

12 Owls

*by Andrey Usachev
& Galina Dyadina*

Anastasia Orlova`s
Publishing house. 2020

6+ EAC

ПредиСОВие, оно же ПослеСОВие

Внимательный читатель удивится, обнаружив здесь не двенадцать, а пятнадцать сов. Но это вышло совершенно случайно. Мы закончили книгу и уже собирались отдать её в печать, когда неожиданно появились ещё три птицы. Они стали настоятельно требовать, чтобы сказки про них тоже включили в книгу: кружили над нашими головами, громко хлопали крыльями и настырно ухали. В конце концов, мы согласились. Только после этого совы уgomонились. Название книги менять было уже поздно. Но надеемся, что это не испортило её. И, в любом случае, пятнадцать больше, чем двенадцать.

С уважением, СОВавторы

12

12
|
C
O
S
|
B
O
C
O
V

| АНДРЕЙ УСАЧЁВ | ГАЛИНА ДЯДИНА |

АНДРЕЙ УСАЧЁВ
ГАЛИНА ДЯДИНА

12 СОВ

риСОВАла
ЮЛЯ ГУКОВА

АНДРЕЙ УСАЧЁВ
ГАЛИНА ДЯДИНА

12 СОВ

рисОВАла
ЮЛЯ ГУКОВА

МАРИАННА, ИЛИ Сова, которая мечтала о Сованне

СОВА МАРИАННА жила обыденно. Днём, как все совы, спала в своём дупле. Ночью летала на охоту, ловила мышей. А иногда беседовала с соседями о дальних краях и неведомых странах. Ворона рассказывала, что её бабушка родилась в Воронеже. Лиса слышала, что существует столица всех лис — Лиссабон, а лось утверждал, что в Америке есть город Лось-Вегас.

Однажды от знакомой ласточки сова узнала, что в Африке есть замечательное место под названием Сованна.

“Там, наверное, живут совы, — подумала Марианна. — Это такая совиная страна. Может, даже родина всех сов...”

— Сованна! Сованна! — вздыхала Марианна. В голове её возникали картины, одна удивительнее другой. Наконец, сова отдала знакомой белке

— А это точно настоящая Саванна?

— Самая настоящая. — кивнул жираф. — Здесь водятся слоны, львы, носороги, зебры, антилопы, страусы и мы, жирафы. А про сов я впервые слышу! Но, может, о них знает птица-секретарь?

Марабу, или, как его ещё называли, птица-секретарь, долго листал справочник. И вдруг хмыкнул:

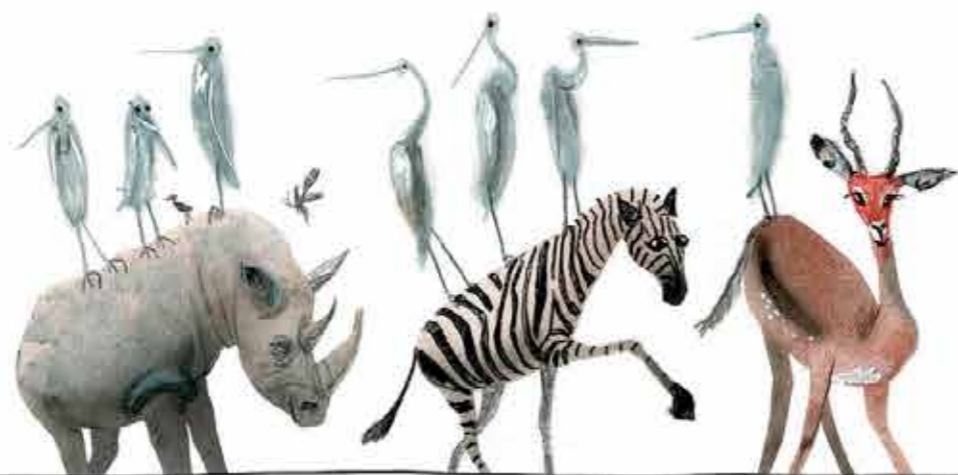
— Вы, моя дорогая, ошиблись. СОВАННЫ не существует. Есть СА-ВАННА. Она пишется через "А". И совы здесь ни при чём.

— Через "а"? — пробормотала потрясённая Марианна. — Выходит, я напрасно проделала такой путь?

— Почему напрасно? — возразил марабу. — Нам, птицам, тут совсем неплохо. Приглядитесь...

Сова, хоть и плохо видела днём, уже и сама заметила, что некоторые птицы катаются на животных: на носороге устроились сразу три скворца, а на зебрах и антилопах восседали небольшие белые цапли.

"Надо же, — подумала Марианна. — Попробовал бы у нас кто-нибудь сесть на лося или медведя!"

Она стала осматриваться, чтобы найти место для отдыха. Деревьев в саванне было немного. И вряд ли для неё найдётся свободное дупло...

И тут сова увидела стадо слонов:

"Интересно, если я попробую вздремнуть на слоне, он меня прогонит или нет?"

На слонах никто из птиц не сидел.

"Была не была, пусть это и не Саванна, так хоть на слоне прокачусь", — решила Марианна и спланировала на широкую серую спину.

— Эй, — поднял хобот вожак. — Мы недавно чистились. Если хочешь чего-нибудь поклевать, лети к зебрам или антилопам. У них и личинки клещей, и мухи, и москиты есть...

— Извините, я не ем насекомых. Мы, совы, ловим мышей...
— Что? — воскликнул вожак.
— Ну да, совы — лучшие в мире охотники на мышей!
Услышав это, вокруг собрались остальные слоны.
— Откуда ты взялась? — спросил вожак, которого все почтительно называли вождём.

— Прилетела с Севера...
Марианна рассказала свою историю. Вождь задумался:
— Мы, слоны, никого не боимся. Но мыши!.. Они шныряют тут и там и пугают малышей. Да я и сам иногда вздрагиваю спросонья. Можешь остаться с нами на ночёвку?

Пока не стемнело, сова дремала на его широкой спине. А ночью вылетела на охоту. Мышей в саванне хватало. К утру Марианна наелась до отвала, да ещё набила "мышочек" на обратную дорогу...

Увидев добычу, вожак с восхищением посмотрел на сову:
— Это первая ночь, когда слонята спали спокойно. Не согласишься ли ты побыть с нами недельку-другую?

Марианна подумала и согласилась. Днём она спала на спине вождя, а ночью охотилась в своё удовольствие. Слоны оказывали ей всяческий

почёт и уважение. А вождь обращался к ней не иначе как "Великая шаманка с Севера". Сова познакомилась с местными попугаями и цаплями. А один длинноногий страус всюду бегал за ней и в знак внимания подарил шляпку с перьями из собственного хвоста.

Наконец Марианна собралась в обратный путь. Все уговаривали её остаться, но она отказалась.

Вернувшись домой, она рассказала о своём путешествии соседям.

— Видела жирафа? Каталась на слоне? — ахали они. —

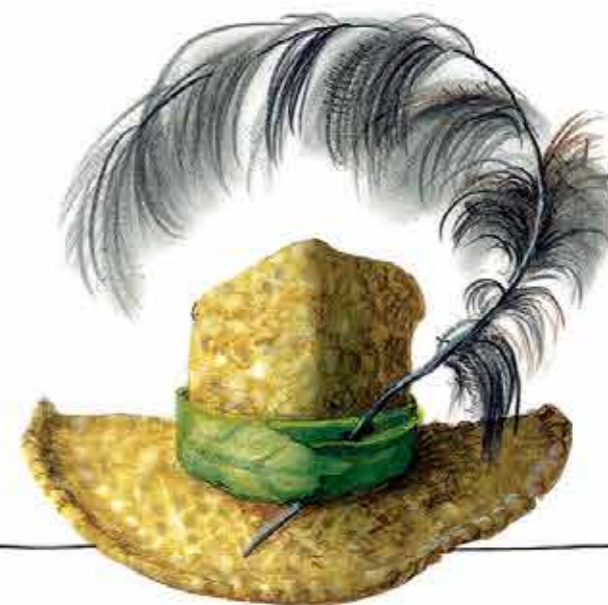
Что же ты не осталась?

— Это всё-таки не Сованна, — ответила Марианна. И поглядела на всех со значением. — Когда-нибудь у меня будет семья. Появятся дети,

а у них свои дети. Здесь будет жить много-много сов...

И однажды наш лес назовут

Сованной!

МЕЛИССА,

ИЛИ

Почтальонша снов

СОВА МЕЛИССА работала на почте в специальном птичьем отделе. Там ещё работали голуби, сороки и аисты. Голуби разносили открытки, которые посылали друг другу влюблённые, — иногда восторженно-счастливые, иногда печально-безответные, иногда свадебно-пригласительные. В некоторых открытках были изящные стихи, в некоторых — горькие крокодиловы слёзы, в некоторых — нежные поцелуи, а в некоторых — неразборчивые каракули и закорючки. Их писали куриными лапами секретные воздыхатели, которые стеснялись быть узнанными по почерку.

Сороки доставляли на своих вертялых длинных хвостах срочные новости и сенсации, а также наспех выдуманные сплетни, уличные пустозвонки, тараторки, балаболки и всякую бывалую и небывалую всячину.

Аисты занимались самыми ценными посылками. Они разносили по адресам новорождённых младенцев — голышей и пушистиков, глазастиков и зубастиков, ушастиков и хвостатиков, ревунчиков и писклявчиков — кому кого бог послал.

Мелисса же вылетала в ночную смену, чтобы исполнить совиную работу. Она разносила сны. В её почтовой сумке нежно позвякивали лиловые колокольчики сон-травы на мохнатых, бархатистых ножках, тихо перешёптывались стебельки засушенных снотворных трав — валерианы, душицы, лаванды, пустырника и тимьяна. Сумка была окутана пухленьким облачком дрёмы, от которой сразу слипались глаза и туманились мысли. Едва уловив эти волшебные запахи, бабочки дружно схлопывали уставшие за день крылья, птицы склоняли осолевшие головки под тёплые крылышки, белки заворачивались в пушистые хвостики, а медведи сладко почмокивали медовыми петушками на палочках, которые прихватывали на ночь в постель своими большими когтистыми лапами.

Ах, как сонно пахли эти травы! Лоси за версту валились с ног.

Однажды случилось и Мелиссе прямо на лету заснуть от дивного дурмана своих же дрёмных чар. Бух — и больно стукнулась об огромный твердокаменный древесный гриб чагу на корявом стволе старой берёзы. С тех пор клюв у Мелиссы обзавёлся крохотной, чуть видной щербинкой. Но эта маленькая милая трещинка оказалась очень даже полезной. Перед каждым полётом сова-почтальонша вставляла туда своё самое озорное пушистое пёрышко. Его остренький кончик так щекотал ей ноздри в пути, что летунья всё время чихала, взбадривалась и уже не поддавалась коварной зевоте.

Долго Мелисса работала рассыльной сновидений, пока не ушла на пенсию нянчить внуков, которых ей наприносили почтой аисты в благодарность за добросовестный и опасный лётный труд. А почтовая сумка

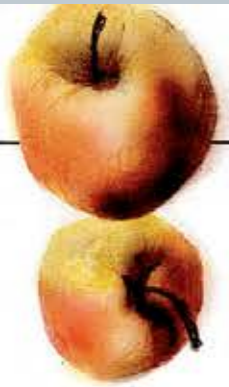
стала колыбелькой для глазастых крюконосых малышей,
которых так хорошо баюкать в уютном сонном облачке,
поглаживая ласковым крылом.

УЛЬЯНА, ИЛИ Мирная бомбардировщица

СОВА УЛЬЯНА мечтала быть лётчицей, и не просто лётчицей, а ночной бомбардировщицей. Но все войны на земле, по крайней мере, в лесу и его окрестностях, закончились. Ульяна чувствовала себя несчастной, никому не нужной и бесполезной.

Но однажды в её круглую голову пришла любопытная идея. Сова слетала в соседний кедровый лес, нарвала там шишек и, заметив гулявшую неподалёку белку, сбросила на ту весь боезапас. Белка с удивлением посмотрела вверх. Но никого не увидела. Тогда она быстро перетащила шишки в своё дупло. Ульяна была довольна: всё получилось так, как она и хотела.

На следующую ночь сова решила сменить объект бомбардировки. Она нарвала в деревне яблок и атаковала на опушке семью ежей... И снова успех — все снаряды легли точно ежам на иголки!

Ульяна почувствовала уверенность в себе и небывалый прилив сил. Теперь она каждую ночь совершала боевой вылет. Она бомбардировала свиней желудями, лосей — грибами, бурундуков — лесными орехами.

Как-то Ульяна сбросила на медведя небольшой бочонок мёда. И, вспоминая, как косолапый растерянно облизывал залитую мёдом липкую морду, долго хохотала в дупле.

Однажды на рассвете она заметила в саду двух влюблённых и на брющем полёте осыпала их цветами. И снова скрылась незамеченной.

Ульяна могла гордиться собой: за всё время ни одной ошибки, ни одного промаха. И всё-таки лётчица чувствовала, что главная цель ускользает от неё...

Больше всего ей хотелось обстрелять конфетами детей. Но, к сожалению, ночью дети спали. Сова расстраивалась, съедала конфеты сама и от этого расстраивалась ещё сильнее, так как начинала толстеть. А толстая лётчица — это уж никуда не годится, даже в мирное время...

Наступила зима. Влюблённые не бродили до рассвета в саду. Белки редко выглядывали из своих домов, ежи и медведи вообще спали. И Ульяна впала в отчаяние. По вечерам она жевала конфеты и шептала: “Жизнь проходит впустую. Скоро закончится год и начнётся новый, такой же бессмысленный, а за ним ещё один, а за ним ещё...”

И вдруг сова увидела высоко в небе необыкновенную звезду. Она сияла ярче всех звёзд и быстро двигалась по небу...

Ульяна, отлично знавшая карту ночного неба, раньше никогда не видела этой звезды. И вдруг сова поняла: это Звезда Рождества!

— Сегодня ведь сочельник! — вспомнила она, и сердце её наполнилось радостью, а жизнь — смыслом.

Ульяна поняла, что надо делать, взмахнула крыльями и полетела в город.

В эту ночь она превзошла саму себя. Ульяна сбросила на дома десять шоколадных тортов и ещё три песочных. И каждый из них попал точно в печную трубу или на балкон. Сова видела, как в окнах зажигается свет, и слышала крики детей:

— Смотрите, смотрите! Санта-Клаус прислал нам подарки!

Кто такой Санта-Клаус — страус или ещё какая-нибудь диковинная птица, — Ульяна не знала. Зато точно знала, что достигла своей цели.

Все новогодние праздники бомбардировщица была на высоте: она обстреливала конфетами нарядных девочек и мальчиков, а как-то взорвала подряд семнадцать хлопушек: Бац! Бац! Бабац!..

Ух, было весело!

АГАТА, ИЛИ *Секретный суперагент*

СОВА АГАТА УХУ-007 была секретным агентом. По ночам она занималась спортивным шпионажем. Спортивный шпионаж — это такой вид разведывательного ориентирования на местности, которым увлекаются из спортивного интереса, то есть для души и физкультуры. Сова повсюду расставляла своих жучков, которые всё подслушивали, записывали и передавали по подпольной грибничной рации в главный штаб — передвижной суперсекретный дуб на колёсиках, искусно замаскированный под неприметный гриб-дубовик в бурой лиственной шляпе, усах и плаще.

— Ястреб, ястреб... я орёл... — телеграфировал из-под корней осины взволнованный тайный информатор жучок-короед. — Объект Красная Шапочка, он же Пиноккио-в-перьях, он же Барабашка-лоботряс, выстуки-

вает сверхскоростную шифровку космическому разуму: “Тук-тук, тра-тук, тара-тута, трак, тур, кук!” Сижу на хвосте подозреваемого. Ж-ж-жду дальнейших указаний.

— Продолжать наблюдение! — радировала связному жучку сова Агата. — Выдвигаюсь на позицию. — И главный штаб на колёсиках, не покачнув ни единым жёлудем, плавным улиточным ходом ловко прокрадывался по лесу в сторону тревожных позывных.

— Ястреб, ястреб... я кукушка... — рапортовал тем временем с огромного лося малюсенький жук-олень. — Объект Коза Рогатая упёрся рогом и бьёт копытом. Очевидно, почуял слежку! Нуж-ж-жны срочные инструкции! Приём... ку-ку...

— Без паники, — распорядилась, подруливая в главном штабе, Агата. — Берите быка за рога! И дело в шляпе! — А дуб на колёсиках как

ни в чём не бывало, тихой сапой продвигался к следующей шпионской дислокации.

— Ястреб, ястреб... я цапля... — колыхалось в совиных наушниках новое донесение. Это в микрофончик бархатистой камышинки докладывал запыхавшийся жук-водомерка. — Объект Болотный Головастик сделал ноги! Черчу круги. Скольжу по следу.

— Взял языка на мушку! Заморил червяка — сматываю удочки! Машу во все лопатки! — жуужало в ушах у совы до рассвета.

И никто на Земле не догадывался о жучковой разведке Агаты.

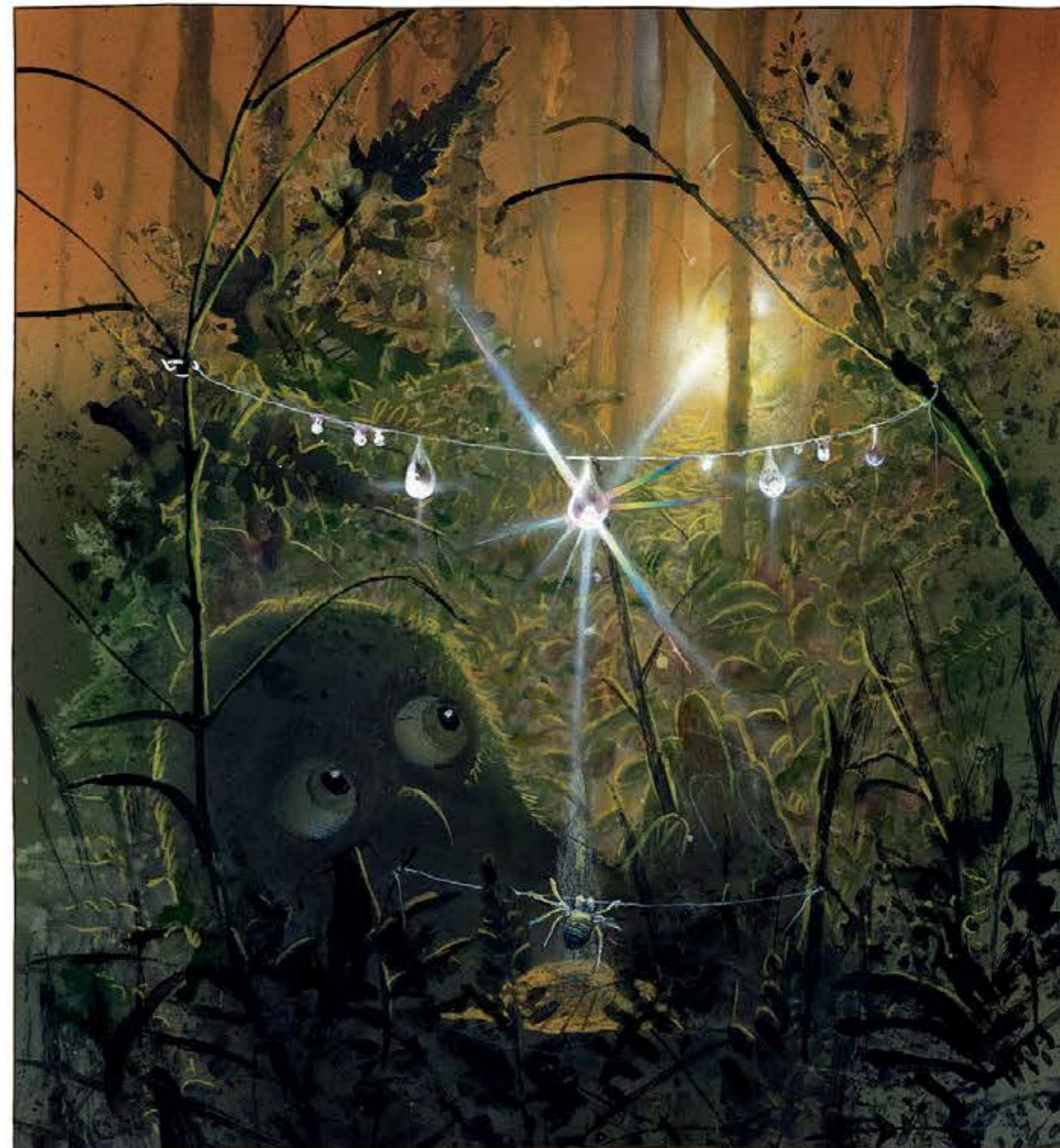
А если и догадывались, то лишь самую капельку —
с крохотную маковую росинку.

СТАНИСЛАВА, ИЛИ Сова, любившая театр

СОВА СТАНИСЛАВА обожала театр. Она не пропускала ни одного нового вечернего спектакля. Знала по именам всех актёров, выучила все роли и, разбуди её среди бела дня, могла вспомнить каждую реплику из водевиля “Лось-самозванец” и проухать любую партию из “Свадьбы соек” или “Сорочинской ярмарки”. Больше всего на свете Станислава мечтала работать в театре. Но подходящих данных для этого у неё не было: и внешность неяркая, и голос негромкий, и движения невыразительные.

— В театре самое главное — внешность, — говорил режиссёр Сорокин. — Вот посмотрите на нашего Павлина Павлыныча. Он только выйдет на сцену, хвост распустит — и сразу аплодисменты! Даже играть ничего не надо! А голос какой! Закричит — мороз по коже!

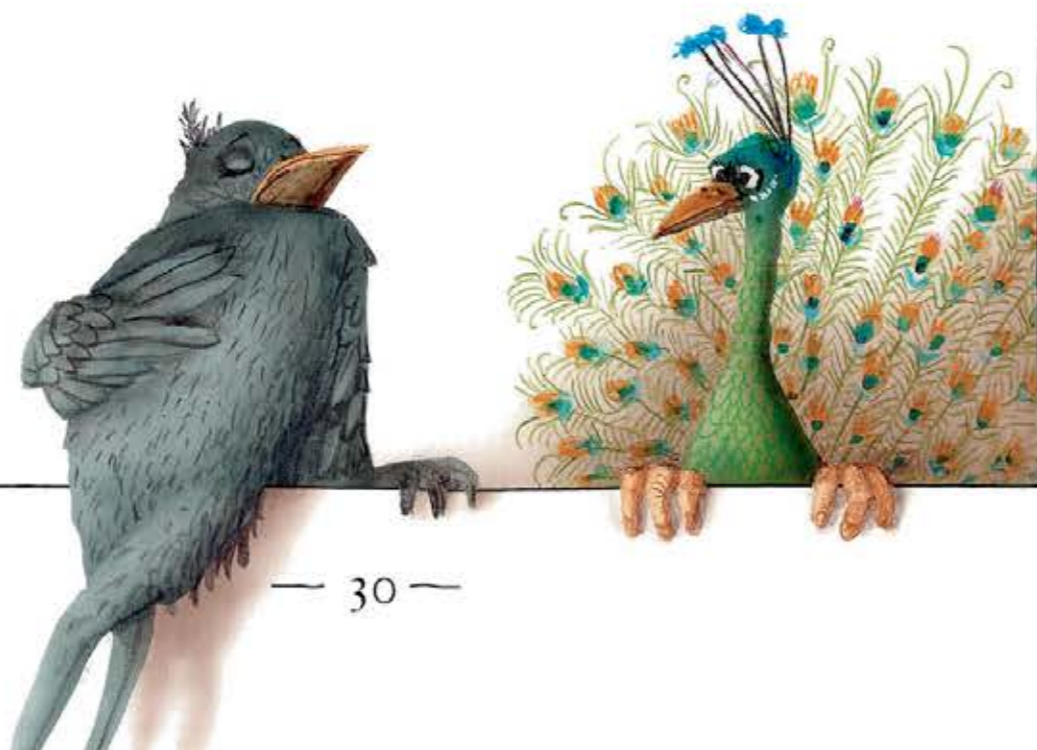
Нет, Сорокин говорил это не Станиславе: сова была застенчива и ни за что бы не решилась подойти к прославленному режиссёру. Мэтр Сорокин вещал местным соловьям и окрестным зябликам.

— А те, кто не умеет ни играть, ни петь, ни танцевать, пусть идут в критики!

Но Станислава не хотела быть критиком — ей в театре нравилось всё: даже когда кто-нибудь путал слова, или знаменитая прима Воронцова забывала каркнуть в нужном месте, или у попугая Иннокентия отваливался накладной хвост.

Станислава страстно переживала за тех, кто на сцене: перья у неё становились дыбом, а глаза возбуждённо горели. Она была бы счастлива, если бы ей разрешили проверять билеты, раздавать программки или работать в гардеробе. Она согласилась бы вешать на ветки чужие соболя и норковые шубы, чтобы только быть поближе к театру. Но, увы, даже эти места были заняты.

И вот однажды во время премьеры детской сказки “Медведь-лежебока” погас свет. То ли случилось незапланированное затмение луны,

то ли просто электричество отключили. В зале засвистели, загалдели, закрикали. Медведь в темноте наступил лисе на хвост, и та с перепугу упала в оркестровую яму. В общем, это был полный провал. И вдруг два спасительных луча осветили сцену...

Это, как прожекторы, светились глаза Станиславы.

Спектакль продолжился. Все договорили, допели, дотанцевали... Премьера прошла с грандиозным успехом. Актёров двенадцать раз вызывали на поклон. Но больше всех хлопали не медведю, не лисе и даже не Павлину Павлинычу, а Станиславе.

Тогда же режиссёр Сорокин вручил смущённой сове букет незабудок и предложил работать главным осветителем сцены.

Конечно, Станислава была счастлива. Теперь она каждый вечер приходила в театр и сидела в специальной будочке: зажигала светодиодные звёзды, неоновую луну и руководила группой молодых светлячков-осветителей.

И правда это или нет — неизвестно... Но говорят, что в честь нашей совы тот театр назвали “СОВременник”.

БРУНГИЛЬДА, ИЛИ Зубная фея

СОВА БРУНГИЛЬДА работала зубной феей. Зубная фея — это такая добрая-предобрая волшебница, которая тихонечко прилетает в сонную спальню ночью на ласковый уютный свет прикроватного абажурчика, тайно юркает под пухлую подушку и сладким шёпотом превращает спрятанные там щербатыми девчонками и мальчишками свежесвыпавшие молочные зубки в ароматные ванильно-шоколадные монетки, обёрнутые драгоценной золотистой фольгой.

Но у совы Брунгильды было на этот счёт другое премудрое мнение! Она считала, что шоколад — это опасная гадость, ужасно вредная для нежной жемчужной эмали растущих на смену новёхоньких спелых коренных крепышей. Он вызывает кариес-вульгаричес-кошмаричес, а также сахарный диабет и диатез! Поэтому превращала раздобытые молочные горошинки

ребячьих подподушечных сокровищ в чесночные головки из дюжины остреньких розовато-сиреневых зубчиков! Ведь что может быть полезнее отборного, ядрёного чеснока прямо с грядки? Ну разве что матерый криволапый имбирный корень!

— А-а-а! — кричали по утрам раздосадованные находкой детишки. — Мамочка, почему к нам опять вместо милой феи прилетала эта мерзкая зубная ведьма с противным чесноком?

— Уф! — сопели огорчённые родители и сами не находили ответа, что за хеллоуинские штучки вытворяют нынче странные, сумасбродные феи! — Ну просто ни стыда, ни совести! Одно сплошное шарлатанство и мошенничество! Мы же не вампиры, чтобы наших деток чесноком с малолетства запугивать! Уф! Хоть полицию с овчарками вызывай!

Так и сделали... Вызвали родители полицию (сразу три особо важных отделения по борьбе с чрезвычайно опасной преступностью!) и самую свирепую овчарку — помесь дикого лесного кабана с беспощадным гималай-

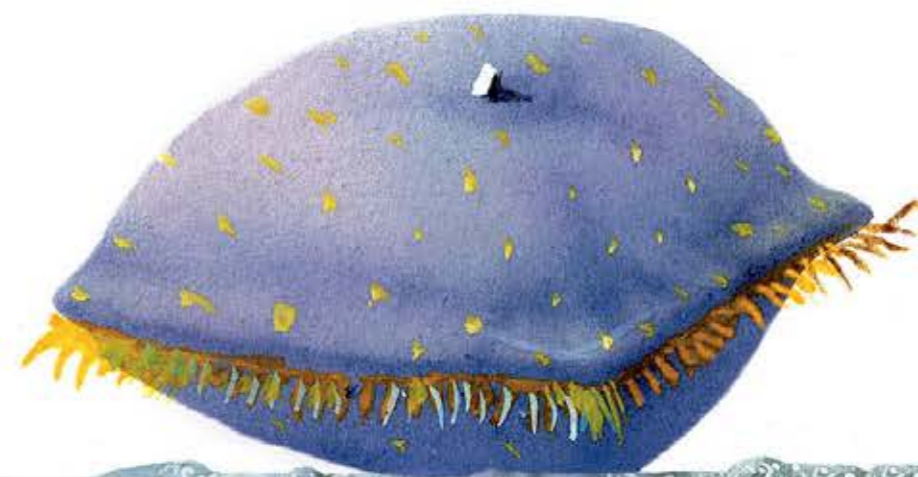

ским медведем. Еле спрятались они всей гурьбой под низенькой детской кроваткой — сидят, сторожат молочный зубик-наживку и каверзную чесночную фею дожидаются. Только сердитые дула автоматов сквозь кружева простыночки торчат да овчаркин хвост подкроватную пыль из ковра выколачивает. Ох, как сцапают сейчас они полночную чесночницу да как зададут ей отменного перца! Будет знать, что полезно, что вредно!

Только у феи как раз в тот день тоже зуб закачался. Есть у совы по тайной зуб — лишь один, но самый главный — Зуб Мудрости!!! Покачался он, покачался да и вывалился вместе со всей замудрёной учёностью. Стала Брунгильда ну совсем неразумная и легкомысленная — как вечерняя бабочка! Прилетела она не по нужному адресу — а к старой-старой

беззубенькой бабушке. Углядела у той на блюдечке истёртую вставную челюсть да наколдовала бабушке полный рот настоящих здоровых зубов.

Так её полиция и не сцапала!

САВЕЛИЙ, ИЛИ *Ушастый астроном*

СОВА САВЕЛИЙ с самых ранних лет мечтал о возвышенном: нет, не о летучих мышах и не о плывучих облаках, а о настоящем возвышенном... А что может быть возвышенней, чем звёзды?

Сначала Савелий, как другие астрономы, купил себе телескоп. В телескопе все звёзды были намного крупнее: звезда с пылинку становилась с крупинку, а с крупинку — с горошинку, планеты вырастали до размера яблока, а Луна так и вовсе в телескоп целиком не умещалась...

По ночам Савелий никогда не спал. А вот многих других астрономов после двенадцати тянуло ко сну. И они всё время зевали: то прозевают затмение Юпитера, то восход Венеры...

Савелий сидел у телескопа, любовался ночным небом и внимал музыке звёзд, которую ещё называют музыкой небесных сфер. Слух у него

был тонкий, и в то время, как другие совы слушали мышиный писк и шорох в листве, Савелий улавливал тонкий скрип земной оси, таинственный шелест пыли в лунных морях и негромкое позвякивание колец Сатурна...

А где-то рядом храпели, сопели, пыхтели, чавкали. Земные звуки сильно мешали начинающему астроному наслаждаться небесной музыкой. Поэтому Савелий изобрёл ухоскоп, или ушной телескоп — длинную выдвижную трубку, которую прикладываешь к уху и слышишь всё в тысячу раз громче...

И тогда ушам Савелия открылась вся Вселенная. Он слышал звуки самых дальних галактик и созвездий. Слышал плеск Млечного Пути, рычание Большой Медведицы и бульканье созвездия Рыб...

Вскоре Савелий обнаружил, что звёздная карта, которой тысячи лет пользовались астрономы, полна неточностей и грубых ошибок. Созвездие, которое все называли Орлом, на самом деле оказалось Вороном. Стоило направить на него ухоскоп, как оттуда отчётливо слышалось: “Карр-карр-карр”...

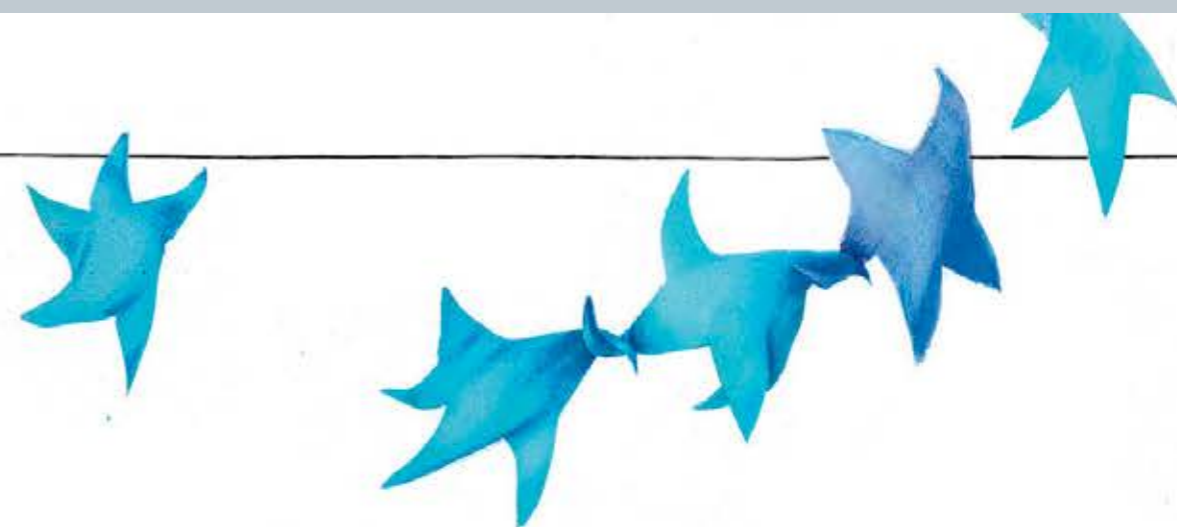
Дальше больше: созвездие Лебедь издавало крякающие звуки, Лев мычал, а Гончие Псы, вместо того чтобы лаять, истошно мяукали, особенно в марте...

Савелий составил новую звёздную карту. И сделал на учёном совете научный доклад:

— Нужно пересмотреть всю науку о звёздах...

Послышались возмущённые голоса других астрономов:

— Вздор! — шумели глухари, тетерева и учёные дятлы. — Не позволим!.. Где это видано, чтобы называть орла вороной?

— А где это слыхано, чтобы орёл каркал? — возражал Савелий, демонстрируя ухоскоп. — Послушайте — и сами убедитесь...

Но слушать его никто не желал. Савелия даже хотели исключить из Астрономического общества. Но ограничились строгим выговором.

И Савелий больше докладов не делал. Зато сделал ещё несколько замечательных открытий. Например, что астероиды не просто летающие глыбы камня, а космические объекты инопланетян каменного века.

Что на Солнце есть не только солнечные зайчики, но также лисы, волки и белки.

Савелий доказал, что скорость мысли в три тысячи триста тридцать три раза выше скорости света.

Он выдвинул теорию, что время относительно, и если днём ложиться спать, то оно движется значительно быстрее, чем ночью.

Но самое важное открытие Савелия заключалось в том, что так называемые чёрные дыры не совсем дыры. А каждая такая дыра — большое дупло во Всемирном дереве. И живут в этих дырах его сородичи, небесные совы:

— Уху-уху, — слышал Савелий.

И отвечал им:

— Уху-уху!

ГАЛА, или *Инопланетянка*

ОДНА СОВА была инопланетянкой. Про неё так и говорили: “С Луны свалилась!”, “С Марса кубаряхнулась!”, “Звезданулась с Полярной звезды!”, “Каким только космическим вихрем её к нам занесло?”, или “Какой магнитной бурей на нашу голову приштормило?”, или “Каким метеорным дождём нагромыхало?” Была ли она родом из созвездия Гончих Сов, БлизнеСов или далёкой захолустной туманности Тухлое Яйцо — никто не ведал. Но все непременно с первого взгляда догадывались — инопланетянка! А для краткости звали чудачку Галой — в честь кометы Галлея, которая, удаляясь от Солнца, пролетает мимо Земли только раз в семьдесят пять с половиной лет. И непременно хвостом вперёд — ничего не поделаешь, так уж дует солнечный ветер!

Конечно, Галу в небесах наблюдали немного чаще, чем комету Галлея, но знаменитый “полёт-хвостом-вперёд” на фоне огненно-маковой утренней зари всякий раз, как по-новому, ошарашивал раннюю сонную публику своей неземной финтифлюшностью и дерзким, безбашенным вывертом.

— Ну инопланетяяаяаянка... Ну звездааа! — ухали осовевшие от небывалого зрелища совы и филины.

— С ума кукукнулась!.. — поддакивали в соседнем тёмном бору кукушки и дрозды.

— Совсем чирикнутая! — гомонили в туманных рощицах рассветные воробьи и синицы.

— Кукареееееееееееееееееееееекнулаась! — вопили в ближних сёлах петухи.

А дятлы просто стучали по дереву в знак общественного осуждения.

Но Гале нравилось летать, как комета, поддаваясь космическому солнечному ветру. Пилотировать хвостом вперёд — это очень волнующе и НЛОшно! Она назвала свой ловкий трюк “перевертальто” и наслаждалась им с гордостью и блеском. А ещё ведь можно перевернуться на спину

и любоваться всем небом сразу, будто паришь не ПОД, а НАД ним,

выбирая себе планету поуютней, где день длится самую малость, а ночь — словно целую вечность...

Ну или хотя бы лет семьдесят пять с половиной...

ВАССА, ИЛИ *Нозной директор*

СОВА ВАССА работала ночным директором на большом продовольственном складе. Вообще, ночным директором называют сторожа. В обязанности Вассы входила охрана склада и всего, что там хранилось.

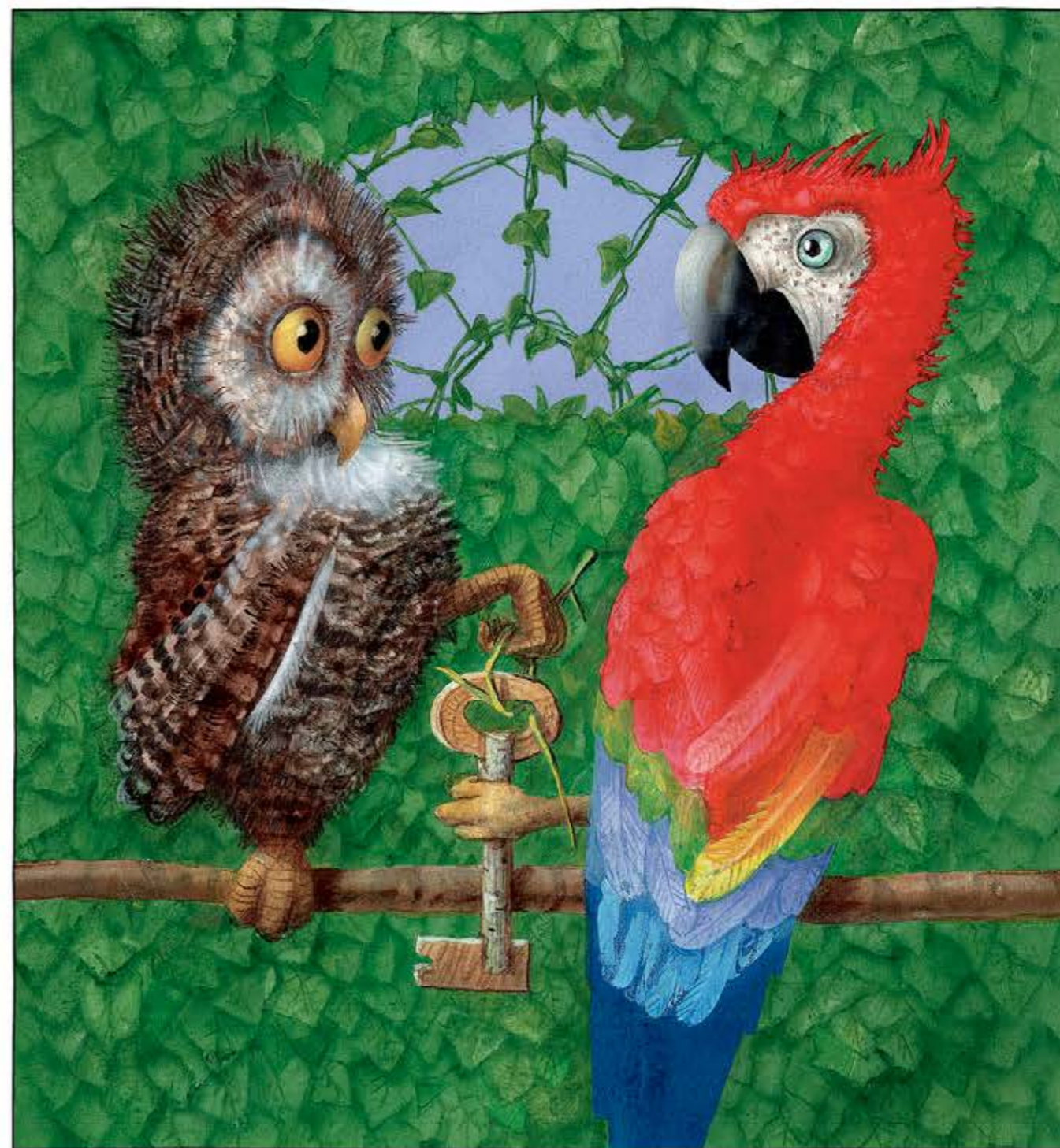
От кого охрана? — спросите вы. И я вам отвечу — ото всех!

От мышей, котов, собак, волков, ворон, медведей, людей, которые могли взломать замок, или перепилить решётки, или сделать подкоп.

По ночам Васса совершала регулярные облёты склада. В первое время она кричала: “Уху! Уху!..”

Но никто её “Уху!” не боялся. Некоторые даже думали, что их приглашают на уху. И тогда сова освоила разные звуковые приёмчики.

Когда на склад лезли мыши за сыром, она мяукала.

Если появлялись непрошенные коты — лаяла. Прибегали собаки — выла волком, а если уж волки — то кричала человеческим голосом:

— Стой, стрелять буду!

И щёлкала клювом, будто взводила курок...

Сова поставила на крыше конуру с круглой дыркой. Получилось такое уютное дупло:

— Мяу-мяу, гав-гав, у-у-у, стой, стрелять буду! — голосила Васса из своего конурного дупла.

Она научилась подражать сигнализации, а когда на склад лезли самые отпетые воры и взломщики, имитировала звуки пистолетных выстрелов и пулемётных очередей:

— Тыц! Дыц! Тыдыц! Пиу! Пиу! Тра-та-та-та!

Даже бандиты с железными нервами разбегались, как тараканы.

Кстати, тараканов на складе тоже не было. Васса нашла управу даже на муравьёв, которые преступной колонной топали к мешкам с сахарным песком. Для этого сове пришлось выучить боевой крик муравьеда.

Настоящий директор склада нарадоваться не мог на свою ночную заместительницу:

— И сама не крадёт, и другим не даёт!.. Если в наше время у кого и есть совесть, то только у сов! — говорил он.

Но однажды утром Васса влетела в кабинет директора и сообщила:

— Меня пригласили в кино...

— В кино? — удивился директор. — И что ты там будешь делать?

— Озвучивать фильмы, — объяснила Васса. — Я умею мяукать, лаять, выть, стрелять, шуршать, греметь, кричать орлом, соколом и совой...

Директор сильно опечалился:

— И где я найду ещё такого талантливого сторожа?

— Возьми какого-нибудь попугая, — посоветовала Васса. — Они неплохо звукоподражают, и голоса у них громкие!

Директор так и сделал. Пригласил на место совы большого бразильского Ару. Но новый сторож умел кричать только: "Ворры! Рразбойники! Карраул!" и "Стой, стрелять буду!"

— Ничего, он просто молодой и местами зелёный. Со временем научится, — прощаясь, сказала Васса.

С тех пор её никто не видел. Говорят, теперь сова работает на самой большой студии в Голливуде, где озвучивает боевики, мелодрамы и мыльные оперы. И если вы смотрите фильм, где отлично грохочут выстрелы, натурально ржут лошади, правдоподобно шумят фонтаны или гениально скрипит дверь, знайте — это работа Вассы. Это она щёлкает кастаньетами, разговаривает на марсианском языке и поёт за известных певцов...

Да так здорово, что любо-дорого послушать!

ЛЮСИНДА, ИЛИ Предрасветная муза

СОВА ЛЮСИНДА работала музой у поэта. Муза — это такая фея, которая прилетает по ночам и навевает вдохновение. А вдохновение — это такая волшебная сила, которая творит чудеса. Например, чудесные стихи. Но однажды, уже перед самым рассветом, Люсинда слишком сильно взмахнула крыльями, навевая на поэта вдохновение, — и все его чудесные стихи вихрем вынесло прямо в открытое окно и размело на разные стороны света.

— Ах! — воскликнул поэт, который жил на пятнадцатом этаже и не мог тут же выбежать на улицу, чтобы собрать свою рукопись. — Что ты наделала, Люсинда! Я только что закончил великолепную поэму, которую сочинял всю жизнь! — Прямо в домашнем халате и одной тапочке он бросился к лифту, но, спускаясь, застрял на втором этаже.

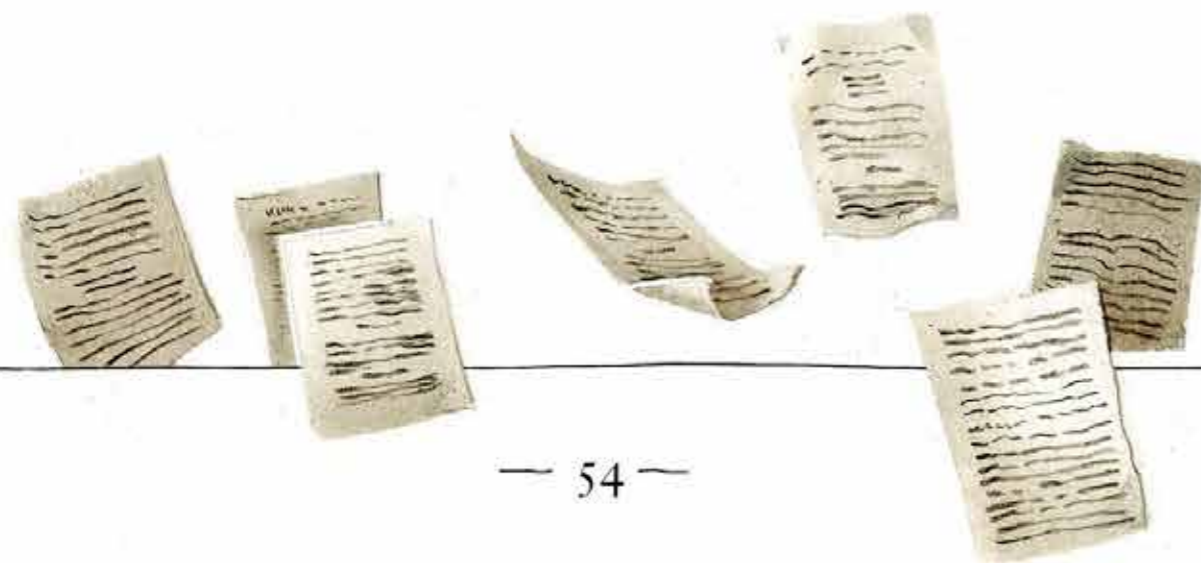

Люсинда, конечно, сразу выпорхнула в окно за разлетевшимися страничками, но своим маленьким кривеньким клювиком смогла подцепить лишь одну, на которой было написано: "КОНЕЦ".

Тут на улице хлынул такой сильный ливень, что размыло весь двор и не осталось никакой надежды собрать оставшуюся поэму.

Люсинда влетела в подъезд. Тут лифт, очнувшись, спустился и открыл двери. Но там уже не было поэта, а была только его старая тапочка с дыркой на самом носу. Люсинда заглянула в дырочку, но поэта в ней не увидела.

— Ах, Люсинда, что ты наделала! — проворчала тапочка голосом пропавшего поэта. — Сколько раз тебя просить! Не засыпать на моём ноут-

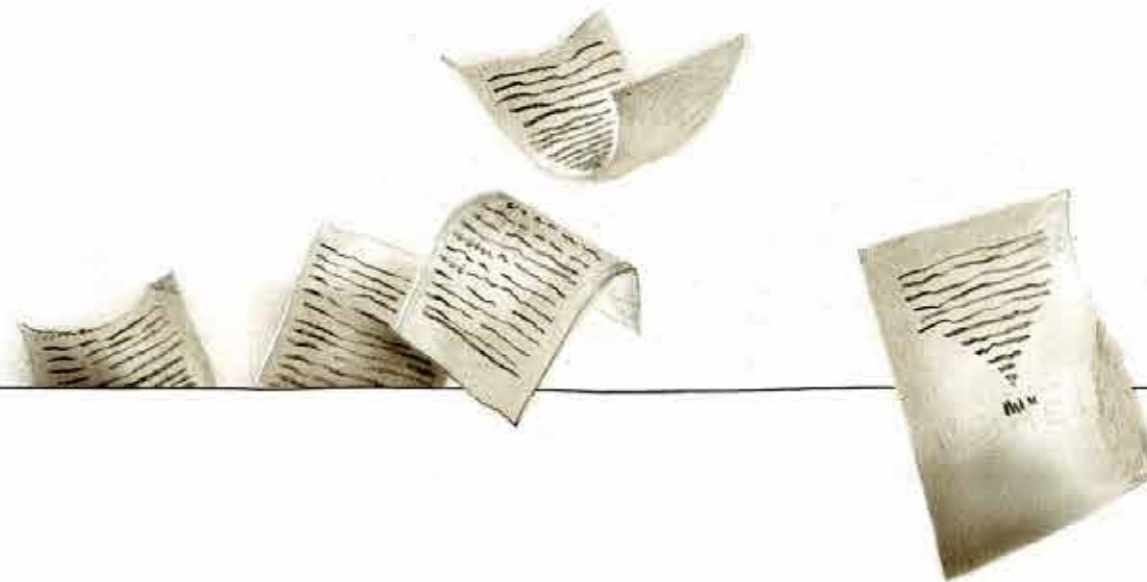

буке! Только посмотри, что ты напечатала: "КОНЕЦ" — разве это подходящее начало для новой поэмы?! И верни, пожалуйста, мышку на коврик! Она не живая, а компьютерная. Ох уж эти мне музы. Одно сплошное беспокойство с ними, а не вдохновение.

Тут Люсинда проснулась, на секунду открыла глаза и увидела перед собой любимого поэта.

"Нашёлся..." — с лёгким сердцем подумала она и снова погрузилась в дрему, убаюканная первыми лучами рассвета.

— Не беда, что уснула, — улыбнулся поэт. — Это у нас, людей, говорят: утро вечера мудренее. А у муз всё
СОВсем наоборот.

МАРФА, ИЛИ *Дирижёр тишины*

СРАННЕГО ПУХОВОГО ДЕТСТВА сова Марфа любила музыку. Неважно, какая это музыка была: соловьиный джаз или хоровые песнопения лягушек, нежные симфонии сверчков или прощальные романсы улетающих журавлей — всё приводило юную сову в восторг и толкало к занятиям музыкой.

Неудачи начались уже в музыкальной школе. Марфа пробовала играть на гитаре и арфе, но острые когти рвали струны. Педагоги так и говорили:

Прилетела Марфа —
Разлетелась арфа!

Марфа записалась в лесной хор, но голос у неё был хрипловатый: иногда срывался на лай, а иногда давал петуха...

Тогда Марфа решила: "Раз из меня не получается ни арфистка, ни солистка, стану дирижёром! Ему не нужно петь и играть, а только любить музыку и вовремя взмахивать палочкой..."

Музыку Марфа любила, а дирижёрскую палочку ей выгрыз знакомый жук-короед.

Но и карьера дирижёра у совы не задалась: едва она широко взмахивала крылом с дирижёрской палочкой — ноты с попитров разлетались, а заодно с веток сдувало половину музыкантов.

После двух неудачных репетиций Марфу выгнали из оркестра.

— Или она, или мы! — заявили оркестранты.

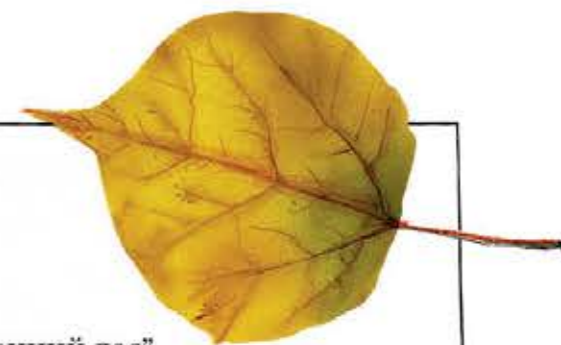
И Марфа осталась одна. Со своей дирижёрской палочкой и любовью к музыке.

Тихим осенним вечером сова сидела на ветке в полном одиночестве и дирижировала листопадом. Вокруг плавно кружились ноты: золотые, розовые, красные. Слышалось лёгкое шуршание и дыхание северного ветра...

И Марфа вдруг поняла: не нужны никакой оркестр, никакие музыканты. Потому что нет ничего прекраснее тишины. Музыка тишины! Её ещё никто не слышал. А если слышал, то не знал, что это Музыка...

— Что это ты делаешь? — удивилась знакомая белка, глядя, как Марфа размахивает дирижёрской палочкой на совершенно пустой опушке.

— Дирижирую тишиной! Послушай...

Это была первая в мире беззвучная пьеса "Осенний лес".

— Вокруг нас слишком много звуков, а тишины осталось мало, — закончив, сказала сова.

— Действительно, прекрасно, — вздохнула белка. — А можно я в следующий раз детей приведу?

— Конечно, — кивнула Марфа.

— И я тоже, — неожиданно вмешался сидевший у норы барсук. — Весной соловьи так свистят и щёлкают, что уши закладывает! А от этих дятлов-рэперов ни зимой, ни летом житья нет!

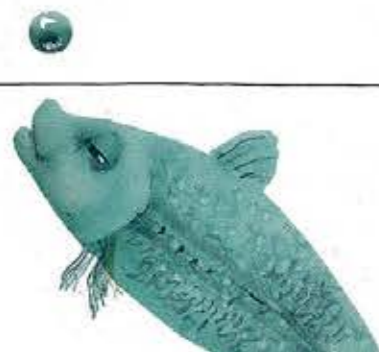
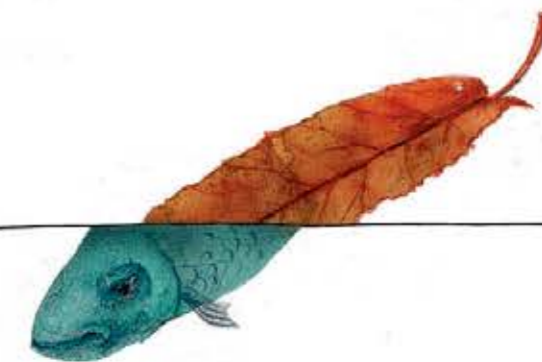
Второй концерт тишины прошёл при полнейшем молчании. Только в конце все захлопали крыльями, застучали лапами и закричали "Браво!".

А на третьем концерте собралось столько публики, что жёлудю было негде упасть, и выступление записали на радио и телевидении.

А дальше началась настоящая слава. Тихие пьесы совы исполнялись во всех уголках земли. "Тишина перед бурей", "Лунная ночь на Днепре", "Молчание ягнят", "Вторая лунная соната", "Рассвет на Москве-реке" (где звучал единственный в мире хор рыб) стали классикой и приводили

публику в экстаз. А если кто-то кашлял или начинал похрапывать, его тут же толкали в бок:

— Тише! Не мешайте слушать тишину!

ГЛАФИРА, или Зимняя аистётушка

СОВА ГЛАФИРА подрабатывала аистом. Так уж в природе получается, что аисты — конечно, птицы прекрасные и таких замечательных новорождённых малышей родителям в кружевных конвертиках приносят (просто не налюбуйся!), да вот только как нагрянет девятнадцатое августа (День прощального аистиного курлыка) — тут же собираются в белокрылые стаи и улетают на зимовку в Африку или Индию, забыв про всех поспевших в небе карапузов. А возвращаются, бесстыдники, не раньше чем к апрелю! Ну, прямо не добрые ангелы, а чистые эгаисты! Ребятня кричит в облаках, надрывается: “Уа, уа, бессердечные аисты! На кого вы нас, сироток, покинули!” А аистам, конечно, самим тоже гадко за такое неблагородное поведение. Совесть их на юг просто так не отпускает — носит в небе по кругу и мучает. Вот они и придумали сва-

лить свою хлопотную ясельную службу на сову. До первых подснежников. Сова — птица безотказная: чего ни попросишь — один ответ: “Угу!” Милая, сердобольная клуша.

Так и стала Глафира подрабатывать аистом. Точнее, перелётной аистётушкой. Ох, чего только не натерпишься с этими межсезонными грудничками! Летом-то хорошо: обернуть младенчика подгузником, наскоро смастрячить из тонкой ситцевой пелёнки узелок — и дело в шляпе, точнее, в лёгкой колыбельной люльке. Летишь себе, в ус не дуешь — невесомая ноша знай себе плавно в клюве покачивается да сладким кулачком во сне причмокивает. А осенью! Тут одной простынкой не обойдёшься. Надо одеяльце малышу, крепкий зонтик от дождика. Зимой и того хуже: в сильный мороз и по три толстых стёганных одеяла на одного кроху накутывать приходится. А если двойня или тройня в феврале аккурат на крещенскую стужу да в какие-нибудь Чёртовы Кулички заказана! Кряхтит сова, еле тащится. Семь потов с неё сойти не успевают — тут же застывают на

свистящем ветродуе семью стопудовыми сосульками! Тянут они к земле пуще прежнего. А присядешь на пенёк отдохнуть — уж никак в небо не поднимешься.

Маялась-маялась Глафира. Да ум совиный на мудрости скор. Раздобыла она гибких ивовых прутьев и сплела гнёздышко-саночки. Тёплым пухом внутри обложила, солнечных зайчиков на полянке в лесу наловила, рассадила по краям гнездохата, приказала сидеть смирно и с бочков припекать-пригревать, верёвочку к полозьям привязала и стала развозить по домам грудных младенцев. Саночки с горок — скок! вжик! — малышня хохочет! Щёчки от смеха румянятся, глазки ясным солнышком лучатся, счастливаются! Приезжают карапузы к своим мамам и папам с пылу с жару — как пирожки из русской печки!

— Ух-гы-фух-гы-ё-хо-ха!!! — восхищаются довольные родители. —

Какие у нас детишки расчудесные! Взгляните-ка: под ними аж подснежники проклюнулись!!!

ПОЛИНА, или *Сова в музее*

ПОЛЯРНАЯ СОВА ПОЛИНА работала в музее чучелом. В музей она попала совершенно случайно. Однажды во время пурги залетела в окно, которое забыл закрыть музейный сторож, да так и осталась.

Полина никогда прежде не бывала в музее. До этого она жила в тундре и вела дикий образ жизни. В музее ей понравилось. На стенах висели фотографии и картины, а на полу и столах лежали всякие интересные вещи: охотничьи принадлежности, рыболовные снасти, лодки, палатки геологов и чумы оленеводов, моржовые клыки и бивни мамонта. Особенно сове приглянулся уголок живой природы: в небольшом зале в разных позах застыли медведь, лиса, песец, заяц и полярный волк. На ветках сухого дерева сидели вороны, чайки и куропатки...

“Интересно, как они тут вместе уживаются?” — удивилась Полина.

И вдруг неподалёку послышались человеческие голоса. Полина хотела вылететь на улицу, но сторож уже закрыл окно, через которое она попала в музей. А голоса приближались...

“Попалась”, — подумала сова.

И тут ей в голову пришла спасительная идея. Полина села на одну из веток сухого дерева и притворилась чучелом.

Директор музея делал утренний обход. Он отлично знал каждый экспонат в своём музее. И, увидев Полину, сильно удивился:

— А сова откуда взялась? Совы у нас не было...

— Наверное, охотник из тундры приходил, вот и оставил, — предположил кто-то из сотрудников.

— Совы нам как раз не хватало, — обрадовался директор. — Отличная работа. Прямо как живая!

Полина сидела не шевелясь, пока её разглядывали сотрудники музея. Она даже не моргнула, когда директор повесил ей на лапу бирочку с инвентарным номером. А после обеда под веткой, на которой она сидела, появилась табличка “Полярная сова”.

Весь день Полина проспала на дереве, и никто ни о чём не догадался. Ведь совы спят с открытыми глазами. А вечером...

Полина видела, как проветривают помещения. Открыть окно оказалось не так уж сложно. И когда музей закрылся, она вылетела на охоту, но под утро вернулась и снова села на ветку. Так и повелось: ночами сова улетала, на рассвете возвращалась и сама закрывала за собой форточку.

И никто ни о чём не догадывался, кроме музейной кошки Муси.

Муся была умной кошкой. Она ловила мышей, чтобы те не грызли экспонаты. Поначалу, обнаружив живую сову, Муся шипела на Полину.

Но, поняв, что сова не претендует ни на мышей, ни на блюдо с молоком, стоявшее под скелетом мамонта, успокоилась. Они даже подружились и по ночам прогуливались по пустым помещениям, обсуждая новые экспонаты, работников музея и посетителей.

— Ох уж эти посетители! Так и норовят всё потрогать и пощупать, хотя ясно же написано: “Экспонаты руками не трогать!” — сердилась кошка, которая хотя и не умела читать, но за долгую жизнь в музее выучила все надписи.

— Дикари, — соглашалась с подругой Полина. — Но для того их и приводят в музей, чтобы повысить культурный уровень...

Однажды в музей пришёл мальчик с мамой и, когда та отвлеклась, стал тыкать в сову лазерной указкой. Полина не сдержалась и цапнула его за палец.

— Ай, мама! — завопил хулиган. — Сова кусается!

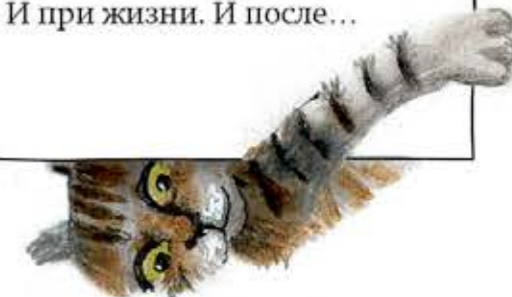
— Не выдумывай! — строго сказала мать. — Это чучело. Оно кусаться не может...

“Ещё как может! — подумала Полина. — Ещё раз тронешь, в нос клюну!”

Полина оказалась очень способной совой. Быстро освоила человеческий язык и научилась читать. Она не хуже хранителей знала каждый экспонат. И даже расшифровала древнюю надпись на одном из моржовых клыков. В свободное время сова писала служебные записки и подсовывала под дверь директору: “У вас искрит проводка. Даброжилатель”.

И только раз в году, в Музейную ночь, должна была оставаться на своей ветке. Полина была счастлива.

— Пусть меня называют чучелом, — говорила она подружке-кошке. — Счастье — это когда ты нашёл своё место в жизни. И при жизни. И после...

КАЗИМИРА, ИЛИ *Сова-художница*

СОВА КАЗИМИРА МАЛЕВИЧНА была художницей. Больше всего она любила рисовать чёрные-пречёрные ночные пейзажи. Особенно в самой дремучей лесной глуши, куда не добираются лучами ни звёзды, ни луна. И даже днём не проскочит малосенький солнечный зайчик. Да что там — даже крошечная солнечная блошка не мелькнёт!

— Ночь — это самое живописное время! Сколько в ней ослепительных чёрных красок! — повторяла сова всякий раз, как вылетала в тёмный бор на свой излюбленный пленэр с корявым стареньким мольбертом на курьих ножках и заляпанным чёрными кляксами этюдником.

В этюднике хранилось целое богатство чёрных красок. Вот тюбик с оттенком жирной, сочной земли после проливного дождя, вот баночка с прахом старого трухлявого дупла, вот с густым синеватым отливом воронова крыла, пеплом угольно-сизой золы от ведьминского костра на Лысой

Горе, смолянистым сосновым дёгтем, соками спелой черёмухи, крушины, черники, ежевики, чёрной бузины... Даже флакончик с ядовитыми чернилами тихоокеанского осьминога, старинная, антикварная плитка горького бельгийского шоколада и баночка засохшего сапожного крема для тугих кавалерийских ботфортов откуда-то попали в коллекцию ночной пейзажистки.

— У-у-у-у-у-у-у-у-х, какая красотища! — восхищалась Казимира Малевична, приземляясь в самом крошечном глухоманном захолустье где-нибудь у чёрта на куличках. — Хоть глаз выколи! Ни зги, ни ползги не видно! Даже собственного клюва!

Тут она хваталась за кисти из шерсти чёрно-бурой лисицы и целую неделю увлечённо писала одну и ту же небольшую квадратную картину, над которой трудилась уже сто с лишним лет и всё никак не могла закончить, потому что нет предела совершенству и настоящему художественному мастерству!

— У-у-х-х-х-х-х-х-х-х!!! Такой гениальной картины днём с огнём не сыщешь! — подсказывал Казимиру её внутренний творческий голос.

— Ух, не сыщешь! Ух, не сыщешь!! — каждый раз второпях соглашалась она сама с собой, добавляя на холст какой-нибудь новый дивный пугтрих. И только самую последнюю точку всё никак не умудрялась поставить...

A Trip to the New Year

by Eduard Uspensky

“Malysh”, Moscow, 2019

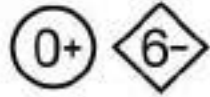
9 785171 165239

Герои Эдуарда Успенского живут среди нас уже многие годы. И не важно, кто они: обыкновенные люди, крокодилы или чебурашки — они умеют жить вместе: играть, строить дома, да и просто дружить. Хотя, нет, Чебурашка — это всё-таки очень странный персонаж. Они все со странностями: и Рыжий-рыжий-конопатый, и его дедушка, и академик Иванов, и все знакомые и ещё не знакомые нам герои Эдуарда Успенского, все те, кто в этот Новый год приехал в Голубом вагоне, чтобы подарить нам не только волшебство праздника, но и научить нас жить дружно и весело.

Присоединяйтесь к нам!
www.ast.ru/reductions/malysh
[instagram.com/vst_det](https://www.instagram.com/vst_det)
vk.com/ast_det
facebook.com/ast_det
ok.ru/ast_det

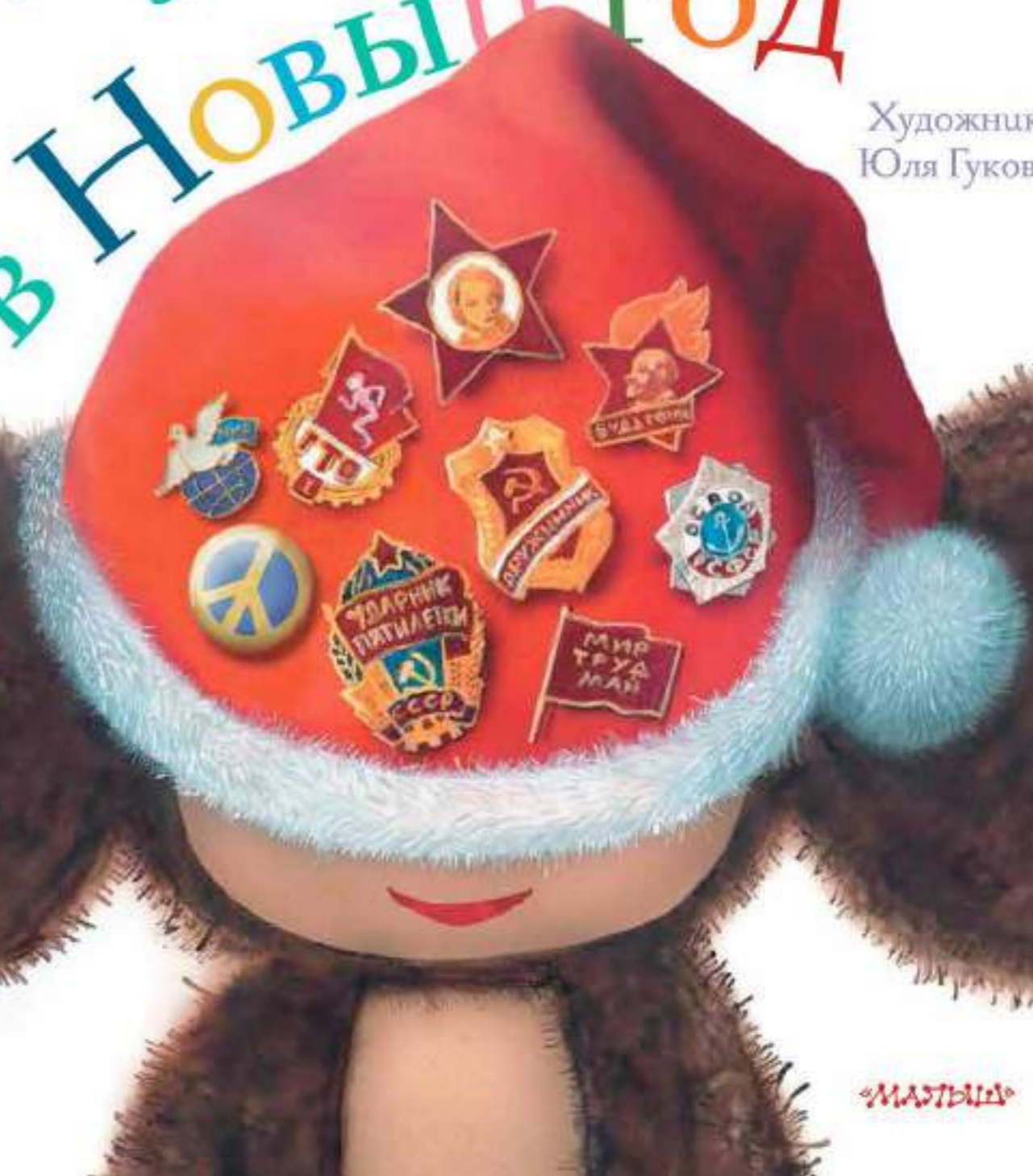
Эдуард Успенский

Путешествие в Новый год

Эдуард Успенский

Путешествие в Новый год

Художник
Юля Гукова

MASTYSH

Праздничные песни

Зимние стихи

Голубой вагон

8

Чебурашка

12

16

Рыжий

Вера и Анфиса

30

Про стужу

41

Царь горы

65

Рассеянная няня

36

42

Академик Иванов

52

Гололёд

Матрёшки

66

Картинка

71

22

Пластилиновая ворона

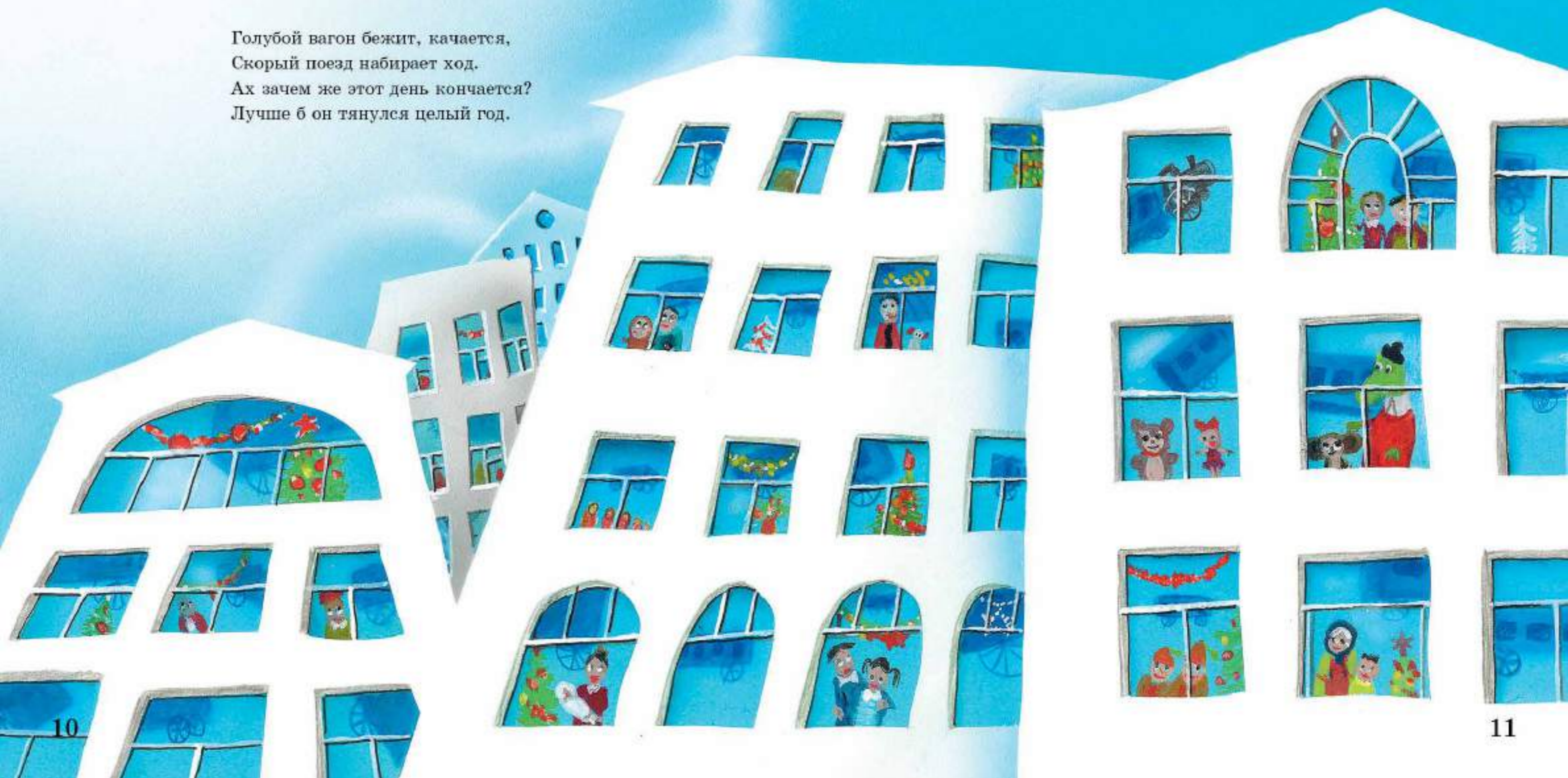
Голубой вагон

Медленно минуты уплывают в даль,
Встречи с ними ты уже не жди,
И хотя нам прошлого немного жаль —
Лучшее, конечно, впереди.

Скатертью, скатертью дальний путь стелется
И упирается прямо в небосклон.
Каждому, каждому в лучшее верится,
Катится, катится голубой вагон.

Может, мы обидели кого-то зря —
Календарь закроет этот лист.
К новым приключениям спешим, друзья,
Эй, прибавь-ка ходу, машинист!

Голубой вагон бежит, качается,
Скорый поезд набирает ход.
Ах зачем же этот день кончается?
Лучше б он тянулся целый год.

Чебурашка

Я был когда-то странной
Игрушкой безымянной,
К которой в магазине
Никто не подойдёт.
Теперь я Чебурашка,
Мне каждая дворняжка
При встрече сразу лапу подаёт.

Мне не везло сначала,
И даже так бывало,
Ко мне на день рожденья
Никто не приходил.
Теперь я вместе с Геной,
Он не обыкновенный,
А самый лучший в мире крокодил.

Мы заявляем честно,
Что жить нам интересно,
Но если мы узнаем,
Что кто-то одинок,
То можем иль не можем,
Но мы ему поможем
И с дружной песней вступим на порог!

Рыжий

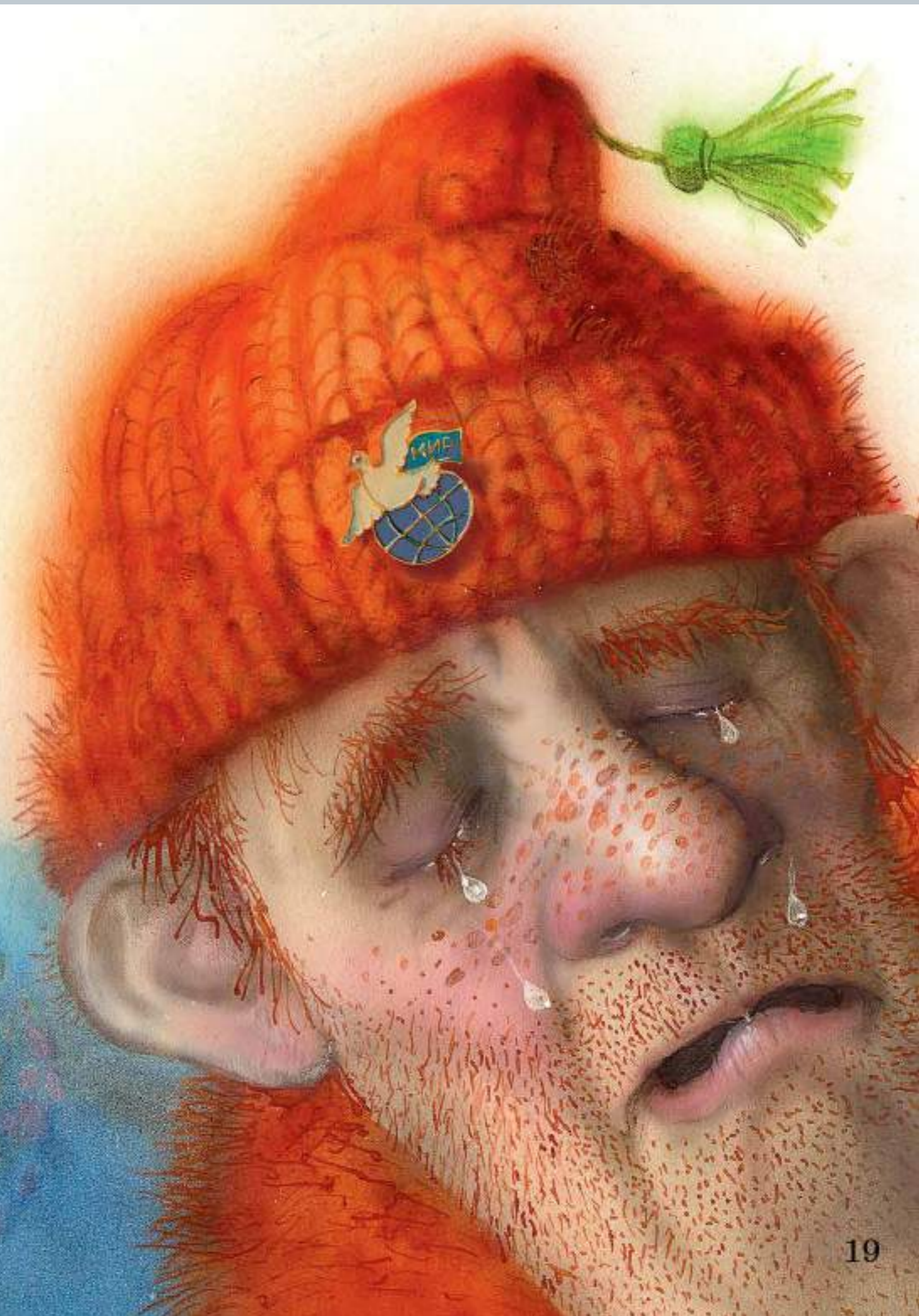
Если мальчик конопат,
Разве мальчик виноват,
Что родился рыжим, конопатым?
Но, однако, с малых лет
Пареньку прохода нет,
И кричат ехидные ребята:

— Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой! —
А он дедушку не бил,
А он дедушку любил.

Вот он к деду.
Ну а дед
Говорит ему в ответ:
— У меня ведь тоже конопушки!
Если выйду я во двор,
Самому мне до сих пор
Всё кричат ехидные старушки:

— Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой! —
А я дедушку не бил.
А я дедушку любил!

Пластиковая ворона

Мне помнится, вороне,
А может, не вороне,
А может быть, корове
Ужасно повезло:
Послал ей кто-то сыра
Грамм, думается, двести,
А может быть, и триста,
А может, полкило.

На ель она взлетела,
А может, не взлетела,
А может быть, на пальму
Спокойно взобралась.
И там она позавтракать,
А может, пообедать,
А может, и поужинать
Спокойно собралась.

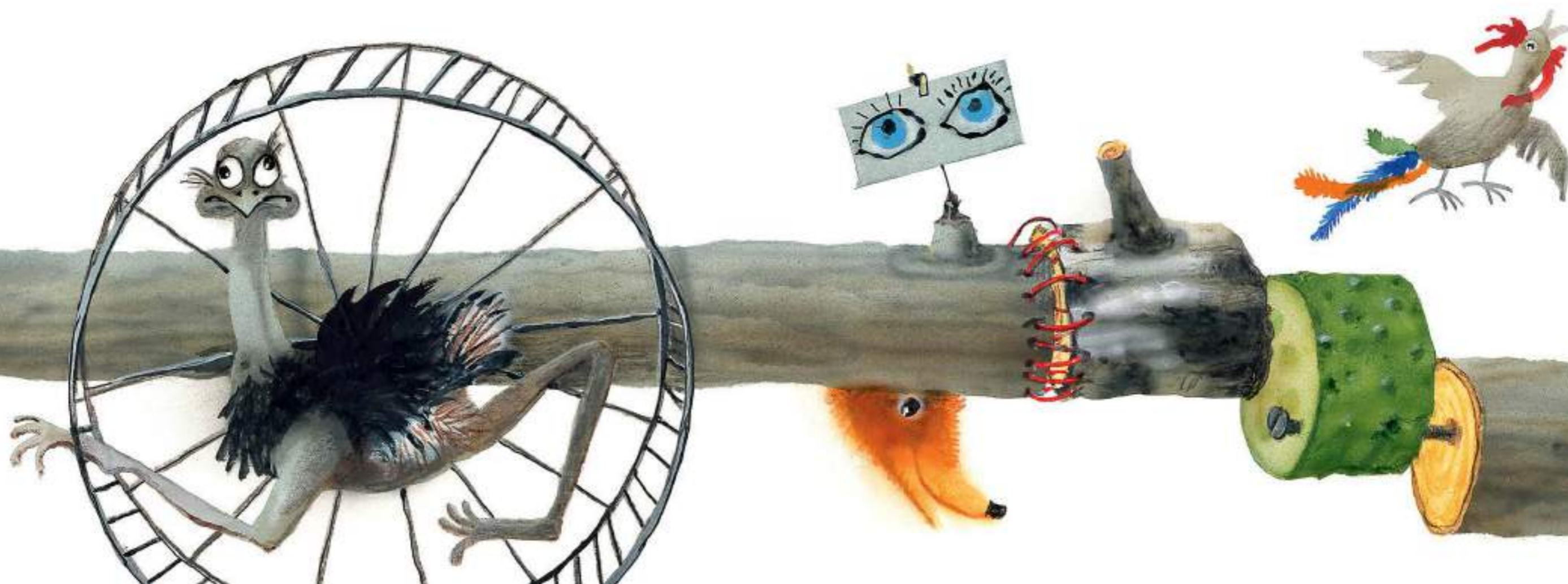
Но тут лиса бежала,
А может, не бежала,
А может, это страус злой,
А может, и не злой.
А может, это дворник был...
Он шёл по сельской местности
К ближайшему орешнику
За новою метлой.

— Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова,
Ну, как вы хороша!
У вас такие перья,
У вас глаза такие!
Копыта очень стройные
И нежная душа.

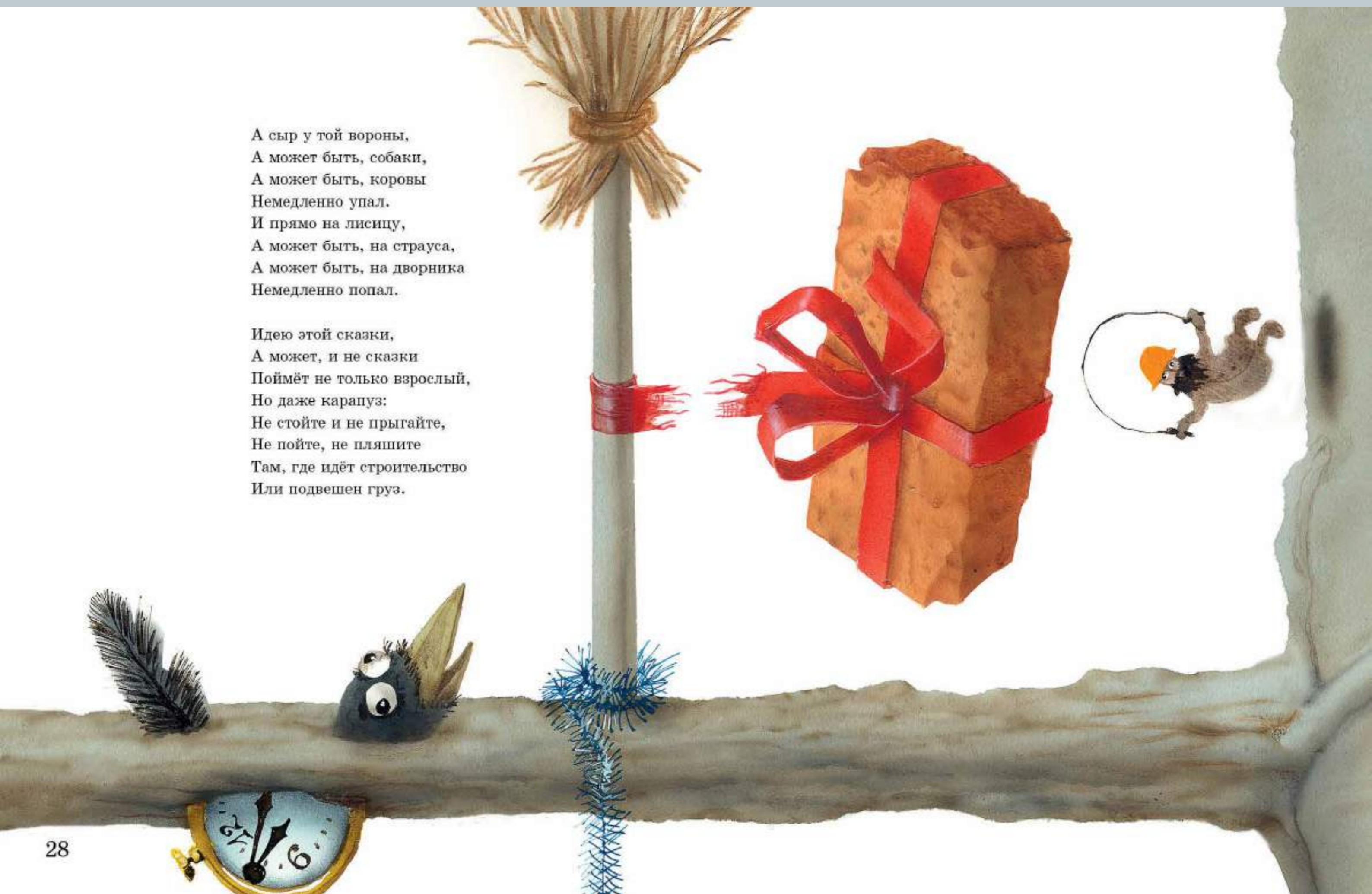
А если вы залаете,
А может, и завоюете,
А может, замычите,
Коровы ведь мычат,
То вам седло большое,
Ковёр и телевизор
В подарок сразу вручат,
А может быть, вручат.

И глупая ворона,
А может быть, корова,
А может быть, собака
Как громко запоёт!
И от такого пения,
А может, и не пения
Упал, конечно, в обморок
От смеха весь народ.

А сыр у той вороны,
А может быть, собаки,
А может быть, коровы
Немедленно упал.
И прямо на лисицу,
А может быть, на страуса,
А может быть, на дворника
Немедленно попал.

Идею этой сказки,
А может, и не сказки
Поймёт не только взрослый,
Но даже карапуз:
Не стойте и не прыгайте,
Не пойте, не пляшите
Там, где идёт строительство
Или подвешен груз.

Вера и Анфиса

У девочки Веры теперь есть подружка,
Она не котёнок, она не игрушка,
Она иностранка, она интуристка,
Она обезьянка по кличке Анфиска.
Анфиска,
Анфиска,
Анфиска.

Её папа рад, и её мама рада.
Другую сестрёнку рожать им не надо,
Ведь есть иностранка, ведь есть интуристка,
Ведь есть обезьянка по кличке Анфиска.
Анфиска,
Анфиска,
Анфиска.

Их девочка Вера росла одинокой,
Могла стать сердитой, могла стать жестокой.
Теперь она вырастет доброю самой
И станет, наверно, прекрасною мамой.
Ведь есть иностранка, ведь есть интуристка,
Ведь есть обезьянка по кличке Анфиска.
Анфиска,
Анфиска,
Анфиска.

Рассеянная НЯНЯ

По бульвару няня шла,
Няня саночки везла.
Мальчик в саночках сидел,
Мальчик с саночек слетел.
Видит няня — легче стало,
И быстрее зашагала.

Побывала на базаре,
Посмотрела на товар.
Потолкалась на пожаре —
Ведь не каждый день пожар.

Соли в лавочке купила
И хозяйственного мыла,
Там же встретила куму,
Разузнала, что к чему.

Про стужу

Ры-ры-ры, ры-ры-ры —
Входит стужа во дворы,
Бродит в поисках дыры.
Там, где стужа пролезает,
Всё тотчас же замерзает.

Мы не выпустим тепло
За оконное стекло.
Справимся со стужей...
Вата, кисточка и клей —
Вот наше оружие.

Академик Иванов

Всем известный математик
Академик Иванов
Ничего так не боялся,
Как больниц и докторов.

Он мог погладить тигра
По шкуре полосатой.
Он не боялся встретиться
На озере с пиратами.

Он мог засунуть голову
Носорогу в пасть.
Он не боялся в дебрях
Африки пропасть.

Он только улыбался
Под дулом пистолета.
Он запросто выдерживал
Два действия балета.

Он не боялся темноты,
Он в воду прыгал с высоты
Два метра с половиной...
Но вот однажды вечером
Он заболел ангиной.

И надо вызывать скорей
Врача из «неотложки»,
А он боится всех врачей,
Как мышь боится кошки.

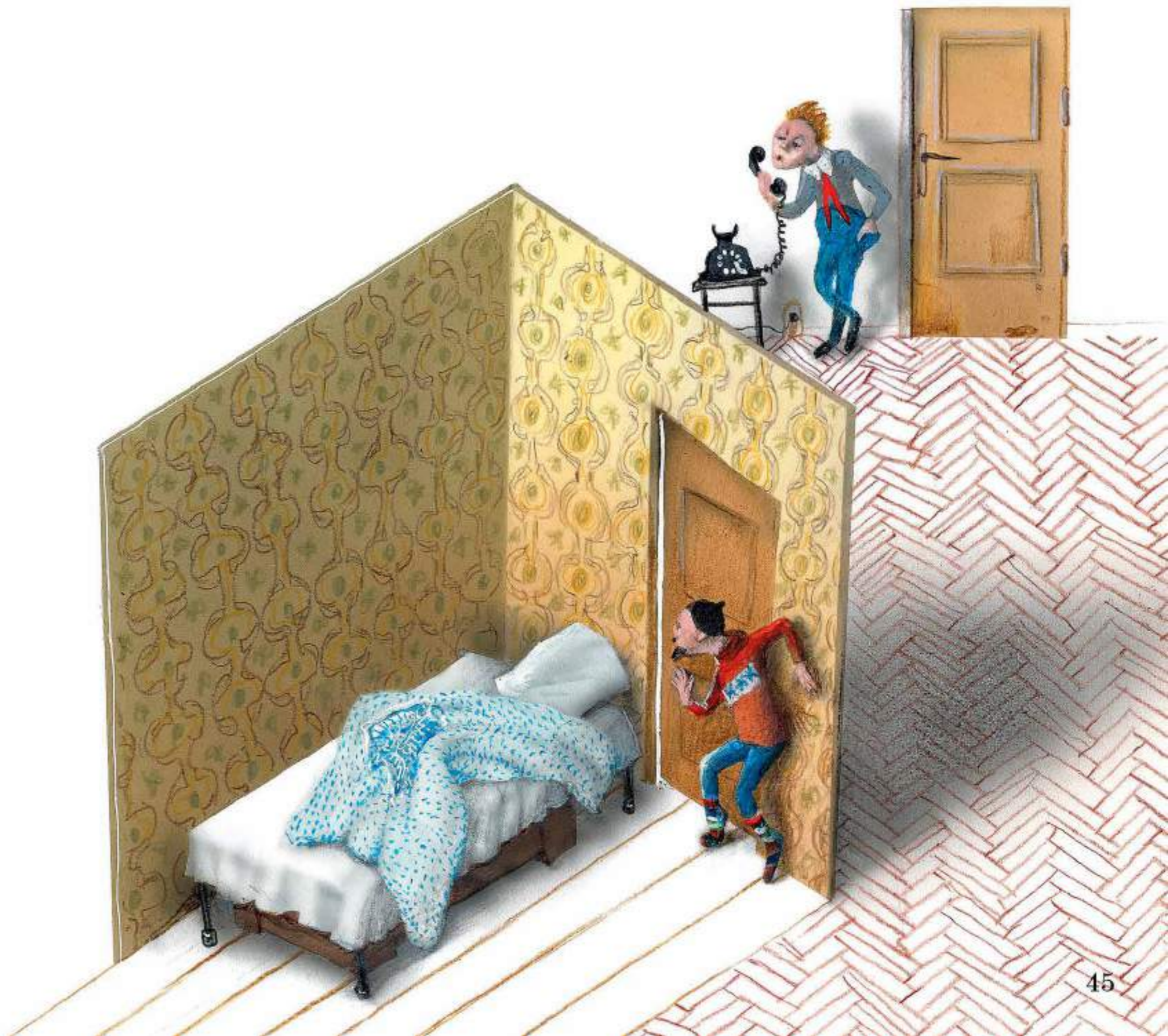
Но соседский мальчик Вова
Хочет выручить больного.
Поднимает трубку он,
Трубку телефонную,
И звонит по телефону
В клинику районную:

— Пришлите нам, пожалуйста,
Доктора с машиной —
Академик Иванов заболел ангиной.

Самый страшный врач больницы
Взял свой самый страшный шприц, и
Самый страшный свой халат, и
Самый страшный бинт, и вату,
И сестру взял старшую —
Самую страшную.

И из ворот больницы
Уже машина мчится.
Один звонок,
Другой звонок,
И доктор входит на порог.

Вот подходит он к кровати,
Где известный математик
Пять минут назад лежал,
А больного нет — сбежал!!!

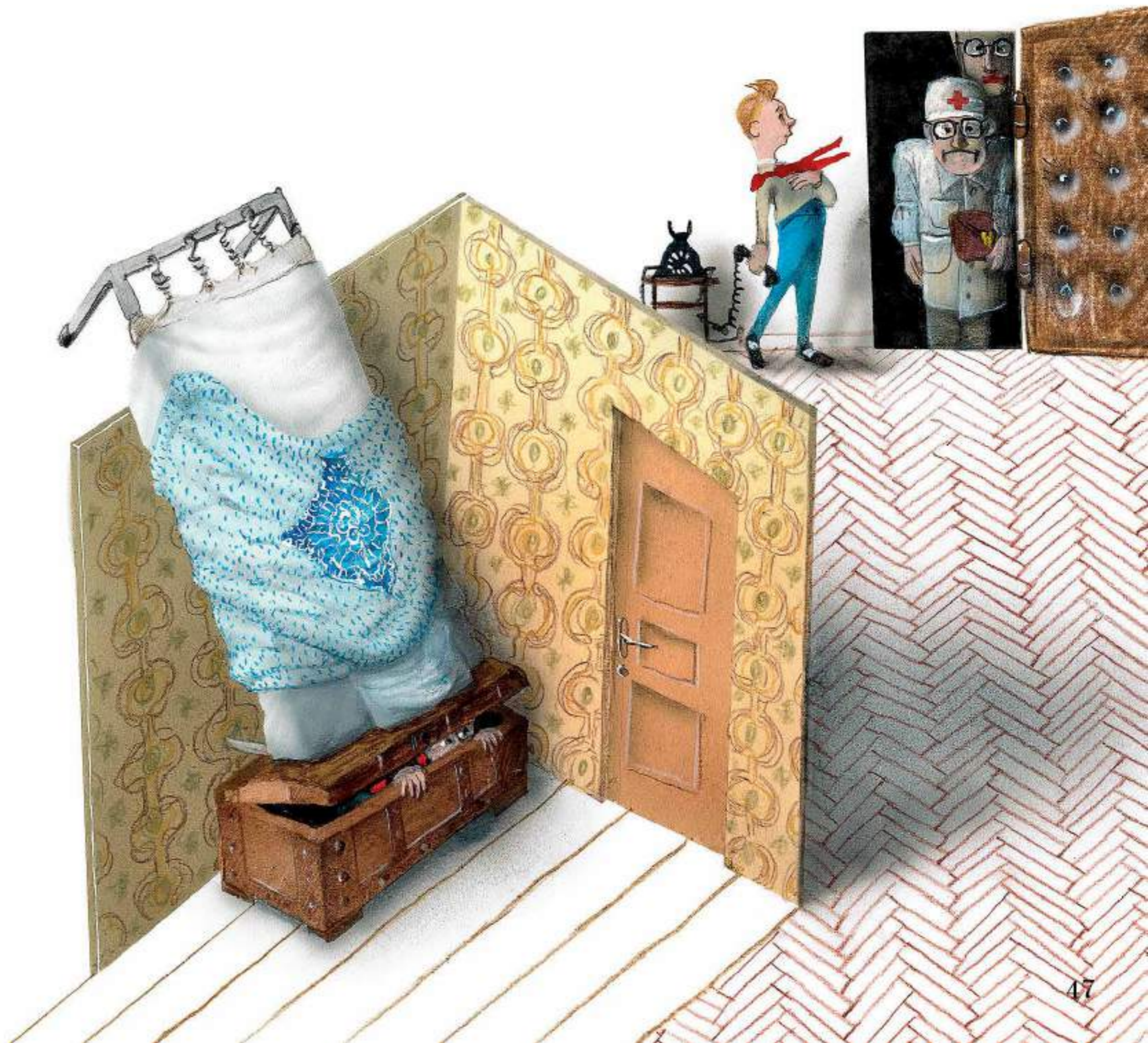
Может, он залез в буфет?
Спрятался под ванной?
Даже в печке его нет,
Как это ни странно!

Перерыли всё вокруг,
А он спрятался в сундук
И глядит на врача
Через дырку для ключа.

Заявляет врач соседям:
— Мы так просто не уедем!
Я летел сюда стрелой,
Я сестру привёз с собой,
Сжёл бензина целый бак,
А выходит — просто так?

Доктор смотрит на жильцов:
— Где больной, в конце концов?
Меня учило государство
Больным прописывать лекарство,
Температуру измерять,
А не в пряталки играть.
Если не найду сейчас
Вашего больного,
Должен буду вылечить
Кого-нибудь другого.
Выходи на середину
Тот, кто вызывал машину!

И с этими словами
Он выложил на стол
Банку с порошками,
Грелку, валидол,

Медицинскую пилу,
Шприц,
Огромную иглу,
Пять стеклянных ампул
И кварцевую лампу!

У жильцов при виде шприца
Сразу вытянулись лица.
— Не шутили мы с врачом,
Мы, ей-богу, ни при чём.

Доктор хмурится сурово,
Но вперёд выходит Вова.

— Лечите, — говорит, — меня.
Вызывал машину я!

И врачу он в тот же миг
Смело показал язык.

Доктор зеркальце надел,
Доктор Вову оглядел,
Молоточком постучал,
Головою покачал.

— У тебя, — сказал он Вове, —
Превосходное здоровье.
Всё же я перед дорогой
Полечу тебя немного:
Дам тебе малины,
Мёда, апельсины,
А ещё печенье —
Вот и всё леченье!

Соседи с восхищением
Глядят на смельчака,
Но тут открылась с грохотом
Крышка сундука.
И на удивление доктора с сестрой
Выбрался оттуда истинный больной.

— Не привык я прятаться за чужие спины,
Если рядом выдают людям апельсины.
Но я вижу, что лечение —
Не такое уж мученье.

Он произнёс сурово:
— Спасибо тебе, Вова.
Начальнику я не боюсь возражать,
Трёхзначные цифры берусь умножать.
Могу я объездить любого коня,
Но ты оказался смелее меня.
Слава добрым врачам!
Слава мальчугану!
Больше я в сундуке
Прятаться не стану!

— Это всё пустяки! —
Отвечает Вова. —
Не бояться врачей —
Что же тут такого!
Если людям сказать,
Могут засмеяться.
Парикмахеры — вот
Кого надо бояться!

Гололёд

Всем известный математик
Академик Иванов
Как-то раз домой явился
С парой новеньких коньков.
И сказал своей жене и любимой дочке:
— Ну-ка, приготовьте мне
Свинцовой примочки.
Да побольше пятак
Для возможных синяков.
Чтобы вновь помолодеть,
Я решил коньки надеть.

И вот он пятаки берёт
И отправляется на лёд.

Смотрят люди из окон:
— Это что за чемпион?
Взрослый дядя с бородой,
А занялся ерундой.

— Видно, он сошёл с ума, —
Говорит куме кума. —
Да, не зря берут учёных
В сумасшедшие дома.

— Эй, — хихикали старушки, —
Ты бы брал с собой подушки
Или же, на первый раз,
Привязал к себе матрас. —

Иванов не отвечал,
Чем старушек огорчал.
И с коньками не расстался,
А катался и катался.

Каждый вечер брал коньки —
И с детьми вперегонки
Они неслись во весь опор.
И перестал смеяться двор.

Но как-то в нашем городе
Случился гололёд:
Машина не проедет,
Автобус не пройдёт.
Если кто-то побежит —
Поскользнётся и лежит.

Нельзя ни шагу сделать, чтоб тут же не упасть.
И людям на работу ну просто не попасть.
И замерли заводы, и не гудят станки
Из-за того, что улицы — не улицы — катки!

Тут известный математик
Академик Иванов
Выехал во двор к ребятам,
И не просто, а с плакатом.
На плакате восемь слов:
«Эй, ребята, все на лёд!
Надо выручить народ!»

И ребят со всех дворов
Набежало будь здоров!
Разве кто-нибудь откажет,
Если просит Иванов?

И каждый взял ведро с песком,
И в город двинулись гуськом.

Ну а в городе беда —
Не проехать никуда.
Постовой попал в беду —
Лежит ковриком на льду.
Встать он попытается —
И снова распластается.
Так лежит и замерзает,
Но с поста не уползает.

Два спортсмена-пионера
Спасли милиционера,
Вмиг перину пуховую
Принесли на мостовую.
И теперь на мостовой,
На перине пуховой,
Регулирует движенье
Товарищ постовой.
Ну а всё движение —
Паденье и скольжение.

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, целый взвод.
Аты-баты, шли не в баню,
Аты-баты, шли в поход.
Аты-баты, поскользнулись
И упали как один,
И упали как один,
С ними вместе командир.

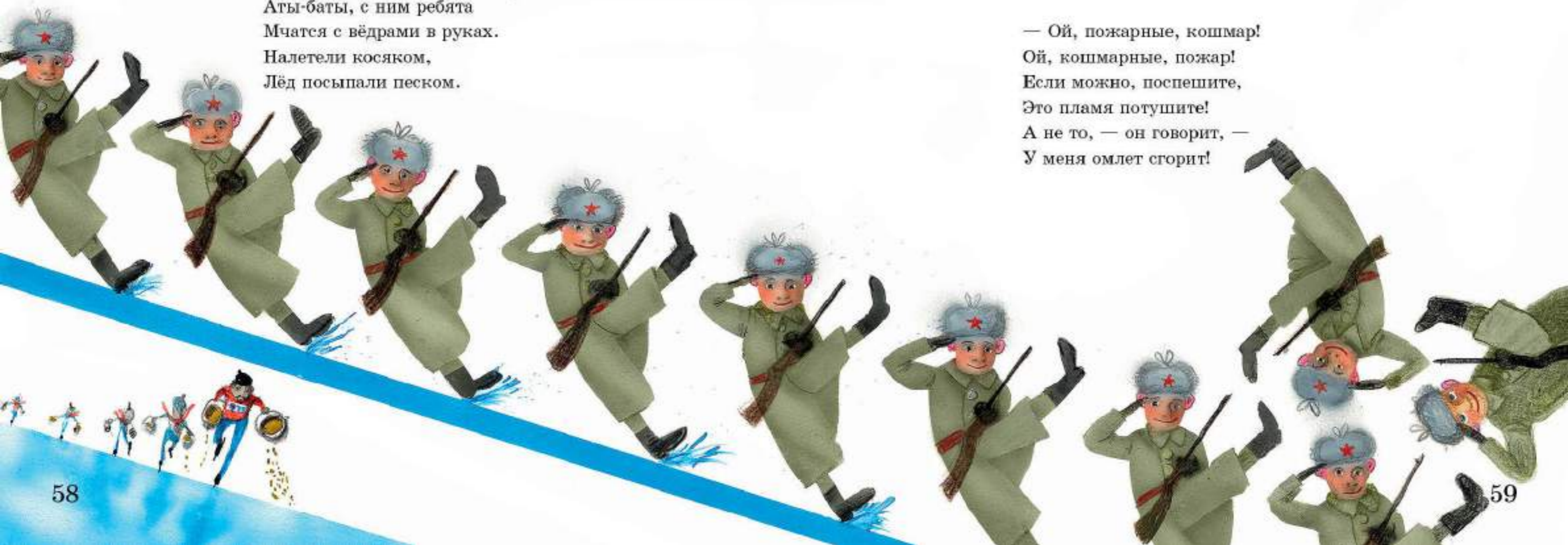
И лежат они на льду
У прохожих на виду.
А ведь лёд зимой холодный,
 Попрошу иметь в виду.

Аты-баты, вдруг въезжает
Академик на коньках
Аты-баты, с ним ребята
Мчатся с вёдрами в руках.
Налетели косяком,
Лёд посыпали песком.

Встали на ноги солдаты
Громко песню завели,
Подобрали автоматы,
Пушки, валенки, гранаты,
Отряхнулись и пошли.
Гололёд не гололёд —
Продолжается поход!
Ни дороги, ни пути,
Не проехать, не пройти.

Дили-дили-дили-бом —
Загорелся чей-то дом.
Кто-то выскочил,
Глаза выпучил
И звонит ноль-один —
Дили-дили-дили-дин!

— Ой, пожарные, кошмар!
Ой, кошмарные, пожар!
Если можно, поспешите,
Это пламя потушите!
А не то, — он говорит, —
У меня омлет сгорит!

У пожарных дел полно:
Книжки, шашки, домино.
Но когда опасность рядом,
Их спрашивать не надо.
Полчаса на сбор дружке —
И она уже в машине.
Нажимает газ шофёр,
Воег, крутится мотор,
Но машина не идёт
Ни назад и ни вперёд.

Тут раздался сильный гром:
Это Иванов с ведром.
Он рукой песок черпает
И дорогу посыпает.
Приосанилась дружина,
Громко крикнула: «Ура!»,
И пожарная машина
Полетела со двора.

А за ней несутся вслед
Две трёхтонки и мопед.
Бензовоз, молоковоз,
Автобус-пассажировоз,
Машина «Квас»,
Машина «Хлеб»,
Машина «Мясо» и прицеп.

Кончилось скольжение —
Началось движение.
Можно собираться в школы,
Можно ехать на завод!
Потому что стал не голым
Этот голо-гололёд!

В этот вечер все газеты
Напечатали портреты
Иванова и ребят.
Председатель горсовета
Целовал их всех подряд,
Обнимал, благодарил
И слонёнка подарил.

Но ответил Иванов:
— Мне теперь не до слонов.
Впереди олимпиада
Академиков всех стран.
Мне тренироваться надо
И готовить чемодан.

Вот, ребята, он каков,
Академик Иванов!
Он, по-моему, ребята,
Выше всех похвальных слов!

Царь горы

Есть игра у детворы —
«Царь горы».
Царь горы!
И важней всего в игре
Удержаться на горе!

Нет верной свиты
У царя,
Ни замка, ни секретаря!
И по велению руки
Не ринутся вперед полки!
А люди, что ползут на склон,
Пришли к тебе не на поклон,
Не для того,
Чтоб дань платить,
А чтобы за ногу схватить!

Свалить великого царя,
Стащить,
Короче говоря.
И чем отвеснее гора,
Тем интереснее игра!

Домой иду я с фонарём,
Но дольше всех я был царём!

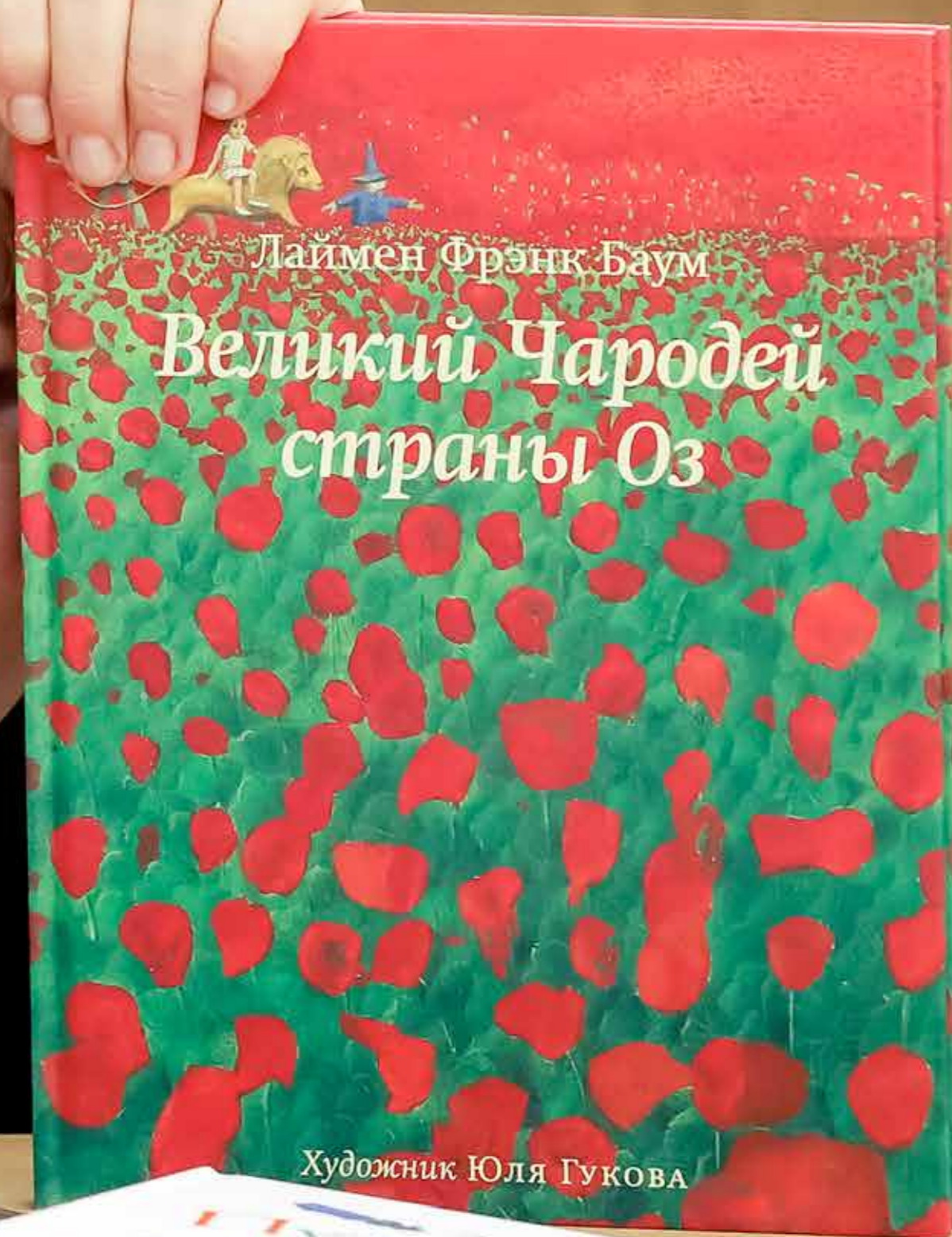
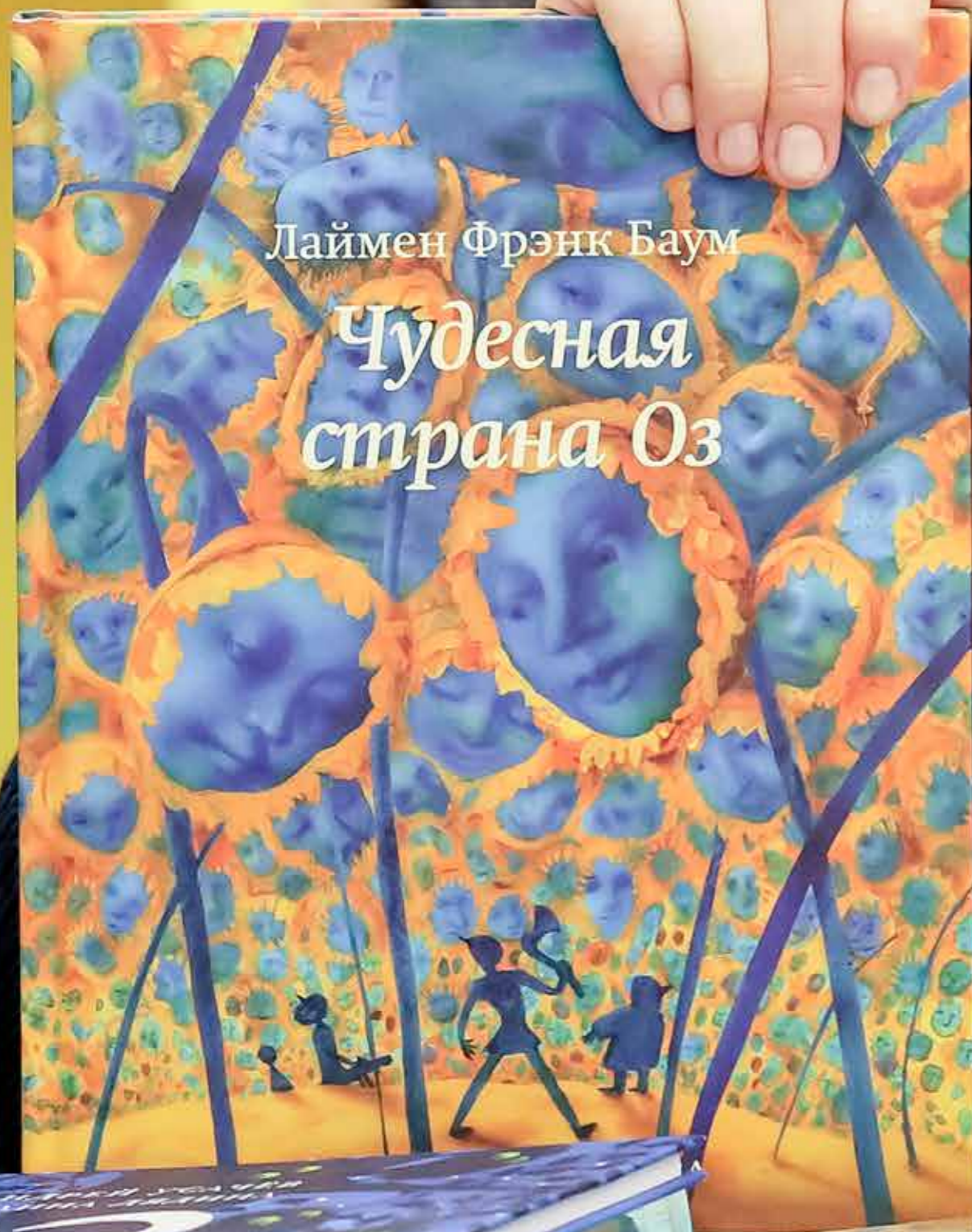

Картинка

Папа шагает по улице с дочкой.
Дочка собаку ведёт на цепочке.
Держит собака в зубах поводок,
А в поводке выступает щенок.

Так и не смог я в тот вечер понять,
Кто же кого из них вывел гулять.

The Magic Land of Oz
& The Wizard of Oz
by Lyman Frank Baum

Rozovyj Zhiraf. Moscow. 2011 / 2012

Лаймен Фрэнк Баум Великий Чародей страны Оз

Лаймен Фрэнк Баум

Лаймен Фрэнк Баум

Великий Чародей страны Оз

Художник Юля Гусова

Lyman Frank Baum

*The Wonderful
Wizard of Oz*

Лаймен Фрэнк Баум

*Великий Чародей
страны Оз*

УДК 821.11(73)-93
ББК 84(7С.0Ф)-44
Б29

LYMAN FRANK BAUM
The Wonderful Wizard of Oz

Иллюстрации Юлии Гуковой

Дизайн-макет и оформление Андрея Бондаренко

Перевод с английского

Ольги Варшавер, Дмитрия Псурцева, Татьяны Тульчинской

Для детей младшего школьного возраста

Технический редактор Олеся Подболотова
Выпускающий редактор Надежда Крученицкая
Корректор Надежда Юдина

Детское издательство «Розовый жираф»
125167, Москва, 4-я ул. 8 марта, 6а
Отдел реализации: +7 (495) 514-0948
HYPERLINK "http://www.pgbooks.ru" www.pgbooks.ru
Вдохновитель Макс Джикаев

Подготовка к печати ООО «Виртуальная галерея»
Подписано в печать 15.07.2011
Формат 215 x 280. Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж XXXX экз.
Отпечатано в Китае

Баум, Лаймен Фрэнк

Б29 Великий чародей страны Оз: [для млад. шк. возраста] / Лаймен Фрэнк Баум;
пер. с англ. О. Варшавер, Д. Псурцева, Т. Тульчинской; ил. Ю. Гуковой. — М.: Розовый жираф, 2012. — 180 с.: ил.
ISBN 978-5-903497-82-9

Тут будет аннотация - знаков 500 Б29 Officium reptatustio. Ullaborem fugitat volenim invellam,
officij untotatus nihillendam ime diandae. Ur reribus apienim iures solenimo quibusciis is de rem explit
porempo rporeiunt maiost moluptur si cum iur sim reribusius. Eptum ni quo mos andebit volupturio
dolorrupta porem vendae sunt volectrius. Henti tem quamentusam a sitatione perum dolupta
as dolorerae cupra vente nonet lanhic temquiat. Nequaericiet eos volo quam que sit vendunt estriumqui blabo.

УДК 821.11(73)-93
ББК 84(7С.0Ф)-44

ISBN 978-5-903497-82-9

© О. Варшавер, Д. Псурцев, Т. Тульчинская, перевод, 2002, 2012

© Ю. Гукова, иллюстрации, 2011

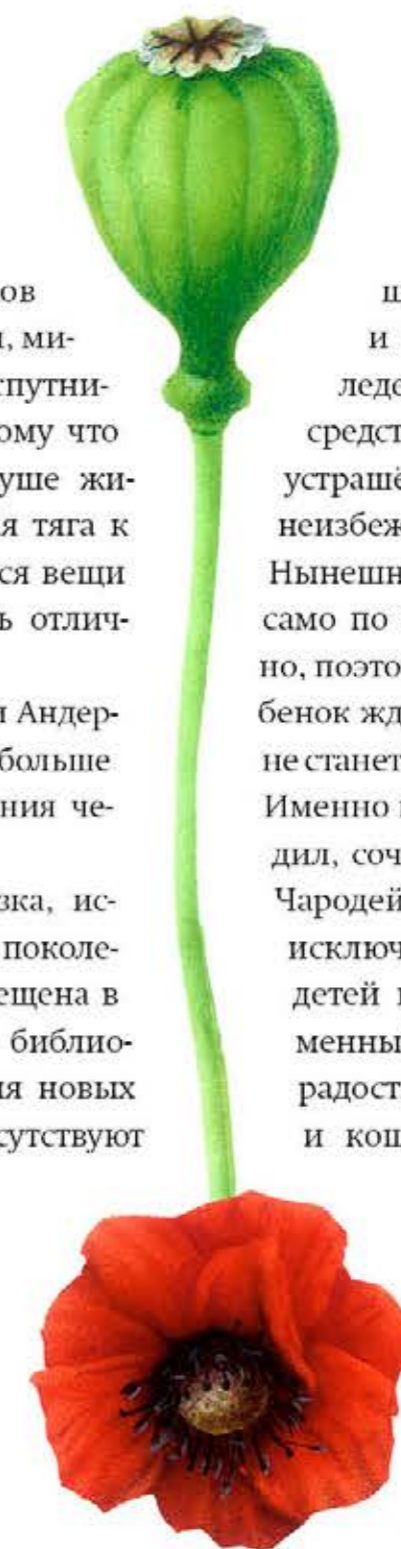
© А. Бондаренко, дизайн-макет и оформление, 2011

© Детское издательство «Розовый жираф», 2012

Эта книга посвящается моему доброму другу
и товарищу — моей жене

Н а протяжении веков фольклор, легенды, мифы и сказки были спутниками детства, потому что во всякой здоровой юной душе живёт природная и благотворная тяга к рассказам, в которых случаются вещи небывалые, чудесные, то есть отличные от действительности. Крылатые феи братьев Гримм и Андерсена вселили в детские сердца больше счастья, чем все прочие создания человеческого разума... И всё-таки старая добрая сказка, исправно служившая многим поколениям, теперь может быть помещена в исторический отдел детской библиотеки, ибо наступило время для новых «чудесных рассказов»: в них отсутствуют

шаблонные джины, гномы и волшебники, равно как и те леденящие кровь сюжеты, посредством коих авторы подводили уstraшённого маленького читателя к неизбежной морали. Нынешнее школьное образование само по себе достаточно моралистично, поэтому от сказок сегодняшний ребёнок ждёт сплошного развлечения и не станет горевать о жестоких сюжетах. Именно из таких соображений я исходил, сочиняя мою повесть «Великий Чародей страны Оз». Она написана исключительно для удовольствия детей и представляет собою современный род сказки, где чудеса и радость сохранены, а страдания и кошмары изгнаны со страниц.

ЛАЙМЕН ФРЭНК БАУМ Чикаго, апрель 1900 года

Вихрь

Дороти жила посреди великой Канзасской степи, на ферме у дяди Генри и тёти Эмилии. Леса поблизости не было, брёвна приходилось возить на телеге издалека, поэтому домишко фермер выстроил крошечный, в одну комнату: четыре стены, пол да крыша, ни чердака, ни подвала. В этой единственной комнатке теснились ржавая железная печка, буфет, стол, три, а может, четыре стула и две кровати – в одном углу большая, в другом маленькая. На большой спали дядя Генри и тётя Эмилия, на маленькой Дороти. А под домиком был вырыт тесный погребок, и когда налетал степной вихрь, сюда пряталась вся семья, ведь в свирепую бурю не устоял бы и самый крепкий дом. Спускались в этот спасательный погребок через лаз в полу, по лесенке.

Дороти часто стояла на пороге, глядела окрест, но, кроме серой бесконечной равнины, глядеть было не на что. Ни деревца, ни дома — со всех сторон, точно огромное плоское блюдо, лежит степь, далёкими-далёкими краями смыкается с небом... Пашня иссушена солнцем, серая земля потрескалась. Даже трава не зеленеет: длинные стебли, как и всё вокруг, посерели под палящим

солнцем. Домик фермера, некогда выкрашенный в яркий цвет, тоже стал серым и унылым — от зноя краска полопалась, и её смыли дожди.

Тётя Эмилия приехала сюда юной, хорошенькой девушкой, но солнце и степные ветры отобрали у неё красоту: глаза потухли, их будто присыпало пеплом, со щёк сошёл румянец, губы тоже поблели. Она исхудала, осунулась, даже улыбаться разучилась... Когда в доме появилась сирота Дороти, тётя Эмилия поначалу пугалась её весёлого голоса — как слышит звонкий детский смех, вскрикнет да за сердце схватится. Она и теперь, бывало, дивилась: чему только девочка радуется?

Никогда не смеялся и дядя Генри, говорил и то редко. Целый день, не покладая рук работал он в поле, никакой радости в жизни не знал и был весь какой-то сумрачный, тусклый: синяя борода, грубые пыльные башмаки, серьёзный, почти суровый взгляд.

Веселил девочку один лишь Тото, из-за него она и не сделалась серой, как всё вокруг. Сам он был жгуче-чёрным: чёрная гладкая шерстка, чёрные живые глазки, крошечный нос — вот такой лохматый, забавный пёсик. Он мог играть весь день напролёт, и Дороти играла с ним вместе и очень его любила.

Однажды под вечер дядя Генри сидел на пороге и беспокойно поглядывал на небо, которое казалось серее обычного. Дороти, с Тото на руках, стояла в дверях и тоже смотрела на небо. Тётя Эмилия мыла посуду.

С севера доносился приглушённый вой ветра, высокая трава волновалась, припадала к земле. Потом с юга долетел резкий свист — оттуда к домику тоже подбирались травяные волны.

Дядюшка вскочил на ноги.

— Эмилия! — крикнул он жене. — Буря идёт, я скотину посмотрю.

И побежал к сараю, где держали коров и лошадей. Оставив тарелки, тётя Эмилия вышла на порог и с одного взгляда поняла, что опасность близка.

— Быстро, Дороти! Прячься в погреб! — велела она.

Но Тото вдруг вырвался у Дороти из рук и забился под кровать. Девочка стала его выманивать, а перепуганная тётя Эмилия откинула тем временем крышку лаза и спустилась по лесенке под дом, в тесный погребок. Поймав наконец собачку, Дороти тоже бросилась к люку, но в этот миг жутко взвыл ветер, домик сильно тряхнуло, и девочка, не удержавшись на ногах, села с размаху на пол.

Затем началось нечто необыкновенное.

Домик закружился на месте и... стал медленно взлетать. Вышло это оттого, что именно тут встретились два ветра — южный и северный — и взвились могучим вихрем, в середине которого оказался домик. Ветры сильно давили на стены домика, подталкивая его вверх, и он поднимался всё выше, выше. Наконец добрался до самых облаков, и понесло его, точно перышко, в неведомые дали — Дороти оказалась будто внутри воздушного шара. Было совсем темно, вокруг ревел ветер, но домик летел плавно, только один раз дёрнулся да резко накренился. Больше не толкало, лишь покачивало мягко, как в колыбельке; девочка тихонько сидела на полу и ждала, что случится дальше.

Тото ужасно не нравилось лететь, он носился по комнате и громко лаял. Подбежал слишком близко к открытому лазу и... провалился. Дороти простилась было со своим другом, но вдруг заметила, что из дыры торчит собачье ухо — ветер

подпирал пёсика снизу, не давая упасть. Дороти ухватила Тото за ухо и втащила в дом. Крышку она захлопнула — хватит неприятностей.

Тоскливо было девочке в летящем домике, от воя ветра она почти оглохла, но страх понемногу отступал. Поначалу Дороти боялась, что они вот-вот упадут и разобьются, однако время шло, ничего страшного не случилось, и она решила ни о чём не тревожиться — будь что будет. Чуть погода она подползла по шаткому полу к своей кровати и улеглась, Тото устроился у неё под боком.

Покачивался домик, гудел ветер, а Дороти закрыла глаза и крепко уснула..

Встреча с жевачами

Проснулась Дороти от толчка, такого резкого, что, если б не мягкая постель, она бы наверняка здорово ушиблась. Тото ткнулся холодным носиком ей в щёку и жалобно заскулил. Дороти села и тут только заметила, что их больше не качает, а в комнате совсем светло — в окошко бьёт яркий солнечный луч. Спрыгнув с постели, они с Тото бросились к порогу. Девочка распахнула дверь — и вскрикнула от изумления. Картина и в самом деле была удивительная.

Вихрь перенёс девочку — притом очень бережно — в страну сказочной красоты. Повсюду весело зеленели лужайки с россыпью ярких цветов, раскидистые деревья были усеяны спелыми тяжёлыми плодами, с ветки на ветку порхали, разливаясь звонкой трелью, диковинные пёстрые птицы. Поодаль петлял меж зелёных бережков ручей, посверкивал на солнце, ласково что-то лопотал — сладко было слышать его девочке, так долго жившей посреди серой иссохшей степи...

Во все глаза глядела Дороти на этот чудесный мир и вдруг увидела, что к ней направляются какие-то странные люди — трое мужчин и женщина. Ниже,

чем обычные взрослые, однако нельзя сказать, чтобы карлики; пожалуй, ростом с Дороти, но она-то — всего лишь девочка, хоть и высокая для своих лет, а эти на вид много старше. Необычен и их наряд: остроконечные шляпы с круглыми полями, а под полями нежно позванивают при каждом движении маленькие бубенчики. У мужчин шляпы голубые, у женщины — белая, и платье на ней тоже белое, широкое, волнами ниспадающее с плеч, а на нём, точно бриллиантовые, сияют звездочки. На мужчинах голубые, в тон шляпам, штаны и камзолы и до блеска начищенные сапоги с широкими, голубыми же отворотами. Двое из человечков бородаты, и лет им — решила Дороти — примерно как дядюшке Генри. А женщина, та, конечно, гораздо старше: лицо всё в морщинах, волосы седые, да и походка старушечья.

Человечки остановились неподалёку от домика и зашептались, будто робея подойти ближе. Наконец старушка направилась к Дороти. Низко поклонилась и сказала почтительно:

— Приветствуем тебя, о благороднейшая из фей, на земле жевачей! Благодарим тебя за то, что ты убила злую Восточную волшебницу и избавила здешний народ от рабства.

Дороти очень удивилась. Почему её назвали феей? Ведь она всего-навсего маленькая девочка и никакой злой волшебницы не убивала. Да и оказалась тут, в чужом незнакомом краю, не по своей воле — вихрь принёс.

Старушка ждала ответа, и Дороти, помявшись, сказала:

— В них далеко не уйдёшь, — проговорила она. — Ведь правда, Тото? Пёсик задрал мордочку, сверкнул чёрными глазками и, в знак полного согласия, завилял хвостом.

И тут Дороти вспомнила про серебряные туфли Восточной волшебницы. — Как думаешь, они мне подойдут? — спросила она Тото. — В таких сколько хочешь шагай, не стопчешь.

Она скинула старые кожаные башмаки и примерила серебряные туфельки — они оказались как раз впору.

— Вперед, Тото! — сказала Дороти, подхватив корзинку. — Пойдём в Изумрудный город, спросим у Великого Оза, как нам вернуться в Канзас.

Девочка заперла дверь, положила ключ в карман и пустилась в путь. Тото засеменял следом.

От развилки разбегалось несколько дорог, но Дороти без труда отыскала среди них вымощенную жёлтым кирпичом — ту, что вела в Изумрудный город. Бодро зашагала Дороти: каблучки весело цокали по кирпичу, ярко светило солнце, звонко пели птицы. Пусть она всего лишь маленькая девочка, пусть злой вихрь унёс её в чужие края — ей ни капельки не страшно!

Она шла и дивилась прекрасной стране. По обе стороны дороги тянулась выкрашенная в нежно-голубой цвет изгородь, за которой лежали тучные поля и огороды. Жевачи были, видно, прилежными тружениками, и земля давала богатый урожай. Иногда на пути попадался дом, хозяева выходили посмотреть на девочку и почтительно ей кланялись: все уже знали, что это она убила злую волшебницу и избавила их от неволи. Домики у жевачей были пречудные: круглые, с высокими крышами. И все выкрашены голубой краской — в восточной земле этот цвет самый любимый.

Дороти долго шагала без отдыха и к вечеру притомилась. Только она стала подумывать о ночлеге, как увидела дом размерами побольше прочих. На лужайке перед домом плясало, пело, смеялось множество людей. Пятеро маленьких скрипачей играли во всю мочь. Стоявший тут же огромный стол ломился от фруктов, орехов, пирогов и всяких других лакомств.

Жевачи радостно поздоровались с Дороти и пригласили её поужинать и переночевать. Оказалось, что здесь живёт один из самых богатых здешних хозяев. Он с друзьями празднует сегодня освобождение от злой правительницы.

Дороти с удовольствием принялась за еду. Прислуживал ей сам хозяин, которого звали Бом. Насытившись, Дороти уселась на удобную скамью со спинкой и стала смотреть на танцоров.

Бом заметил её серебряные туфельки и сказал:

— Ты, должно быть, могущественная фея.

— Почему вы так думаете? — спросила девочка.

— Ты убила злую волшебницу, на тебе её серебряные туфли. Кроме того, у тебя платье в белую клетку, а белое носят только волшебницы и феи.

— Но у меня есть и голубые клеточки, — возразила девочка, разглаживая морщинки на платье.

— Очень мило с твоей стороны. Голубой — это цвет жевачей, а белый — цвет волшебниц. Значит, ты и волшебница, и друг жевачам.

Дороти не нашла, что ответить. Ладно, волшебница так волшебница, видно,

здешних жителей не переспоришь. Хотя на самом деле она — обыкновенная девочка, это вихрь её сюда принёс...

Когда Дороти наскучило глядеть на танцы, хозяин повел её в дом, где была уже приготовлена комната с мягкой постелью. Укрывшись голубым одеялом, девочка сладко проспала до утра. Тото посапывал рядом, свернувшись калачиком на голубом коврике.

Утром она сытно позавтракала, с любопытством посматривая, как сынишка хозяйина, крошечный жевачонок, играет с Тото — тянет за хвост, гукает, смеётся. Собака была тут в диковинку.

— Далеко ли отсюда до Изумрудного города? — спросила девочка.

— Точно не знаю, не бывал, — нахмурился, сказал Бом. — С Озом лучше вовсе дела не иметь, разве какая важная надобность... А путь до Изумрудного города, конечно, неблизкий, много дней придётся идти. Наш край, край жевачей, красивый, обильный, но дальше встретятся тебе и глухие, опасные места...

Девочке стало немного не по себе, но она знала — один лишь Великий Оз может отправить её домой, в Канзас, — и решила ни за что не отступить.

Попрощавшись с новыми друзьями, Дороти опять зашагала по дороге из жёлтого кирпича. Шла-шла — и захотела отдохнуть. Взобралась на придорожную изгородь, уселась поудобнее. За изгородью широко раскинулось кукурузное поле, а на нём девочка увидела пугало, охранявшее зрелые початки от воронья.

Дороти задумчиво подперла рукой подбородок и принялась разглядывать этого сторожа. Вместо головы у него был набитый соломой мешочек с нарисованным лицом — глаза, нос и рот. На голове — голубая остроконечная шляпа, какие носят в этих краях, только очень потрёпанная. Старые, выцветшие, на-

В лесу

Пёсику, однако, новый товарищ полюбился не сразу. Поначалу Тото всё обнюхивал Болвашу — вдруг у того в соломенном нутре водятся крысы? — и грозно рычал.

— Ничего, порычит-порычит, а потом привыкнет, — сказала Дороти. — Он своих не кусает.

— А хоть бы и укусил, мне всё равно больно не будет, я же соломенный, — ответил Болваша. — Давай корзинку твою понесу, я никогда не устаю и работы никакой не боюсь. Скажу тебе по секрету: в целом свете я боюсь только одного.

— Наверное, того жевача, который тебя смастерил?

— Не угадала. Горящей спички.

Гладкая и ровная дорога скоро кончилась, кирпич пошёл шерба-тый, с выбоинами, Болваша часто спотыкался. Попадались и ямы. Тото через них перепрыгивал, Дороти обходила, а глупый Болваша шагал себе не разбирая дороги и, оступившись, растягивался во весь рост. Он, правда, всё равно не ушибался. Поднимется с помощью Дороти и давай над собой хохотать.

Дома и фруктовые сады встречались теперь реже и не были такими ухоженными. Окрестности становились безлюдными, мрачными... В полдень друзья присели отдохнуть на обочине, возле ручья. Дороти достала из корзины хлеб, протянула кусок Болваше, однако тот отказался.

— Я не знаю голода. Да и как бы я ел нарисованным ртом? Разве что прорезать дыру. Так ведь оттуда сразу солома полезет — голова обмякнет, набок свесится... Это хорошо, что мне еда не нужна.

Дороти согласно кивнула и принялась за обед.

— Расскажи про свою страну, — попросил Болваша, когда она поела.

И девочка рассказала, как жилось ей в Канзасе, среди серой степи, и как налетел однажды вихрь и перенёс её в чудесную страну Оз. Болваша внимательно выслушал, а потом сказал:

— Зачем же возвращаться в этот скучный Канзас, ведь у нас так хорошо...

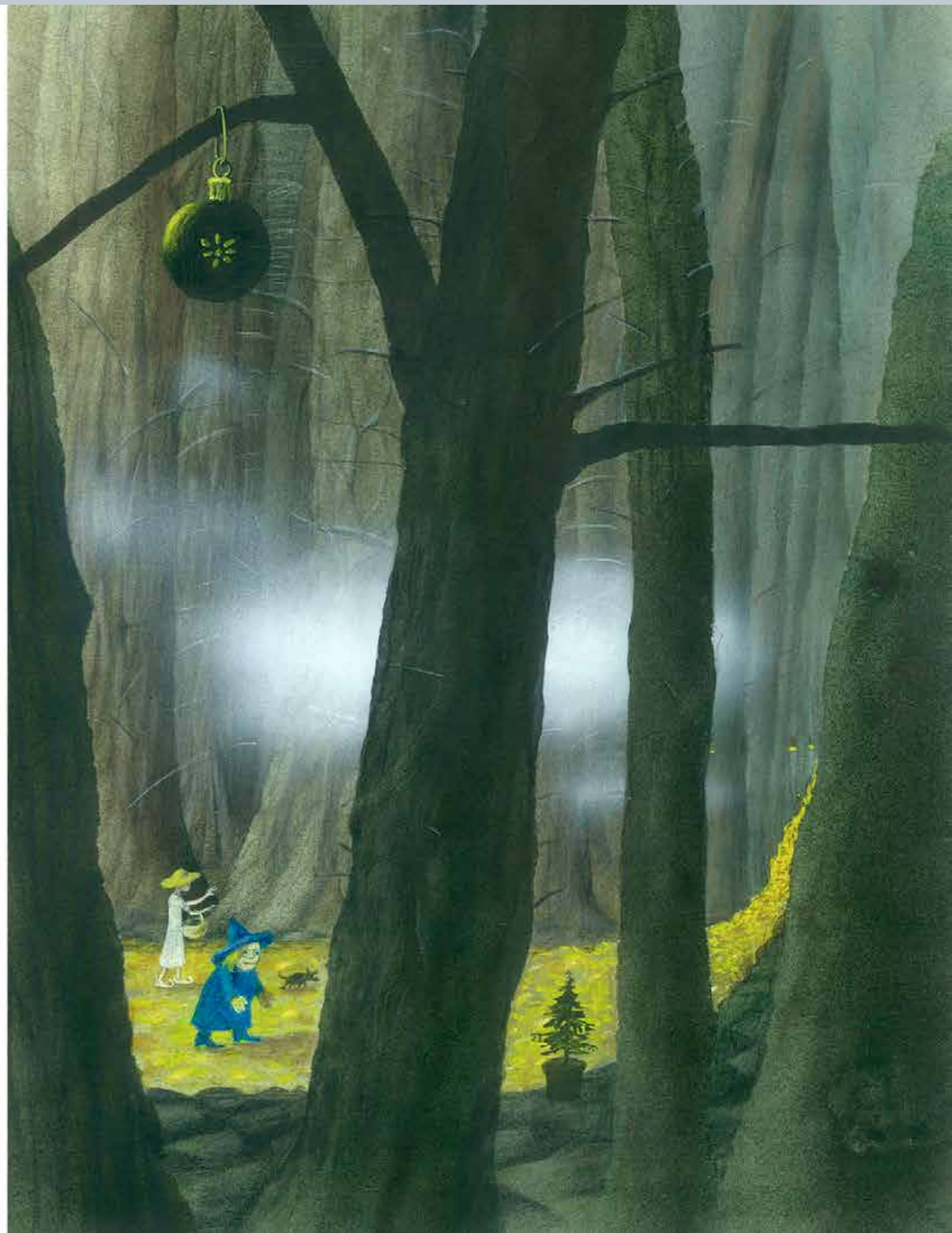
— Эх ты, соломенная голова!.. Родина, даже серая и скучная, лучше любой, самой распрекрасной страны. Все люди это понимают.

— А я не понимаю, потому что соломенный... Пожалуй, будь у вас в голове вместо мозгов солома, разъехались бы вы по разным странам, и в Канзасе жить стало б некому. Хорошо, когда жители умные...

— Теперь ты что-нибудь расскажи. — попросила девочка.

— Нечего мне пока рассказывать. — вздохнул Болваша. — Меня смастерили только позавчера, а что было на свете раньше, я не знаю... Жевач, мой хозяин, когда делал мне голову, сначала нарисовал уши — вот с этой-то минуты я и ожил. И сразу услышал голос хозяина. “Хорошие уши получились?” — спросил он своего приятеля. “Кажется, одно выше другого”, — сказал тот. “Неважно, главное, чтоб слышали, — ответил хозяин, и, по-моему, он прав. — Теперь нарисуем глаза”. Он нарисовал правый глаз, и я стал с любопытством разглядывать моего фермера и всё вокруг — ведь я впервые смотрел на мир. “Славный глаз, — одобрил приятель. — И цвет самый подходящий, голубой”. — “Сделаю-ка я второй чуть побольше”, — сказал хозяин. Двумя глазами я стал видеть намного лучше. Затем мне нарисовали нос и рот. Я тогда ещё не умел разговаривать и молча смотрел, как мастeryт моё туловище, руки и ноги. Когда прикрепил и голову, я ужасно загордился — мне казалось, что я тоже настоящий жевач.

“Этот мне всех ворон распугает, — довольно сказал хозяин. — От человека не отличишь”. — “Да он и есть человек”, — заметил приятель, и я с ним мысленно согласился. Фермер сунул меня под мышку, отнёс на кукурузное поле, посадил на высокий шест, и они с приятелем ушли.

Я огорчился и хотел броситься следом, но не смог достать ногами земли. Так и остался на шесте. Скука ужасная: думать и то не о чем, слишком мало прожил... Над полем часто появлялись вороны и разные другие птицы, но, заметив меня, тут же улетали прочь — видно, принимали за настоящего жевача. Мне это пришлось по душе, я повеселел и даже немного заважничал. Но одна старая ворона всё кружила, всматриваясь, а потом взяла да уселась мне на плечо. “Чудак твой фермер, — говорит, — кого надуть хотел! Опытная-то ворона сразу смекнёт, что ты всего-навсего соломенное чучело”. Слетела на землю и ну клевать у самых моих ног! Другие птицы увидели, что ничего ей не делается, и целой стаей набросились на кукурузу.

Я загоревал: ни на что, выходит, не гожусь... Но старая ворона посоветовала: “Добудь себе мозги — станешь не хуже других, а то и получше. Мозги и вороне, и человеку — первое дело...”

Улетела ворона, а я подумал-подумал да и решил: непременно добуду эти самые мозги! А тут как раз ты появилась — сняла меня с шеста и взяла с собой в Изумрудный город! Может, Великий Оз даст мне немного мозгов...

— Конечно, даст, — уверила Дороти. — Ведь они тебе нужны...

— Ужасно нужны! — подхватил Болваша. — Обидно быть глупым.

— Тогда — в путь! — сказала Дороти и отдала Болваше корзинку.

Поля давно кончились, вокруг лежала непаханая земля.

К вечеру путешественники вступили в густой лес: высокие деревья стеной стояли вдоль дороги, ветви смыкались над головой, не пропуская света, и жёлтые кирпичи едва виднелись в полумраке. Но друзья упорно шагали вперед.

— Эта дорога ведёт в Изумрудный город, нам с неё сворачивать нельзя, — рассуждал Болваша. — Она в лес — и мы в лес, она из лесу — и мы из лесу. Так и дойдём...

— Это любому ясно, — заметила Дороти.

— Верно, — согласился Болваша, — даже мне. Тут и мозгов не надо.

Через час стемнело, мрак был непроглядный — но только для Дороти. Тото всё видел — собаки отлично видят в темноте, — и Болваша, как оказалось, ночью видел не хуже, чем днём. Путники шли не останавливаясь, Дороти держалась за Болвашу. Правда, она то и дело спотыкалась и наконец попросила своего поводыря:

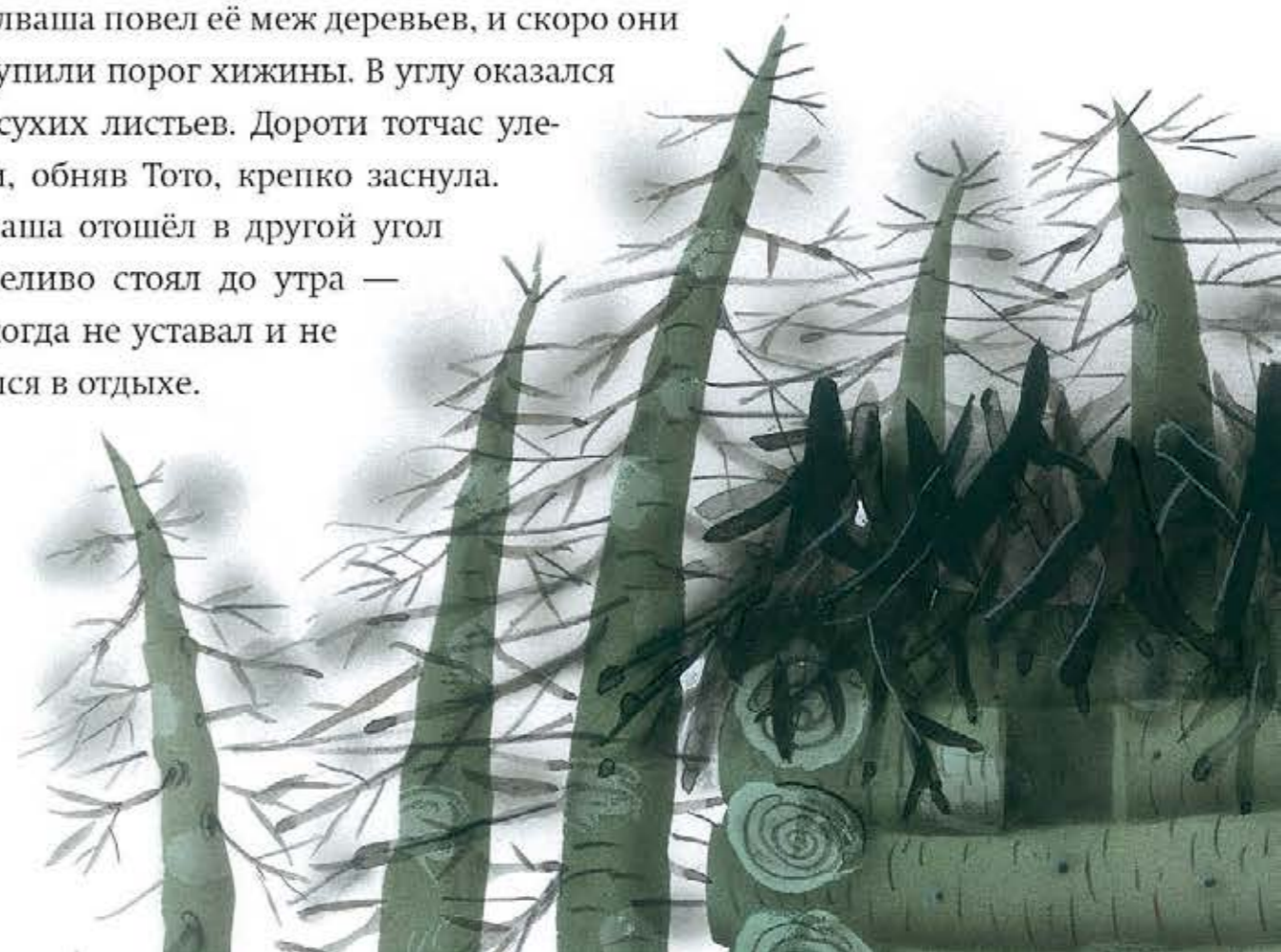
— Пожалуйста, посмотри, не встретится ли какой-нибудь домик или шалаш — мы бы там переночевали, а то я не умею ходить в темноте.

Чуть погодя Болваша сказал:

— Вижу справа хижину — стены бревенчатые, крыша из веток.

— Идём туда! — воскликнула девочка. — Я очень устала.

Болваша повел её меж деревьев, и скоро они переступили порог хижины. В углу оказался ворох сухих листьев. Дороти тотчас улеглась и, обняв Тото, крепко заснула. А Болваша отошёл в другой угол и терпеливо стоял до утра — он никогда не уставал и не нуждался в отдыхе.

Но масло поначалу не помогло — ржавчина крепко сковала шею. Тогда Болваша обхватил Дровосекову голову и, поднатужившись, повернул в одну сторону, в другую... Только после этого Дровосек сам завертел головой.

— Теперь руки, — сказал он.

Дороти капнула на его руки маслом, а Болваша несколько раз согнул и разогнул их в локте. Ржавчина осыпалась, руки заблестели и ожили.

Жестяной Дровосек с радостным вздохом выпустил топор.

— Хорошо!.. Целый год держу, наконец-то можно от него отдохнуть... Теперь смазать бы ноги — и я совсем здоров.

Спустя минуту Дровосек легко прошёлся по полянке. Снова и снова благодарил он своих спасителей — искренне и очень учтиво.

— Вы спасли мне жизнь! Не случись вас поблизости, так бы мне и стоять под деревом... Как вы сюда забрели?

— Мы ночевали в твоей хижине, а потом пошли искать ручей, — объяснила Дороти. — А вообще-то мы идём в Изумрудный город, к Великому Озу.

— Зачем?

— Болваше нужны мозги, а я попрошу Оза отправить меня домой, в Канзас.

Жестяной Дровосек подумал и проговорил:

— А что, если попросить у него сердце?

— Сердце? Почему бы и нет, — сказала Дороти. — Он же Великий Чародей: и мозги может дать, и сердце.

— Тогда я тоже пойду в Изумрудный город. Если, конечно, вы меня возьмёте...

— Разумеется, возьмём! — воскликнул Болваша.

раз, отрубил мне правую ногу. Но жестяник и её заменил. Потом заколдованный топор отрубил мне руки, одну за другой. Меня и это не испугало: я заказал себе новые. Тогда волшебница заставила топор отрубить мне голову. В первую минуту я решил, что этому горю уже не помочь, но жестяник смастерил и голову.

Злых чар я теперь не боялся и принялся за работу с удвоенным усердием. Однако коварная волшебница на этом не успокоилась — ей непременно хотелось разлучить нас с красавицей. Топор опять отскочил от дерева и разрубил меня пополам... Жестяник выковал туловище, прикрепил голову, руки и ноги на шарнирах. Я ходил и работал по-прежнему, но, увы, сердца у меня больше не было: я разлюбил девушку и раздумал жениться. Она, верно, так и живёт у старухи...

Моё жестяное тело ярко сияло на солнце, я был горд и доволен — теперь топор мне не страшен! Боялся я только одного — ржавчины. Так что всегда носил при себе маслёнку: заржавеет сустав — сразу смажу. Но однажды я позабыл маслёнку дома. Попал в лесу под ливень и, конечно, сразу заржавел, да так, что не пошевелиться. Вот и простоял целый год. Хорошо, вы мимо шли, выручили... Тяжко было стоять, зато я много думал и понял: на свете нет ничего дороже сердца! Когда оно билось у меня в груди, я был влюблен и счастлив, а теперь разучился любить. Если Оз даст мне сердце — вернусь к своей девушке и женюсь на ней.

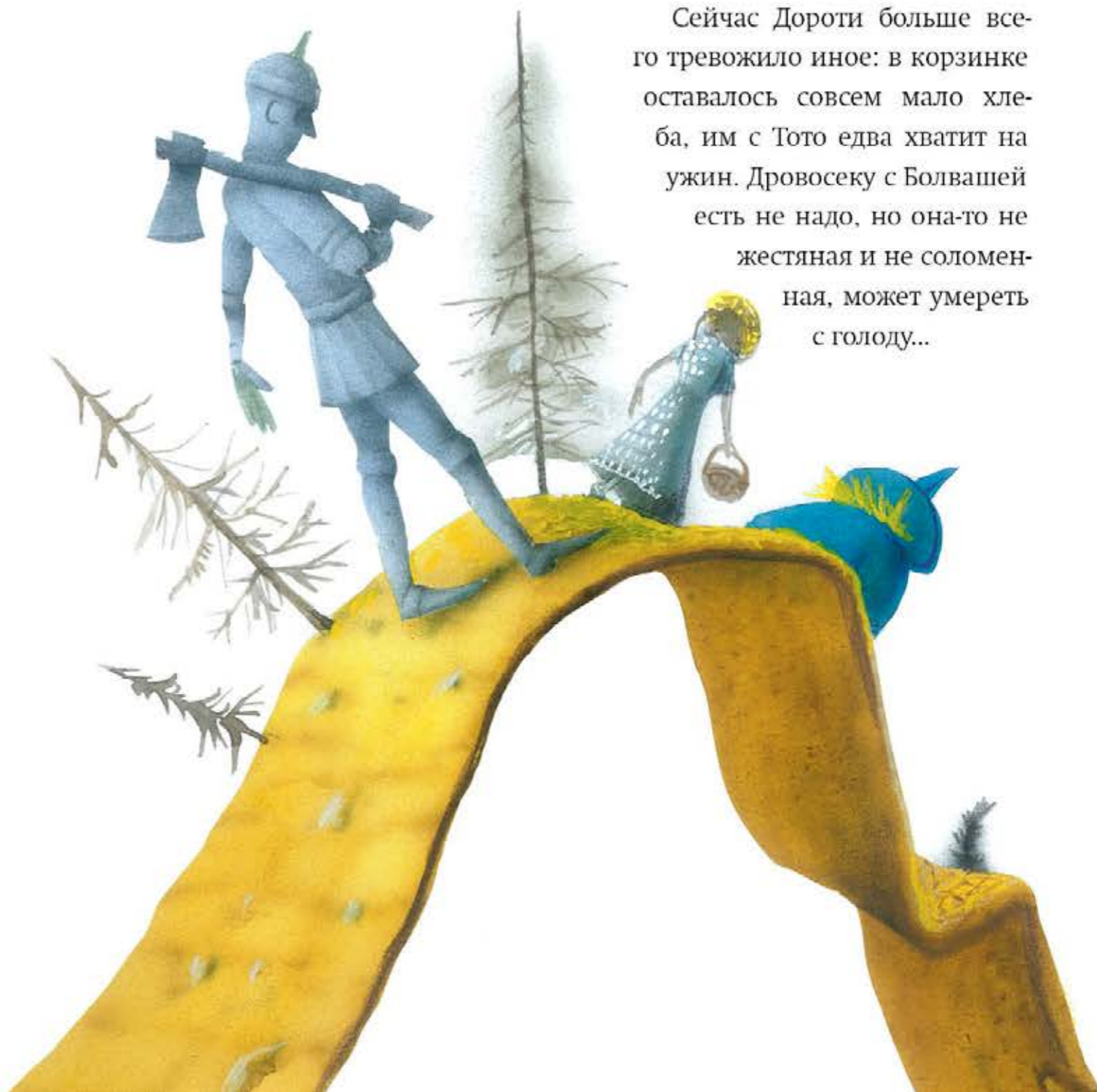
Дороти и Болваша слушали очень внимательно. Теперь они знали, зачем Жестяному Дровосеку сердце.

— И всё-таки мозги важнее, — сказал Болваша. — Что толку в сердце, если ты глупый?

— А что толку в мозгах? Они счастья не прибавят. Нет, самое главное — сердце! — стоял на своём Жестяной Дровосек.

Дороти молчала. Она никак не могла понять, кто из них прав, и наконец решила: для неё главное — вернуться домой, в Канзас, к тётке Эмилии. А Болваша и Дровосек напрасно спорят: если ты дома, тебе всегда хорошо, что горевать о мозгах да о сердце?

Сейчас Дороти больше всего тревожило иное: в корзинке оставалось совсем мало хлеба, им с Тото едва хватит на ужин. Дровосеку с Болвашей есть не надо, но она-то не жестяная и не соломенная, может умереть с голоду...

Боязливый Лев

Дорогу с обеих сторон теснили огромные деревья — вся она была засыпана прутьями, сухими опавшими листьями, и шагало не очень легко.

Тут, в чаще, не слышно было пения птиц — они любят открытые солнечные поляны. Откуда-то из глубины леса порой доносился мощный звериный рык. Дороти не знала, что за зверь так рычит, и ей было жутковато. А Тото, пожалуй, догадывался — оттого и жался поближе к девочке, не смея лаять в ответ.

— Скоро кончится лес? — спросила Дороти у Жестяного Дровосека.

— Точно сказать не могу, я этих мест не знаю, — откликнулся тот. — Вот отец мой однажды ходил в Изумрудный город. Сказывал, что дорога длинная, тяжёлая, только вокруг самого города красиво и безопасно. Но нам не стоит бояться: моя маслénка со мной, Болваше любая беда нипочём, а тебя хранит поцелуй доброй волшебницы.

— А как же Тото? — с беспокойством спросила девочка.

— Его мы защитим, — твёрдо сказал Жестяной Дровосек.

В эту минуту раздался оглушительный рык, и на дорогу из чащи выскочил Лев, огромный, с косматой гривой. Ударом могучей лапы он отбросил Болвашу далеко в сторону, потом влепил затрещину Жестяному Дровосеку — тот упал, но и Лев на миг замер от удивления: его острые когти громко царапнули по жести.

Тото с лаем бросился на врага. Огромный зверь грозно оскалился, но Дороти подоспела на помощь — храбро стукнула Льва по носу и крикнула:

— Не смей кусать Тото!

— Я и не думал кусаться, — сказал Лев, потирая лапой ушибленный нос.

— Тогда зачем зубы оскалил? Ишь, какой смелый — на маленького напал!

— Да разве я смелый... — вздохнул Лев и пристыженно повесил голову. —

Сам испугался больше вашего...

— Испугался? А зачем тогда ударил нашего соломенного Болвашу?

— Он что, правда соломенный?

— Разумеется, — всё ещё сердито ответила девочка.

Она подняла Болвашу и пошлепала по нему ладошками, поправляя сбившуюся солому.

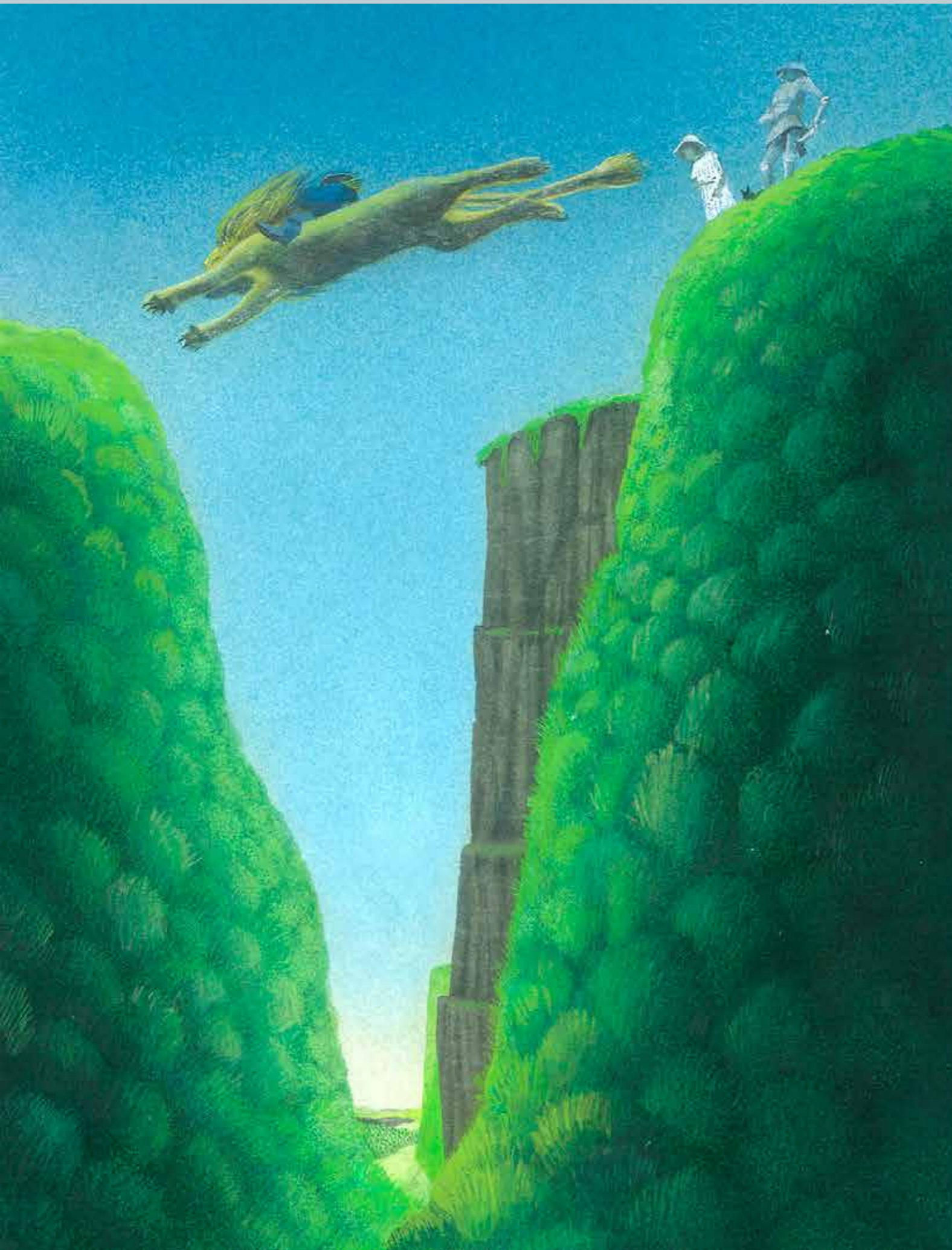
— Потому, значит, и лёгкий такой, — пробормотал Лев. — А я-то удивился — как это он сразу вверх тормашками полетел. А второй твой друг тоже соломенный?

— Нет, жестяной, — сказала Дороти, помогая подняться Дровосеку.

— Все когти об него затупил, — пожаловался Лев. — Царапнул — б-р-р, так и передёрнуло. А это что за зверёк? Ты его, наверное, очень любишь.

— Мой пёсик, Тото.

Лев собирался что-то добавить, но дорогу опять перерезал овраг, куда шире и глубже первую. Лев сразу понял, что через такой ему не перепрыгнуть.

Они присели и устроили совет. Болваша подумал-подумал, а потом сказал: — На краю оврага растёт высокое дерево. Если Жестяной Дровосек его срубит, оно упадёт и верхушкой ляжет на другую сторону. Мы перейдём по нему как по мосту.

— Здорово! — восхитился Лев. — Можно подумать, у тебя в голове не солома, а настоящие мозги!

Жестяной Дровосек взялся за дело и своим острым топором быстро подрубил дерево. Лев уперся могучими лапами в ствол, нажал — огромное дерево стало медленно клониться и, наконец, с треском рухнуло поперек оврага.

Друзья ступили на этот необычный мост, но тут позади раздался жуткий рёв. Прямо на них неслись два отвратительных чудовища голова тигриная, туловище медвежье.

— Тигроведи! — задрожав, вымолвил Боязливый Лев.

— Скорее на ту сторону! — воскликнул Болваша.

Первой перебежала Дороти с Тото на руках, следом Жестяной Дровосек, за ним Болваша. А Лев, хоть и отчаянно трусил, повернулся к тигроведям и так страшно зарычал, что Дороти вскрикнула, а Болваша сел с размаху на землю. Тигроведи приостановились и с удивлением посмотрели на Льва, но потом сообразили, что они-то намного больше и, кроме того, их двое, а он один. Едва Лев перебежал к друзьям, тигроведи тоже прыгнули на мост.

— Мы пропали! — сказал Лев. — Они разорвут нас острыми когтями... Станьте у меня за спиной, я буду драться насмерть!

— Подождите! — крикнул Болваша. Он всё это время усиленно думал, и его осенило: — Дровосек! Руби ствол!

Дровосек отчаянно застучал топором. Перерубил макушку, дерево с треском сорвалось — чудища полетели в овраг и насмерть разбились об острые камни.

Боязливый Лев вздохнул с облегчением:

— Уф, кажется, мы живы! Вот и хорошо: быть мёртвым, наверное, очень скучно... Как же я испугался этих проклятых тигроведей! До сих пор сердце колотится.

— Хотел бы я, чтоб и в моей груди колотилось сердце... — печально промолвил Жестяной Дровосек.

После страшного приключения путникам ещё сильнее захотелось выбраться из лесу. Они зашагали так быстро, что Дороти устала, и Льву пришлось везти её на спине. К счастью, лес стал понемногу редеть, и под вечер они вышли к широкой, бурливой реке. Дорога из жёлтого кирпича здесь прерывалась,

а на том берегу появлялась опять: по её обочинам тянулись усыпанные дивными плодами деревья, нежно зеленела трава, пестрели цветы. Друзья с восторгом глядели на далёкий прекрасный берег.

— Как же нам туда добраться? — спросила Дороти.

— Очень просто, — тотчас откликнулся Болваша. — Жестяной Дровосек смастерит плот, и мы переправимся через реку.

Дровосек принялся рубить небольшие деревья для плота, а Болваша тем временем отыскал поблизости фруктовое дерево. Дороти, которая весь день ела одни орехи, очень обрадовалась и жадно набросилась на сладкие плоды.

Дровосек трудился усердно, но к ночи всё-таки не управился, строить плот дело нешуточное. Друзья выбрали местечко поудобнее, под деревом с густой кроной, и проспали до утра. Дороти снился Изумрудный город и добрый чародей Оз, который отправит её домой.

— Что же делать? — растерянно спросил Жестяной Дровосек.

— Искать нашу дорогу, — сказала Дороти.

— Пойдёмте берегом назад — вернёмся к ней, — предложил Лев.

Они немного отдохнули, а потом Дороти подхватила свою корзинку, и друзья зашагали по заросшему мягкой травой берегу. Приятно было поглядеть окрест — цветы, фруктовые деревья, ласковое солнце. Но грустные мысли о Болваше не давали друзьям покоя.

Путники шли быстро, лишь раз Дороти остановилась, сорвала красивый цветок.

— Смотрите! — вдруг воскликнул Жестяной Дровосек.

Они глянули на реку: там, посередине, печально торчал на шесте Болваша.

— Как бы его вызволить? — проговорила Дороти. — Надо что-нибудь придумать...

Лев с Жестяным Дровосеком растерянно покачали головами, и всё уселись на берегу.

Мимо пролетал аист. Заметив их, он приземлился на кромке воды.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Меня зовут Дороти, — сказала девочка. — А это мои друзья, Жестяной Дровосек и Боязливый Лев. Мы идём в Изумрудный город.

— Дорога в Изумрудный город отсюда далеко. Не понимаю, чего вы тут сидите, — произнёс аист и, изогнув длинную гибкую шею, подозрительно оглядел компанию.

— Мы не можем идти без нашего Болваши, — объяснила Дороти.

— А где он?

— Вон, посреди реки...

— Пожалуй, я бы его к вам доставил, но слишком уж он большой и, наверное, тяжёлый.

— Что вы, он совсем лёгонький! — с жаром воскликнула Дороти. — Он набит соломой. Пожалуйста, перенесите его на берег, мы будем так благодарны...

— Ладно, попробую, — проворчал аист. — Но учтите: если мне будет тяжело, уроню его прямо в воду.

Взмахнув огромными крыльями, аист полетел к шесту, подцепил Болвашу когтями за руку и перенёс на берег.

Болваша ужасно обрадовался, долго обнимал Дороти, потом Жестяного Дровосека, потом Льва и Тото. Наконец тронулись в путь. Болваша бежал вприпрыжку и радостно напевал в такт: “Ля-ля! Тру-ля-ля!” Потом воскликнул:

— Я так боялся, что навсегда останусь на реке! Но добрый аист спас меня. Когда раздобуду мозги, непременно разыщу аиста и сделаю для него что-нибудь хорошее.

— Да ничего мне не надо, — скромно сказал аист. Он летел рядом и всё слышал. — Я всегда помогаю тому, кто попал в беду... А теперь мне пора домой, к деткам. Желаю счастливо добраться до Изумрудного города!

— Спасибо! — крикнула Дороти.

Добрый аист взмыл в вышину и скрылся из виду. А друзья шагали дальше. Вокруг пели пёстрые птицы, сплошным ковром устилала землю крупные цветы — жёлтые, белые, голубые, фиолетовые... Но чаще всего попадались алые маки, яркие-яркие, даже глаза резало.

— Какие красивые цветы! — восхитилась девочка, вдыхая густой аромат.

— А я не понимаю, что значит “красивые”, — отозвался Болваша. — Вот получу мозги, тоже буду любоваться цветами.

— И я — когда получу сердце, — добавил Жестяной Дровосек.

— А я давно люблю цветы, — сказал Лев. — Они хрупкие, безобидные... Эти мне особенно нравятся — я таких ярких в лесу не видел.

Огромных алых маков становилось всё больше. Другие цветы малопомалу исчезли, и друзья оказались в настоящем маковом поле. Запах был очень сильный, дурманящий, заснёшь здесь — никогда не проснёшься. Но Дороти этого не знала. Она спокойно шла среди красных цветов. Чуть погода у неё стали слипаться глаза, захотелось присесть, задремать...

Однако Жестяной Дровосек не позволил:

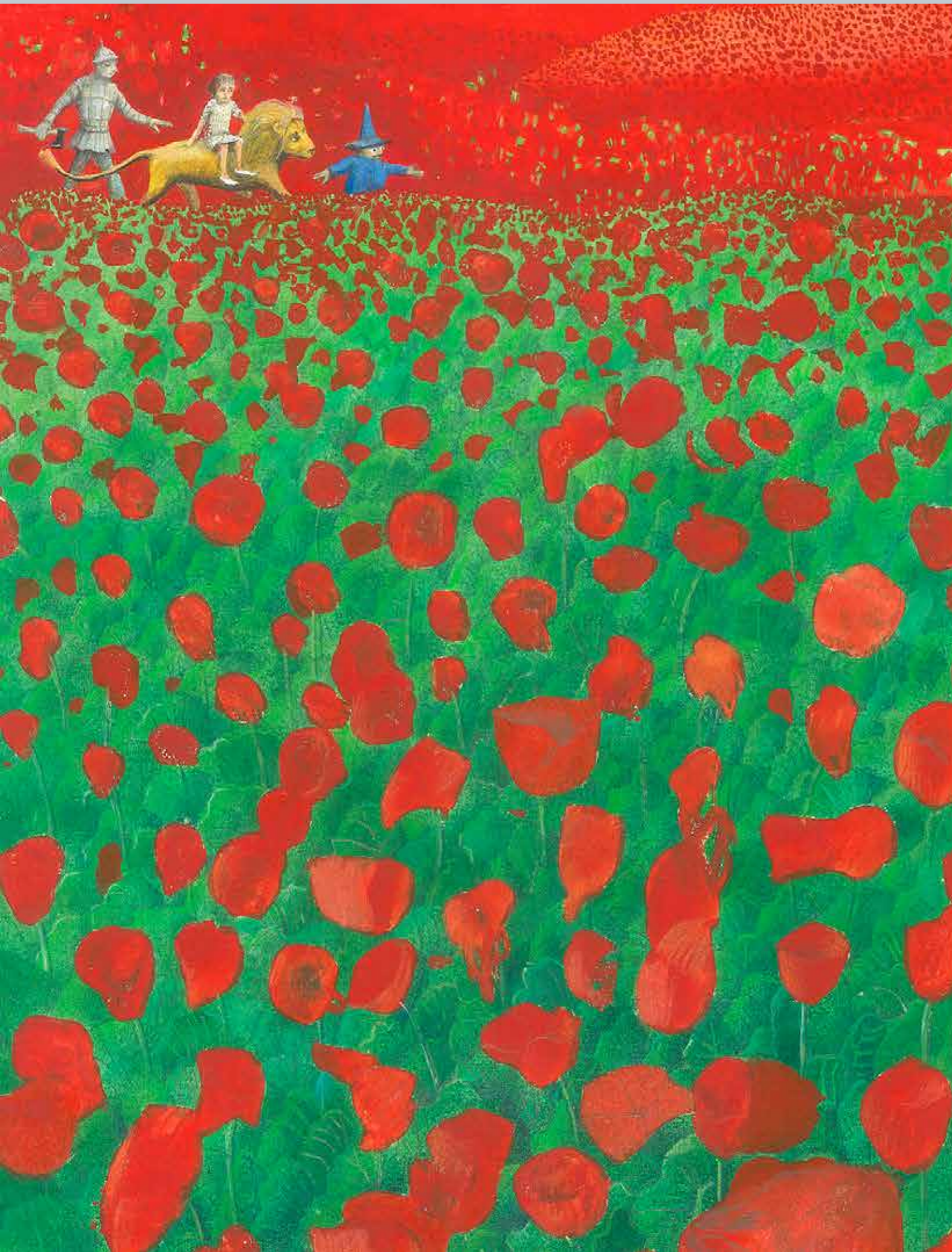
— Отдыхать сейчас некогда — нужно дотемна выйти к дороге из жёлтого кирпича.

Болваша тоже так думал, и они пошли дальше, но Дороти совсем ослабла. Глаза у неё сами собой закрылись, она упала в маки и забылась тяжёлым сном.

— Здесь её оставлять нельзя, — сказал Лев. — Это маки нас усыпляют. Я и сам еле держусь. А Тото, смотрите, уже уснул!

И верно, Тото посапывал возле своей хозяйки. Только Болваше с Дровосеком аромат был не опасен — ни соломенный, ни жестяной человек запахов не чували.

— Беги! — велел Болваша Льву. — Выбирайся с гибельного поля, пока не заснул! Девочку-то мы с Дровосеком вынесем, а тебя нам не поднять.

Лев огромными прыжками помчался вперед и скоро исчез среди цветов.

— Давай сцепим руки и понесём Дороти, как в креслице, — предложил Болваша Жестяному Дровосеку.

Они крепко сплели руки, усадили Дороти поудобнее, пристроили Тото у неё на коленях и зашагали по полю.

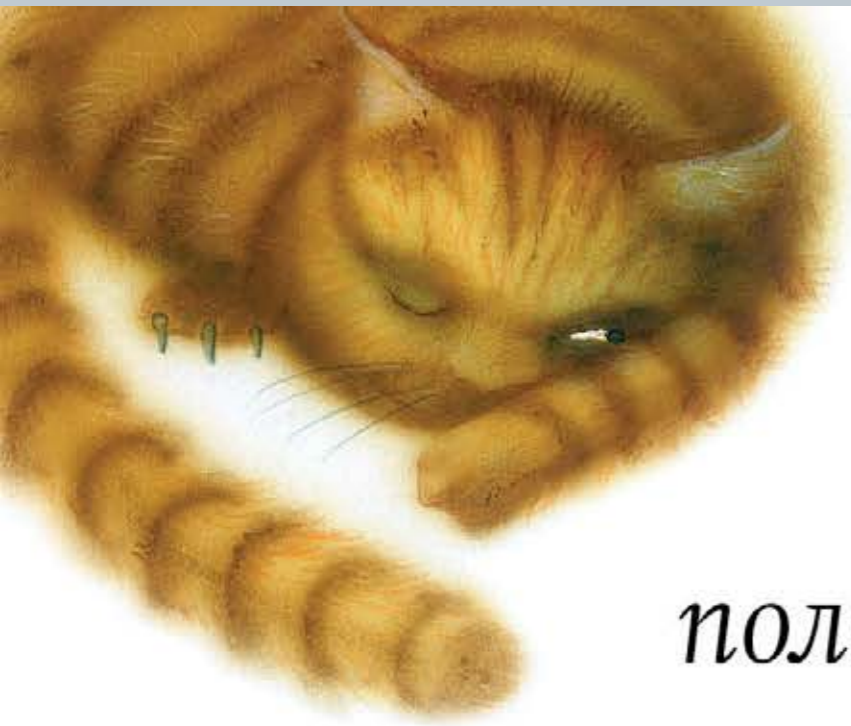
Казалось, оно никогда не кончится, повсюду, куда ни кинь взгляд, алели коварные маки... За поворотом реки Дровосек и Болваша наткнулись на распротёртого Льва. Дурманящий запах одолел могучего зверя. Рядом зеленела безопасная лужайка, ласково колыхалась трава: Лев лежал почти на краю макового поля, но, увы, беспробудно спал.

— Нам его и с места не сдвинуть — слишком тяжёлый, — грустно сказал Жестяной Дровосек. — Придётся ему вечно тут спать. Может, приснится, что добыл себе отвагу.

— Жаль, настоящий был друг, хоть и прозывался боязливым... — вздохнул Болваша. — Но пойдём, надо спешить.

Они отошли подальше от ядовитых маков, уложили спящую девочку в мягкую траву на берегу, где гулял свежий ветерок, и стали ждать, когда она проснется.

Королева полевых мышей

— Дорога из жёлтого кирпича наверняка где-то рядом, — промолвил Болваша. — Мы ведь прошли назад не меньше, чем река протащила нас вперед.

Жестяной Дровосек не успел ответить. Из-за его спины послышался свирепый рык. Повернув голову, благо она вертелась теперь отлично, Дровосек увидел, что к ним огромными скачками несётся дикий зверь. Громадный рыжий кот. Он явно за кем-то гнался: уши хищно, по-охотничьи, прижаты, пасть ощерена, налитые кровью глаза сверкают. Кот подбежал ближе, и Жестяной Дровосек разглядел, что гонится он за серой мышью-полёвкой. Дровосек, хоть и был без сердца, не мог отдать на съедение такого кроткого, ни в чём не повинного зверька.

Вот хищник уже рядом. Дровосек взмахнул топором — и голова кота, отскочив от тела, покатила по траве.

Когда угроза миновала, полёвка остановилась и, опасливо приблизившись к Дровосеку, пропищала:

Королева полевых мышей

— Благодарю вас от всего сердца! Вы спасли мне жизнь!
— От всего сердца? А вот у меня, увы, сердца нет. И чтобы восполнить этот изъян, я стараюсь помогать любому, даже полевой мышши.

— Что значит “даже”? — возмутилась серая кроха. — Я, между прочим, королева! Королева полевых мышшей!

— Простите, не знал. — Дровосек почтительно поклонился.

— Вы спасли жизнь королеве, а значит, совершили настоящий подвиг. — добавила мышь.

В этот миг показались ещё несколько мышек — они бежали во весь дух, перебирая короткими лапками. Завидев королеву, они стали как вкопанные и воскликнули:

— Ваше величество! Мы уж думали, вы погибли! Как же вы спаслись от дикого кота?

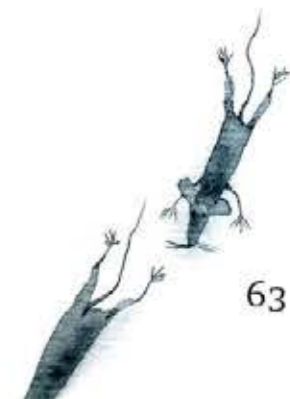
— Дикого кота убил этот странный жестяной человек, — ответила королева. — Он спас мне жизнь. Отныне вы будете служить ему верой и правдой и выполнять любое его желание.

— Любое! Любое! — оглушительно запищали мыши и принялись кланяться столь усердно, что задние лапки их повисали в воздухе.

Тото пробудился и, увидев столько дичи, радостно гавкнул и прыгнул в самую мышиную гущу. Гонять полёвок ему было не впервой, он полюбил охотиться на них ещё в Канзасе. Мыши порскнули в разные стороны, а Жестяной Дровосек крепко ухватил пёсика за шкуру и крикнул мышам:

— Эй, идите сюда! Тото вас не обидит.

Мышинная королева выглянула из-за поросшей травой кочки и робко осведомилась:

— Вы уверены, что он нас не покусает?

— Не бойтесь, я его держу, — ответил Дровосек.

Мыши одна за другой нерешительно потянулись обратно. Тот хоть не лаял, но всё же пытался вывернуться из Дровосековых рук и, пожалуй, куснул бы его, да знал наверняка, что сломает зубы. Наконец одна из мышей, самая крупная и решительная, заговорила:

— Как отблагодарить вас за спасение королевы?

— Не знаю... — смутился Дровосек.

Болваша тем временем отчаянно пытался придумать своей безмозглой головой, о чём попросить мышей. И вдруг его осенило:

— Спасите нашего друга, Боязливого Льва. Он спит в маковом поле.

— Льва? — ахнула маленькая королева. — Он же нас съест!

— Что вы!.. Этот Лев — ужасный трус, — заверил Болваша.

— Неужели?

— Да, он сам признаётся. Наш Лев никого не обижает, а друзей и по давню. Помогите спасти его — сами увидите, какой он добрый.

— Ладно, верю, — промолвила королева. — Но как его спасти?

— Я кое-что придумал! Много ли у вас подданных?

— Невозможно счесть! — гордо ответила мышь.

— Призовите всех сюда, да побыстрее. И пускай каждая захватит из дома верёвку.

Королева повелела придворным собрать на лужайке всех жителей мышиного королевства. Придворные тотчас бросились исполнять приказание.

— А ты, — обратился Болваша к Жестяному Дровосеку, — смастери пока повозку покрепче. Там, на берегу, полно деревьев.

— Зачем? — спросила Дороти.

— Чтобы вас не ослепил блеск Изумрудного города. Здесь жители ходят в очках даже ночью. Так повелел Оз, когда город ещё строился. Очки запираются на замочек, а ключ только у меня.

Он раскрыл ларь. Там оказалось множество очков: большие, поменьше, совсем маленькие, и все — с зелёными стёклами. Стражник выбрал очки для Дороти и замкнул золотые дужки на её затылке маленьким ключиком, который висел у него на шее. Теперь, как ни старайся, очки не снимешь. Но Дороти и не пыталась — она вовсе не хотела ослепнуть от блеска Изумрудного города.

Стражник тем временем подобрал очки для всех: для Болваши, для Жестяного Дровосека, для Льва. Даже для Тото нашлась пара. И щёлкнули ещё четыре замочка.

В конце концов стражник сам надел очки и объявил, что можно идти. Достал огромный золотой ключ, отпер внутренние ворота и ввёл друзей в Изумрудный город.

Изумрудный город

Чудесный город сиял ослепительно — Дороти и её спутники зажмурились, хоть и были в очках. Дома сложены из великолепного зелёного мрамора, в стены вделаны крупные сверкающие изумруды. Таким же мрамором вымощены и улицы, а в стыках плит блестят уложенные рядом зелёные камешки. Зелёные стёкла в окнах, зелёное небо над головой, даже солнечные лучи — и те омывают землю изумрудным сиянием.

На улицах было много мужчин, женщин, детей — все в зелёных одеждах и с зеленоватой кожей. Они удивлённо глядели на Дороти и её свиту; ребяташки, завидев Льва, испуганно шарахались в сторону или утыкались в материнский подол. Никто с чужестранцами не заговаривал. По пути им попадались лавки, всё на витринах было зелёным: леденцы, кукурузные хлопья, ботинки, шляпы и прочие вещи. На углу продавали зелёный лимонад, и Дороти разглядела, что дети выкладывают за него зелёные монетки.

Ни лошадей, ни другой тягловой силы на улицах не было. Тяжести перевозили на маленьких зелёных тележках. Местные жители, похоже, благоденствовали: все ходили с довольными и счастливыми лицами.

По извилистым улицам стражник наконец вывел друзей в самый центр города, к дворцу Великого Оза. У дверей стоял солдат в зелёном мундире, с длинной бородой и бакенбардами, которые тоже, разумеется, были зелёными.

Стражник сказал ему:

— Эти незнакомцы желают видеть Великого Оза.

— Входите, — ответил солдат. — Я доложу Озу о вашем желании.

Во дворце солдат велел гостям вытереть ноги о зелёную циновку и пригласил их в приёмную с зелёным ковром и красивой мебелью, украшенной изумрудами. Все уселись в кресла. Солдат сказал:

— Располагайтесь поудобнее, а я схожу в тронную залу.

Его не было довольно долго.

— Вы видели Оза? — спросила Дороти, когда он наконец вернулся.

— Конечно нет, — ответил солдат. — Я его вообще ни разу не видел. Он скрыт от глаз смертных. Я вошёл и рассказал ему о вашей просьбе. Он согласился принять вас, но являться к нему вы будете поодиночке, по одному в день. Придётся уж вам погостить во дворце. Сейчас вас проводят в комнаты, где вы сможете отдохнуть с дороги.

— Спасибо, — ответила Дороти. — Мы очень благодарны Озу.

Солдат дунул в зелёный свисток, и в приёмную тотчас впорхнула девушка в зелёном шёлковом платье, с чудесными зелёными локонами и зелёными глазами. Она поклонилась Дороти и сказала:

— Пойдёмте, я провожу вас.

Простившись с друзьями и подхватив Тото, Дороти последовала за зелёной служанкой. Семь коридоров они прошли, по трем лестницам поднялись, пока не очутились в замечательной комнате с окнами на дворцовую площадь.

Тут стояла кровать с мягчайшей периной и зелёными простынями, покрытая зелёным бархатным покрывалом. Из фонтанчика посреди комнаты била тонкая струйка, но не обычной воды, а неведомой благовонной жидкости: напив воздух ароматом, капли разбивались о дно зелёно-мраморного бассейна. На подоконнике теснились горшки с зелёными цветами, на полке выстроились маленькие зелёные книжки. Потом, когда Дороти заглянула в них, она хохотала до слёз — рисунки в книжках были удивительно смешными.

В шкафу был целый ворох зелёных платьев — шёлковых, атласных и бархатных. Все они оказались Дороти впору.

— Чувствуйте себя как дома, — сказала зелёная девушка. — А если что понадобится, звоните в колокольчик. Оз примет вас завтра утром.

И служанка отправилась устраивать на ночлег остальных друзей. Каждого проводила она в отдельную комнату в каком-нибудь уютном уголке дворца. Конечно, с Болвашей не стоило так церемониться: оставшись один, он простоял до самого утра возле порога, не сомкнув нарисованных глаз, и от нечего делать таранился в угол, где под потолком неспешно плел свои сети паучок. В общем, Болваша не оценил дворцовой роскоши.

Дровосек улётся в постель, он ещё не совсем отвык от людских привычек, поскольку был когда-то не жестяным, а самым обыкновенным человеком, из плоти и крови. Правда, теперь он спать не умел и, чтобы хоть чем-то заняться, ночь напролёт сгибал и разгибал руки и ноги.

Лев предпочёл бы подстилку из сухих листьев на лесной поляне — не нравилось ему сидеть взаперти. Но выбирать не приходилось. Вскочив на кровать, он свернулся клубочком и заснул под собственное мурлыканье, точно котёнок.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Отправьте меня в Канзас, к тётушке Эмилии и дядюшке Генри, — не раздумывая попросила девочка. — Ваша страна красивая, но мне хочется домой. И тётя Эмилия, конечно, тревожится, что меня так долго нет.

Глаза трижды моргнули, взглянули вверх, вниз, а потом завращались так бешено, что успели оглядеть комнату, наверное, раз сто. Наконец они снова уставились на Дороти.

— Почему я должен помогать тебе? — спросил Оз.

— Потому что вы Великий Чародей, а я маленькая девочка. Потому что вы сильный, а я слабая.

— Но хватило же у тебя сил убить злую Восточную волшебницу.

— Это вышло нечаянно, — сказала Дороти. — Домик сам упал ей на голову.

— Допустим, — ответила голова. — Но не надейся, что я отправлю тебя в Канзас совсем бесплатно. Я хочу получить от тебя что-нибудь взамен. В этой стране ничто никому не достаётся даром. Так что сперва помоги мне ты, а уж потом я сотворю волшебство и отправлю тебя домой.

— Чем же вам помочь? — спросила Дороти.

— Убей злую Западную волшебницу, — произнёс Оз. — Вот моё условие.

— Но я не могу! — в ужасе воскликнула Дороти.

— Убила же ты Восточную волшебницу. На тебе её серебряные туфли, а в них заключена огромная колдовская сила. Теперь в наших краях осталась всего одна злая волшебница. Убей её — и я в тот же день отправлю тебя в Канзас. Но ни днём раньше!

Дороти заплакала от разочарования: значит, зря она надеялась на Оза!.. Голова снова заморгала и встревоженно взглянула на Дороти — Оз словно почувствовал, что девочка и рада бы помочь ему, да не может.

— Я никогда никого не убивала, домик сам упал, — всхлипывала Дороти. — Даже вы, великий и ужасный, не можете справиться с этой злой волшебницей. А мне такое разве под силу? Если б я даже и захотела — как я её убью?!

— Не знаю, — ответила голова. — Но это моё последнее слово. Пока колдунья жива, не видать тебе ни дяди, ни тётки. Помни, эта волшебница совершила немало зла и должна быть уничтожена. Ступай и не возвращайся, пока с ней не покончишь.

Опечаленная Дороти вышла из тронной залы. Её поджидали Лев, Болваша и Жестяной Дровосек.

— Всё пропало. — Девочка горестно вздохнула. — Оз не отправит меня домой, пока я не убью злую Западную волшебницу, а мне такого ни за что не сделать.

Друзья искренне сочувствовали Дороти, но не знали, как ей помочь. Она ушла в свою комнату и разрыдалась, уткнувшись в подушку. Плакала-плакала, да и заснула.

На следующее утро солдат с зелёными бакенбардами пришёл за Болвашей:

— Оз ждёт вас.

В тронной зале Болваша увидел прекрасную госпожу. Она сидела на изумрудном троне в зелёных шёлковых одеждах, на голове блистала корона, волосы струились по плечам, а за плечами трепетали сияющие крылья.

Болваша неуклюже поклонился. Конечно, стоя перед такой госпожой, следовало кланяться более изысканно, но Болваше мешала тугая соломенная начинка. Госпожа, однако, взглянула на него благосклонно и сказала:

— Я — Оз, великий и ужасный. Кто ты и зачем искал встречи со мной?

Вернувшись к друзьям, он рассказал им о своей встрече с Озом. Они удивились: опять у Чародея новое обличье! Затем Лев произнёс:

— Если он и мне явится чудищем, я оглушу его рёвом — он испугается и выполнит мою просьбу. Прекрасную госпожу я тоже напугаю: притворюсь, что сейчас прыгну на неё. С головой и того легче: стану катать её по полу, пока не пообещает исполнить все наши желания. Не унывайте, друзья, я с этим Чародеем справлюсь.

На следующее утро солдат с зелёными бакенбардами привел Льва к тронной зале и распахнул двери.

Лев бросился вперед. Но дорогу к трону преграждал огненный шар, горевший так ярко, что Лев зажмурился. Поначалу он решил, что это пожар, что Оз загорелся и его надо спасать. Он кинулся было на выручку, но лишь опалил усы и дрожа попятился к двери.

И тут из огненного шара донёсся голос:

— Я — Оз, великий и ужасный. Кто ты и зачем искал встречи со мной?

— Я — Боязливый Лев, я боюсь всего на свете. Меня называют царём зверей, но я пришёл просить отваги. Какой уж из труса царь...

— Почему я должен тебе помогать?

— Из всех волшебников вы самый великий, больше мне никто не поможет, — сказал Лев.

Огненный шар раскалился добела и, помолчав, произнёс:

— Принеси мне весть о гибели злой Западной волшебницы, и ты немедленно получишь отвагу. Но пока старуха жива, ты останешься трусом.

Лев злился, но не решался напасть на шар. Пока он раздумывал, жар стал нестерпимым, и Лев, поджав хвост, бросился вон из залы. Спустя минуту он уже рассказывал друзьям о своей страшной встрече с Озом.

— Что же нам теперь делать? — вздохнула Дороти.

— Придётся идти в страну моргачей, — сказал Лев. — Никуда, видно, не денешься. Найдём там злую волшебницу и как-нибудь её уничтожим.

— А вдруг не сумеем? — сказала девочка.

— Тогда я не получу отваги, — вздохнул Лев.

— А я — мозгов, — проговорил Болваша.

— А я — сердца, — сказал Жестяной Дровосек.

— А я никогда не увижу тётю Эмилию и дядю Генри, — добавила Дороти и заплакала.

— Поберегите ваше платье! — воскликнула зелёная служанка. — От слёз на атласе остаются пятна.

Тогда Дороти вытерла глаза и сказала:

— Вот что, друзья. Надо попытаться выполнить условие Оза. Но я не хочу никого убивать! Даже ради тётушки Эмилии...

— Я пойду с тобой, — решил Лев. — Правда, мне злой волшебницы не убить, я же трус...

— Я тоже пойду, — заявил Болваша. — Но и от меня мало проку, слишком я глуп.

— Может, я и убил бы злую волшебницу скрепя сердце, но у меня его нет, — проговорил Жестяной Дровосек. — Однако пойду с тобой обязательно.

В дорогу решили отправиться поутру. С вечера Дровосек смазал свои жестяные суставы и наточил топор на зелёном точильном камне. Болваша набил себя свежей соломой, а Дороти ярко обвела ему глаза — чтобы получше видел. Зелёная служанка успела привязаться к гостям, она собрала для Дороти полную корзинку вкусной еды, а пёсику повесила на шею колокольчик на зелёной ленточке.

Улеглись рано, спали крепко. С рассветом на заборе за дворцом закукарекал зелёный петух, потом закудаhtала курица — она снесла зелёное яйцо. Тут-то друзья и проснулись.

На поиски злой волшебницы

Солдат с зелёными бакенбардами проводил их до городской стены. В сводчатой комнате стражник разомкнул дужки очков и, спрятав очки в ларь, распахнул перед друзьями ворота.

Множество дорог разбегалось во все стороны.

— Какая же дорога приведёт нас к злой Западной волшебнице? — спросила Дороти.

— Никакая, — ответил стражник. — Туда никто не ходит, вот и не протоптали дороги.

— Как же нам искать волшебницу? — озадаченно спросила Дороти.

— Она вас сама найдёт. Стоит вам очутиться в стране моргачей, живо сцапает.

— А может, это мы её сцапаем! — заявил Болваша. — Мы ведь затем и идём, чтоб её погубить!

— Ах, вот оно что! Тогда другое дело, — сказал стражник. — Её ведь ещё никто никогда не пробовал погубить. А забредёт случайный путник — сразу попадает в неволю. Берегитесь! Западная волшебница свирепа и беспощадна,

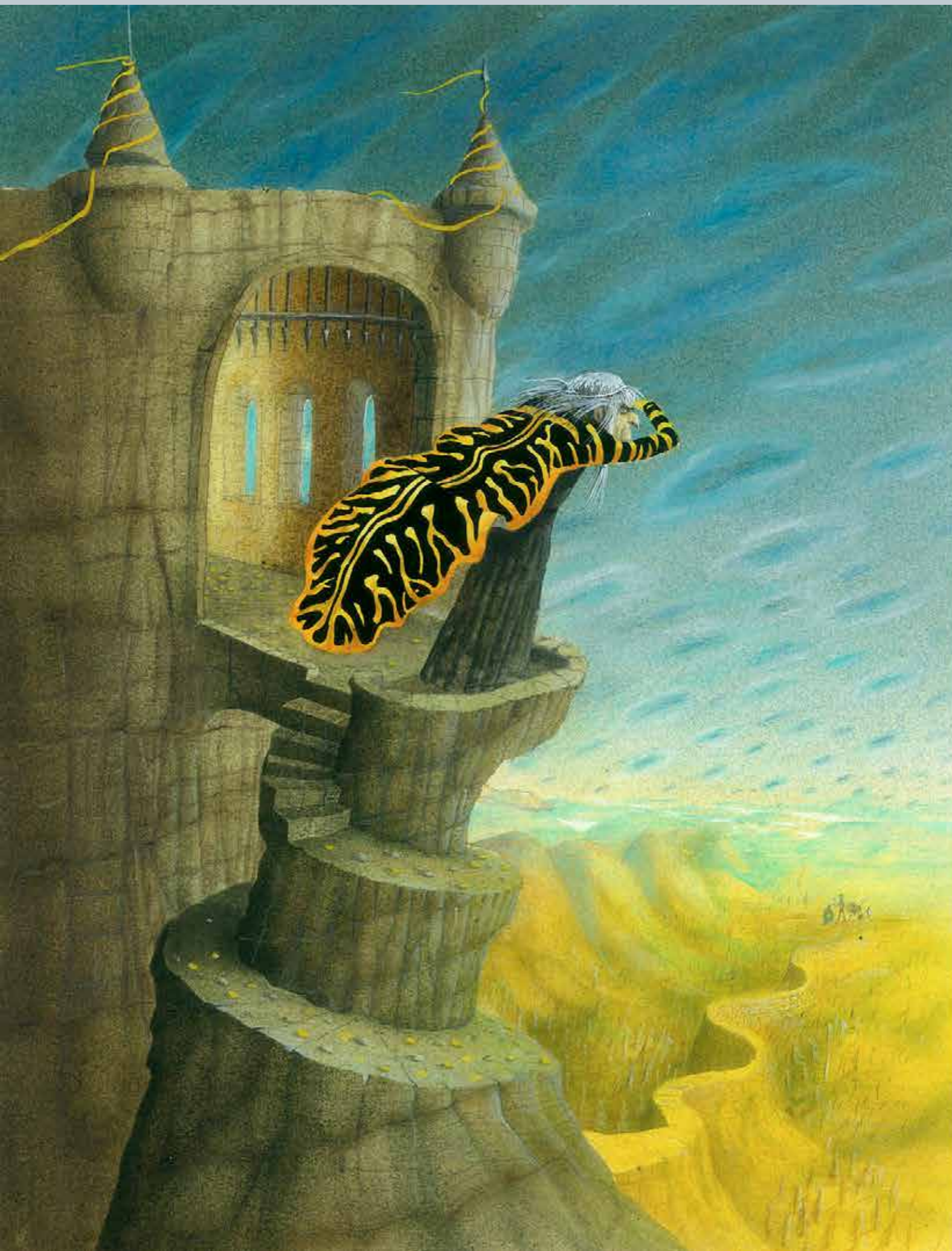
трудно будет её одолеть... До свидания! Идите на запад, на закатное солнце, и вы непременно повстречаетесь со злой волшебницей.

Поблагодарив стражника за напутствие, друзья пошли на запад без дороги, по усыпанному ромашками и одуванчиками зелёному лугу. Дороти была в красивом атласном платье, которое ей подарили во дворце. Только оно вдруг из зелёного сделалось белым. И зелёная ленточка у Тото на шее тоже побелела.

Скоро Изумрудный город остался далеко позади. Земля стала неровной, каменистой; ни ферм, ни домов не видать.

Не было вокруг и деревьев — а значит, ни клочка тени, — солнце же палило нещадно. К вечеру Дороти, Тото и Лев очень устали. Без сил свалились они на траву и сразу уснули. Дровосек с Болвашей стерегли их покой.

Злая Западная волшебница уродилась одноглазой, но единственный глаз её был зорче телескопа. Вышла она на порог своего замка, взглянула окрест и заметила Дороти с друзьями, когда до замка им было ещё шагать и шагать. Страшно рассердившись на незваных гостей, колдунья дунула в серебряный свисток, что висел у неё на шее.

Тут же сбежалась стая огромных волков — длинноногих, зубастых и злобных.

— Разорвите чужаков в клочья! — приказала волкам колдунья.

— Разве ты не хочешь взять их в рабство? — спросил вожак стаи.

— На что они мне? Один — жестяной, другой — соломенный, да ещё девочка и лев в придачу. Какой от них прок? Растерзайте их, и дело с концом.

— Слушаюсь, — рявкнул вожак, и стая помчалась исполнять приказание.

К счастью, Болваша с Дровосеком были начеку.

— Я справлюсь с ними один, — сказал Дровосек. — Ты, Болваша, спрячься за мою спину.

Едва он договорил, как подскочил вожак серой стаи. Дровосек взмахнул остро отточенным топором и враз отсёк ему голову. Та же участь постигла второго волка, третьего... Сорок волков было в стае, сорок раз вскидывал Дровосек свой топор.

Окончив битву, Дровосек присел рядом с Болвашей. Тот сказал:

— Ты славный воин, дружище.

И они снова встали на страже около безмятежно спавшей Дороти.

Утром девочка испугалась, увидев гору волчьих голов и обезглавленных тел. Дровосек рассказал ей о ночном нападении, и Дороти горячо его расцеловала. Позавтракав, путники зашагали дальше.

Волшебница, выйдя на порог, зыркнула единственным глазом и увидела, что её любимцы-волки мертвы. А непрошеные гости снова идут по её владениям. Она разъярилась пуще прежнего и дунула в серебряный свисток дважды.

Тут же небо над замком потемнело от чёрных крыльев: к колдунье слетелась воронья стая.

чёрные вороны, и пчёлы с губительным жалом; все её рабы трясутся от страха — так напугал их Боязливый Лев...

Колдунья вынула из шкафа золотую шапку, надела её и, поджав правую ногу, медленно произнесла:

— Жур-жи, мур-жи, кур-жи! Потом, встав на правую ногу, поджала левую и сказала:

— Хил-ло, хол-ло, хел-ло!

Потом, встав на обе ноги, выкрикнула:

— Зиз-зи, заз-зи, зик!

Небо потемнело, грозно зарокотал гром, слышалось хлопанье крыльев, гомон и хохот... И когда солнце проглянуло из тьмы и снова осветило замок, возле колдуньи кружили обезьяны с огромными, могучими крыльями.

Обезьяний король подлетел к волшебнице.

— Ты позвала нас в третий и последний раз! Приказывай.

— Отправляйтесь к чужакам, что топчут мою землю, и уничтожьте всех, кроме Льва! Его я, пожалуй, запрягу в карету вместо лошади.

— Будет исполнено, — промолвил король.

Шумная стая напала на путешественников. Несколько обезьян, подхватив Жестяного Дровосека, взмыли в поднебесье. Они летели и летели, а потом бросили беднягу с высоты на острые камни. Он так сильно расшибся, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Даже застонать не мог...

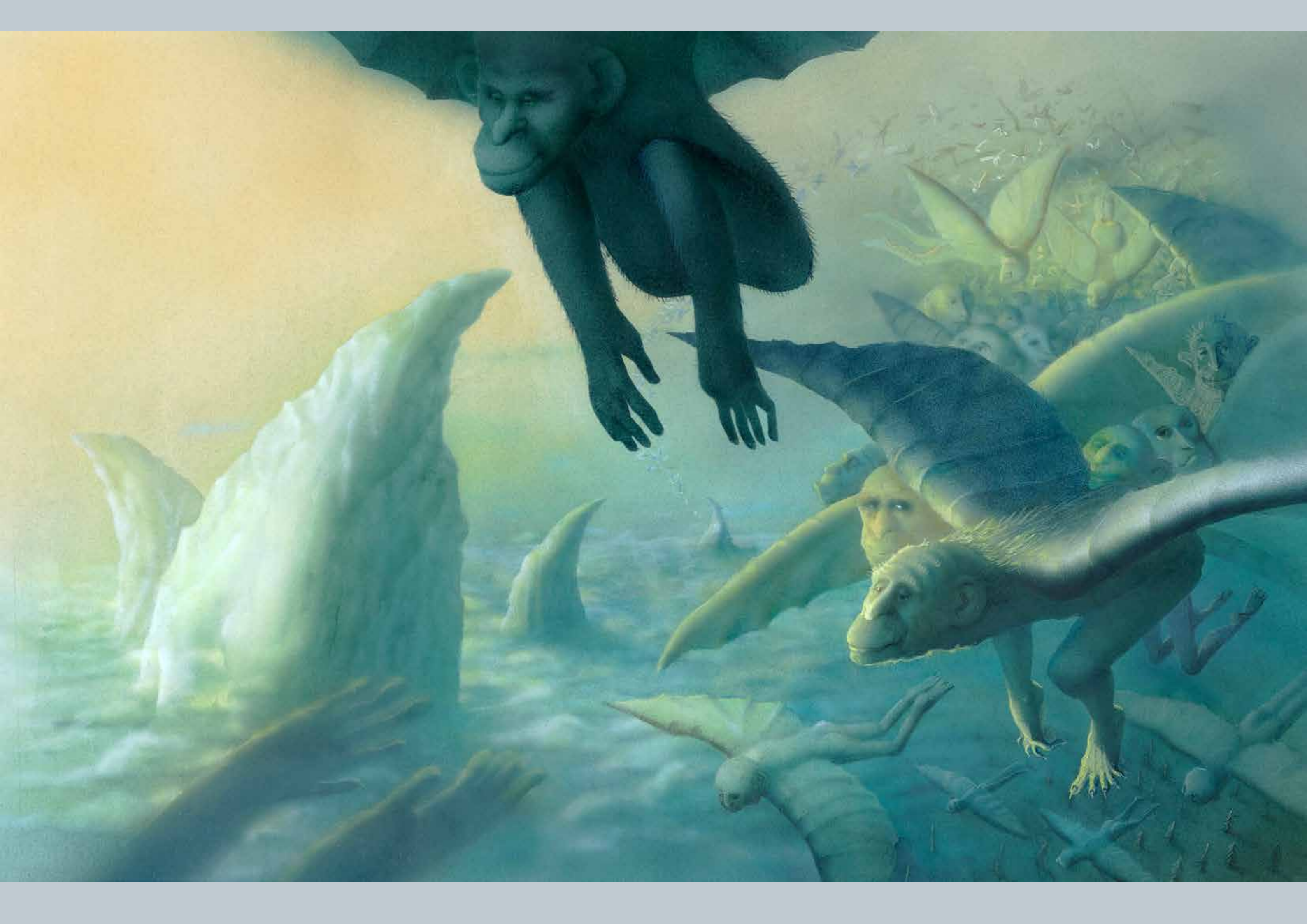
Другие обезьяны насели на Болвашу и, выпотрошив из него проворными пальцами всю солому, разметали её вокруг. От Болваши осталась лишь пустая одежда. Обезьяны связали её в узел и забросили на макушку самого высокого дерева.

Остальные обезьяны тем временем ловили Льва: накинули на него несколько арканов, обмотали толстой веревкой с головы до ног и крепко затянули. Рычать, кусаться, рваться на волю было бессмысленно. Обезьяны подхватили своего пленника и мигом доставили его к замку злой волшебницы, в тесный загончик с высокой железной оградой.

Дороти обезьяны пока не трогали. Прижимая к себе Тото, она в ужасе глядела, как расправляются с её друзьями, и ожидала неминуемой гибели. Страшно оскалившись, обезьяний король протянул к ней длинные мохнатые руки!.. Но, заметив на лбу девочки маленький сияющий след, что остался от поцелуя Северной волшебницы, король отпрянул и дал знак другим обезьянам её не трогать.

— Мы не смеем причинить ей вред! — сказал он. — Её хранят силы добра, а они куда могущественней, чем силы зла. Отнёсем-ка её старухе, пускай сама разбирается.

Они бережно подняли Дороти и в мгновение ока очутились на пороге замка.

Разоблачение Великого Чародея

Четверо путешественников подошли к воротам Изумрудного города и позвонили в колокольчик. Никто не открывал, и пришлось звонить ещё и ещё. Наконец ворота распахнулись, и перед друзьями предстал уже знакомый им стражник.

— Как, это вы? — воскликнул он в изумлении.

— Мы, — сказал Болваша. — Разве вы нас не узнаете?

— Узнаю... Но ведь вы, кажется, отправились к злой Западной волшебнице?

Болваша кивнул:

— Да, мы у неё побывали.

— И она позволила вам уйти целыми и невредимыми? — всё более изумлялся стражник.

— А что она могла сделать, коли она растаяла? — невозмутимо отозвался Болваша.

— Растаяла?! Какая замечательная новость! Кого же нам за это благодарить?

— Дороти! — торжественно объявил Лев.

— Неужели опять Дороти?! — Стражник отвесил девочке почтительный поклон.

Как и в первый раз, стражник пригласил путешественников в свою комнату, надел на них очки, точно так же замкнул дужки на ключик и повел отважную четвёрку во дворец. По дороге он сообщал всем встречным о новом подвиге Дороти, восторженные горожане примыкали к шествию, и к дворцовым воротам герои подошли в сопровождении толпы.

Здесь стоял на часах другой старый знакомец — солдат с зелёными бакенбардами; на этот раз он пропустил путешественников во дворец беспрепятственно. Красивая зелёная служанка проводила их в прежние комнаты и отправилась докладывать Озу о победе Дороти над злой волшебницей...

Девочка и её спутники надеялись, что, услышав радостное известие, Оз немедленно захочет их видеть, однако приглашения не последовало. Прошёл день, за ним тягостно потянулись второй, третий, четвёртый, а Великий Чародей по-прежнему не звал их к себе. Сначала друзья недоумевали, потом обиделись: чтобы выполнить поставленное Озом условие, им пришлось претерпеть

Великий обманщик творит волшебство

На следующее утро Болваша сказал товарищам:
 — Поздравьте меня. Сегодня я иду к Озу и получу мозги. Когда вернусь, я буду ничем не хуже других людей.
 — По-моему, ты и сейчас не хуже, — молвила Дороти со всей искренностью. — Я тебя люблю таким, какой ты есть.

— Очень благородно с твоей стороны любить соломенного болвана. Однако, когда я обзаведусь умом, ты станешь меня ценить больше. Потому что у меня появятся замечательные мысли! — пообещал Болваша и жизнерадостно прибавил: — До скорого свидания, друзья мои!

Добравшись до тронной залы, он постучал в дверь.

— Войдите, — слышалось в ответ.

Болваша вошёл и увидел, что Оз сидит у окна в глубоком раздумье.

— Здравствуйте. Я пришёл за мозгами, — напомнил Болваша слегка обеспокоенно: вдруг Оз опять отправит его ни с чем.

— Прекрасно, садись вот на этот стул. Прошу прощения, но мне придётся временно снять с тебя голову, иначе как я вложу в неё мозги?

— Конечно, снимайте, пожалуйста. Ведь когда вы поставите её обратно, она будет гораздо лучше!

Чародей открепил голову от туловища и вынул из неё солому. Потом сходил в кладовую и принёс меру отрубей. В отрубях он положил множество булавок и иголок и хорошенько потряс, чтобы всё перемешалось. Этой смесью он наполнил верх головы, а снизу туго поднабил соломой, чтобы ни одна булавочка не выпала. Затем приладил голову на место и сказал Болваше:

— Отныне ты будешь великим человеком, ибо я дал тебе много мозгов, и не каких-нибудь, а новеньких, с иголочки.

— Да-да, с иголочкой, и даже не с одной, — радостно подхватил Болваша. Он был счастлив и горд, что исполнилось его самое заветное желание. — Спасибо, Великий Чародей. Я никогда не забуду вашей милости! — сказал он и пошёл обратно к друзьям.

Дороти посмотрела на Болвашу с любопытством. Макушку у него явно распирало — должно быть, от мозгов.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась девочка.

— Спроси лучше не как, а кем я себя чувствую. Я чувствую себя мудрецом! Скоро я буду знать всё, дайте только привыкнуть к мозгам.

— А почему у тебя из макушки торчат иголки и булавки? — осведомился Жестяной Дровосек.

— Наверное, это значит, что ум у него очень острый, — предположил Лев.

— Ну, ладно, пойду-ка я к Озу за сердцем, — сказал Дровосек. Он постучал в дверь тронной залы.

— Войдите, — крикнул Оз.

— Я явился за сердцем.

— Отправить? Отправить в Канзас?

— Ну, насчёт Канзаса не знаю, ведь мы не имеем ни малейшего понятия, где он находится. Однако главное, по-моему, пересечь пустыню. А там уж нетрудно отыскать дорогу домой.

— Да, но как же я пересеку пустыню? — спросила Дороти.

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал Оз. — Видишь ли, сам я прилетел сюда на воздушном шаре. И ты тоже прилетела, только тебя принёс не шар, а вихрь. Значит, пустыню лучше всего преодолевать по воздуху. Я не настолько могущественен, чтобы вызвать воздушный вихрь. А вот воздушный шар соорудить сумею.

— Как же его соорудить?

— Воздушный шар, — принялся объяснять Оз, — делают из шёлка, а сверху обмазывают клеем, чтоб не выходил газ. Шёлка и клея у меня во дворце достаточно, хоть на десять шаров хватит. Но, к сожалению, во всей этой стране не найдётся нисколько газа, которым наполняют шар, чтобы он поднялся кверху и поплыл по ветру.

— Если шар не поднимется, проку от него мало, — заметила Дороти.

— Верно, — ответил Оз. — Однако есть ещё один способ заставить его подняться. Нужно наполнить его горячим воздухом. Конечно, горячий воздух хуже газа, ведь если он по дороге остынет, шар опустится прямо в пустыне, и мы с тобой пропадём.

— Мы?! — воскликнула Дороти. — Значит, вы летите со мной?

— Разумеется, — улыбнулся Оз. — Уж очень мне надоело быть обманщиком. А стоит мне выйти из дворца, подданные обнаружат, что никакой я не чародей. И не простят обмана. Вот и сию я целыми днями взаперти, а это,

Встреча с воинственными деревьями

Следующим утром Дороти поцеловала на прощание красивую зелёную служанку, и четвёрка отважных друзей покинула дворец. Солдат с зелёными бакенбардами проводил их до городских ворот. Здесь они пожали ему руку и в который уж раз вступили в сводчатые владения стражника. Тот несказанно удивился, что они вновь расстаются с Изумрудным городом, устремляясь навстречу опасностям, однако с готовностью отомкнул их очки, снял и спрятал обратно в зелёный ларь, а потом сказал множество добрых напутствий. Напоследок он обратился к Болваше:

— Теперь вы наш правитель, поэтому должны вернуться к нам как можно скорее.

— Разумеется, — важно отозвался Болваша. — Лишь только я отправлю Дороти домой, сразу вернусь к моим подданным.

Отвесив прощальный поклон стражнику, Дороти промолвила:

— В вашем замечательном городе все были со мною ласковы, все меня привечали. Не знаю, как вас благодарить!..

— Не стоит благодарности, милая девочка, — отвечал достойный стражник. — Мы бы очень хотели, чтоб ты осталась с нами навсегда, но твоё заветное желание — вернуться в Канзас. Значит, так тому и быть! Удачи тебе, Дороти!

Он отворил ворота...

В наилучшем расположении духа, под ярко светившим солнышком друзья начали своё путешествие на юг. Они смеялись и весело переговаривались. Сердце Дороти вновь наполнилось надеждой, Болваша и Дровосек радовались, что сопровождают девочку и, может быть, сумеют сослужить ей службу. Лев жадно втягивал свежий воздух и размахивал хвостом — счастливый, что снова на приволье. Тот с радостным лаем носился вокруг, гонялся за мотыльками и бабочками.

— Городская жизнь не по мне, — сказал Лев друзьям, — вон как я отощал. Но отваги у меня много, и мне не терпится показать зверям, какой я храбрый.

Проворно шагая, путешественники довольно далеко отошли от Изумрудного города; и вот они в последний раз обернулись, чтобы с ним проститься.

Как только толстая ветвь наклонилась к Дровосеку, он нанёс столь яростный удар топором, что перерубил её начисто. Дерево затрясло всеми своими ветвями, точно от боли, а Дровосек прошагал под ним как ни в чем не бывало.

— За мной, быстрее! — прокричал он друзьям.

Те побежали и благополучно проскочили под деревом. Все, кроме Тото. Его цепко схватила и принялась мотать тоненькая ветка. Тото жалобно заскулил. Дровосек тут же бросился на выручку: отсек злую ветку топором и освободил пёсика...

Другие деревья в лесу никакой враждебности не проявляли, и путешественники подумали: наверное, только крайние деревья наделены удивительной способностью хватать непрошенных гостей — они тут вроде сторожей или полицейских.

Без труда четвёрка отважных друзей добралась до противоположного края леса. Но что это белеет впереди?

Нет, это не просвет, это скорее напоминает стену. Подойдя ближе, друзья убедились — перед ними действительно стена! Намного выше их роста, белая, гладкая! Из чего же она? Похоже на фарфор, но разве бывают стены из фарфора?..

— Что будем делать? — спросила Дороти.

— Нужно преодолеть преграду, — сказал Жестяной Дровосек. — Значит, я смастерю лестницу.

Фарфоровая долина и её обитатели

Дровосек принялся мастерить лестницу, а Дороти, утомлённая долгой ходьбой, легла на траву и уснула. Лев тоже прилёг и зажмурился, Тото прикорнул у него под боком...

Бессонный Болваша долго смотрел, как работает Дровосек, потом сказал:

— Ума не приложу, зачем здесь эта стена и из чего она сделана?

— Не стоит прикладывать ум, когда можно приложить лестницу, — отозвался Дровосек. — Потерпи немного, и мы узнаем, что на той стороне.

Спустя пару часов лестница была готова — на вид неказистая, но зато — Дровосек был в этом совершенно уверен — очень прочная и вполне годная для своей цели. Болваша разбудил спавших товарищей. Лестницу приставили к стене, и соломенный человек первым стал по ней карабкаться. Был он, однако, так неуклюж, что свалился бы непременно, когда б не Дороти — она лезла следом и его поддерживала.

Едва глянув поверх стены, Болваша воскликнул:

— Вот это да!

— Не надо за мной гнаться! Нельзя за мной гнаться!

Дороти остановилась и спросила:

— Почему нельзя?

— Потому, — ответила принцесса, также останавливаясь в безопасном удалении. — Если я побегу быстро, могу упасть и разбиться.

— Но разве вас потом не склеят? — спросила Дороти.

— Конечно, склеят. Только ведь после мастерской фарфоровая девушка уже не такая хорошенькая...

— Да, наверное, вы правы, — согласилась Дороти.

Юная дама продолжала:

— Вот, скажем, один из наших шутов — мы зовём его господин Потешник — всё время норовит встать на голову. И в результате падает столь часто, что склеен, уж верно, в ста местах. От этого он стал нехорош собою. Судите сами!

И она указала рукой на направлявшегося к ним занятого шута в пёстром балахоне. Когда он подошёл близко, Дороти увидела, что, несмотря на свой весёлый, красно-жёлто-зелёный наряд, господин Потешник являет собой грустное зрелище. Весь, с головы до пят, он в трещинах. Сколько же раз надо было упасть, сколько претерпеть склеек!..

Шут сунул руки в карманы, надул щёки, потом шумно выпустил воздух и с забавным нахальством произнёс, обращаясь к Дороти:

*Мадам, объясните,
Зачем вы смотрите
На смеха царя и слугу?
Вы остолбенели?
Иль, может быть, съели
За завтраком вы кочергу?*

— Попрошу вас успокоиться! — сказала ему принцесса. — Разве вы не понимаете, что это чужеземцы и к ним нужно относиться с подобающим уважением?

— Моё уважение в этом положении, — ответил шут и немедленно встал на макушку.

— Не обижайтесь на господина Потешника, — обратилась принцесса к Дороти. — У иных разбито сердце, а у него голова. Притом, видите, в скольких местах?..

— Я ни чуточки не обиделась, — заверила Дороти и прибавила: — Вы очень красивы, милая принцесса. Вы мне не позволите взять вас с собой в Канзас? Я бы положила вас сейчас в корзинку, а потом, как приедем, поставила бы на полочку возле печки. Я бы вас очень, очень любила!

— О, я была бы у вас несчастлива, — отозвалась фарфоровая принцесса. — Здесь, в родной долине, мы живем просто замечательно, можем двигаться и говорить. Но стоит нас отсюда забрать, как наши суставы твердеют, а уста немеют. Когда стоишь на каминной полке, шкафчике или письменном столе, ты просто красивая неживая

безделушка. Поэтому в нашем собственном краю нам куда приятнее.

— Ни за что на свете я не хотела бы вас огорчить! — воскликнула Дороти. — Мы, пожалуй, пойдём. До свидания!

И четверо друзей проследовали дальше по фарфоровой стране. Фарфоровые человечки и разная домашняя живность, увидев великанов-чужеземцев, испуганно разбежались, боясь угодить им под ноги. Примерно час спустя путешественники достигли другого предела страны: здесь тоже была стена из фарфора, однако не такая высокая, как первая. Лев встал под стеной, все один за другим карабкались к нему на спину, а оттуда успешно перелезали наверх. Наконец настал черед самому Льву вскочить на стену. Поджав лапы, он собрался в комок, мощно оттолкнулся — и вот он уже на стене рядом с друзьями. Однако, взлетая, он нечаянно махнул в воздухе хвостом — и разнёс вдребезги фарфоровую церковь с колокольней!

— Ужасное происшествие, — сказала Дороти. — Но, слава Богу, что мы не причинили фарфоровому народу большего вреда. Нога коровы да колокольня — невелик убыток. Здесь всё такое хрупкое...

— Вот-вот, — отозвался Болваша. — И я очень рад, что сам я из соломы — меня не разобьёшь. Раньше я думал: нет на свете хуже участи, чем быть соломенным болваном. Оказывается, мне ещё повезло!

Лев становится царём зверей

Спустившись с фарфоровой стены, Дороти и её друзья продолжили путешествие. Поначалу пришлось идти через топкую, болотистую местность, сплошь поросшую густой высокой травой. Трава скрывала ямки, полные болотной жижи, и путники то и дело проваливались. Тем не менее, они медленно, но верно продвигались вперед и вскоре благополучно выбрались на твёрдую землю. Но на лёгкий путь рассчитывать не приходилось: перед ними стоял густой кустарник. Сквозь него пришлось продираться довольно долго: наконец кустарник поредел, и они очутились в лесу. Деревья здесь были необычайно высоки и могучи.

Лев осмотрелся и восторженно воскликнул:

— Какой замечательный лес! Сроду не видал подобной красоты!

— А по-моему, этот лес немного мрачноват, — заметил Болваша.

— Вовсе нет, — возразил Лев. — Я всегда мечтал жить именно в таком. Мягкий ковер из опавших листьев... зелёный бархатный мох... вековые стволы...

Столь странного существа путешественникам ещё не доводилось видеть. Коротенький, толстенький, с большой головой; эта голова имела плоскую макушку и покоилась на толстой шее с бесчисленными складками; рук не было вовсе.

Болваша, рассудив, что столь безобидное на вид создание вряд ли сможет им помешать, сказал:

— Прощу прощения, что делаем не по-вашему, но мы переберёмся через гору, нравится вам это или нет.

И он отважно шагнул вперед. В тот же миг шея человечка стремительно вытянулась, и голова плоской своей макушкой ударила Болвашу в грудь. Правитель Изумрудного города кувырком покатился вниз по склону.

А странное молотоголовое существо хрипло засмеялось:

— Ну что, съел?

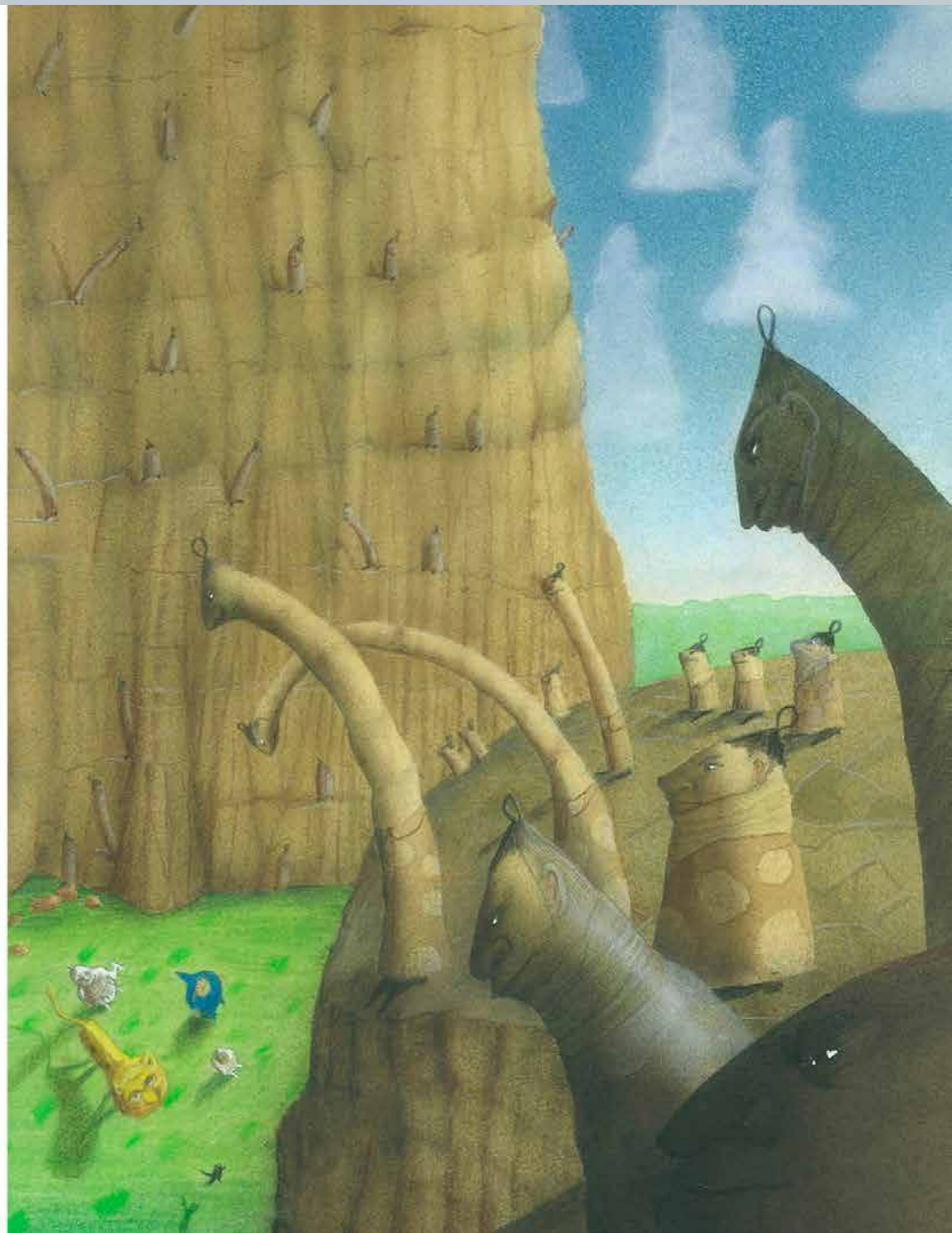
При этих словах весь склон взорвался хохотом. А у Дороти так и зарябило в глазах — из-за каждого камня теперь торчала голова на длинной шее, — оказывается, на горе живут сотни головобойцев!

Видя, как потешаются они над падением Болваши, Лев рассвирепел. Он издал свой самый грозный рык и ринулся вверх по склону. Но, увы, одна из голов выстрелила по нему, словно пушечное ядро, и огромный Лев кубарем полетел вниз.

Дороти тем временем подбежала к Болваше и помогла ему подняться на ноги. Спустя несколько мгновений к ним подошёл, прихрамывая на все четыре лапы, Лев.

— Сражаться бесполезно. У них не головы, а настоящие ядра, — сказал он уныло. — Этих головобойцев не одолеть.

— Что же делать? — спросила Дороти.

— Призови крылатых обезьян, — посоветовал Жестяной Дровосек. — У тебя есть в запасе ещё одно повеление.

— Хорошо, — ответила Дороти и, надев золотую шапку, произнесла волшебные слова.

Как всегда, обезьяны не заставили себя долго ждать: несколько мгновений — и летучее племя стояло перед Дороти.

— Чего желает хозяйка золотой шапки? — спросил король, низко кланяясь.

— Перенесите нас через эту гору, в страну кругликов, — сказала Дороти.

— Будет исполнено, — сказал король.

Крылатые обезьяны подхватили путешественников и взмыли ввысь. Когда пролетали над горой, её злобные обитатели завопили от досады и разочарования. Их головы поочередно выстреливали в воздух, но не могли добить до крылатых обезьян — те пронеслись над горой и благополучно доставили Дороти и её товарищей в прекрасную страну кругликов.

— Это было твоё третье и последнее повеление, — сказал Дороти предводитель обезьян. — Прощай, и удачи тебе!

— Прощайте, благодарю вас за всё, — ответила Дороти.

И обезьяны в мгновение ока скрылись...

Страна кругликов казалась обильной и счастливой. Куда ни кинь взгляд — тучные нивы. Дороги между нив мощёные, исправные. Крепкие ладные мостики перекинуты через ручейки, что весело бегут среди дола. Мостики, а также домики и изгороди покрашены в сочно-красный цвет, который, вероятно, в этой стране был главным, как в стране моргачей жёлтый, а в стране жевачей — голубой. Сами круглики — толстые, полнощёкие добродушные человечки — облачены были в красные шапочки и красные кафтаны, ярко выделявшиеся на фоне зелёной травы и золотых хлебов.

Обезьяны опустили путешественников на землю возле фермерского домика, к нему-то друзья и направились. Поднялись на крылечко, постучали в дверь. Открыла жена фермера. Дороти попросила у неё что-нибудь поесть, и та предложила целый сытный обед, причём на сладкое были три разных вида пирожных и четыре вида печенья. Тот получил миску молока.

— Далеко ли отсюда до замка Глинды? — спросила Дороти у доброй женщины.

— Рукой подать. Ступайте по дороге на юг, и вы скоро к нему придёте.

Поблагодарив хозяйку, друзья быстро зашагали вперёд; пересекли одно поле, другое, перешли по резным мостикам несколько ручейков и, наконец, увидели впереди необычайно красивый замок. Перед воротами стояли на страже три юные девушки в нарядных красных мундирах с золотыми галунами. Когда путешественники приблизились, одна из них спросила:

— Отвечайте, зачем пожаловали в южную страну?

— Нам нужно повидать добрую волшебницу, что живёт в этом замке, — сказала Дороти. — Не могли бы вы провести нас к ней?

— Назовите ваши имена, и я спрошу у Глинды, желает ли она вас принять.

Дороти сказала, как её зовут, и представила своих друзей. Юная стражница скрылась за воротами. Вскоре она вернулась и объявила, что Глинда ждёт Дороти и её спутников.

Глинда исполняет желание Дороти

Прежде чем предстать перед Глиндой, путешественники привели себя в порядок в особой комнате: Дороти умылась и аккуратно причесала волосы. Лев стряхнул с мохнатой гривы дорожную пыль. Болваша тщательно взбил наполнявшую его туловище солому — “Придал себе наилучшую форму”, — как объяснил он сам. Жестяной Дровосек до блеска начистился и смазал суставы маслом.

Затем стражница проводила их в залу, где на усыпанном рубинами троне восседала прекрасная, молодая женщина с медно-рыжими, ниспадавшими на плечи локонами и добрыми глазами, синеву которых подчеркивало белоснежное платье. Друзья сразу поняли, что это и есть Глинда.

— Чем я могу помочь тебе, дитя мое? — молвила волшебница, обращаясь к Дороти.

И девочка поведала Глинде обо всём, что с ней произошло: как вихрь перенёс её в страну Оз, как она повстречала своих

Добрая Глинда сошла со своего великолепного трона, наклонилась к Дороти и ласковым поцелуем коснулась её лба.

— Спасибо! Спасибо вам за добро! — проговорила Дороти. Она взяла на руки Тото, крепко прижала его к себе. — Прощайте, прощайте все!

Трижды щёлкнула каблучками друг о дружку и сказала:

— Несите меня домой, к тётушке Эмилии!

Дороти мигом очутилась в воздухе; она мчалась с огромной скоростью, ничего не видела и не слышала, лишь ветер свистел в ушах. Только начала считать шаги, полёт окончился — так внезапно, что девочка, не удержавшись на ногах, покатила по траве. Перевернувшись несколько раз через голову, она села, посмотрела по сторонам.

— Господи! Да ведь я дома!

И действительно, она была посреди великой Канзасской степи; прямо перед нею — бревенчатый дом, который дядя Генри, должно быть, построил после того, как вихрь унёс старый. Вон он, дядя Генри, доит коров на дворе у амбара... Тото вырвался у неё из рук и, радостно лая, понёсся к амбару.

Дороти встала на ноги и обнаружила, что она босиком, вернее, в одних чулках — серебряные туфельки соскочили в полёте и навсегда пропали в пустыне.

Снова дома

Тётя Эмилия вышла из дома полить капусту. Подняв глаза от грядок, она увидела, что к ней бежит Дороти!
— Милое моё дитя! — воскликнула она, заключая девочку в объятия и покрывая её лицо поцелуями. — Где ты была так долго?!
— Я была в другой стране, — отвечала Дороти изумлённой тёте. — В стране Оз! И Тото был там со мной. А теперь я дома, и я так счастлива!

Чудесная страна Оз

Лаймен Фрэнк Баум
Чудесная
страна Оз

РОССИЙСКИЙ
ЖУРНАЛ

Художник Юля ГУКОВА

Lyman Frank Baum

*The Marvelous
Land of Oz*

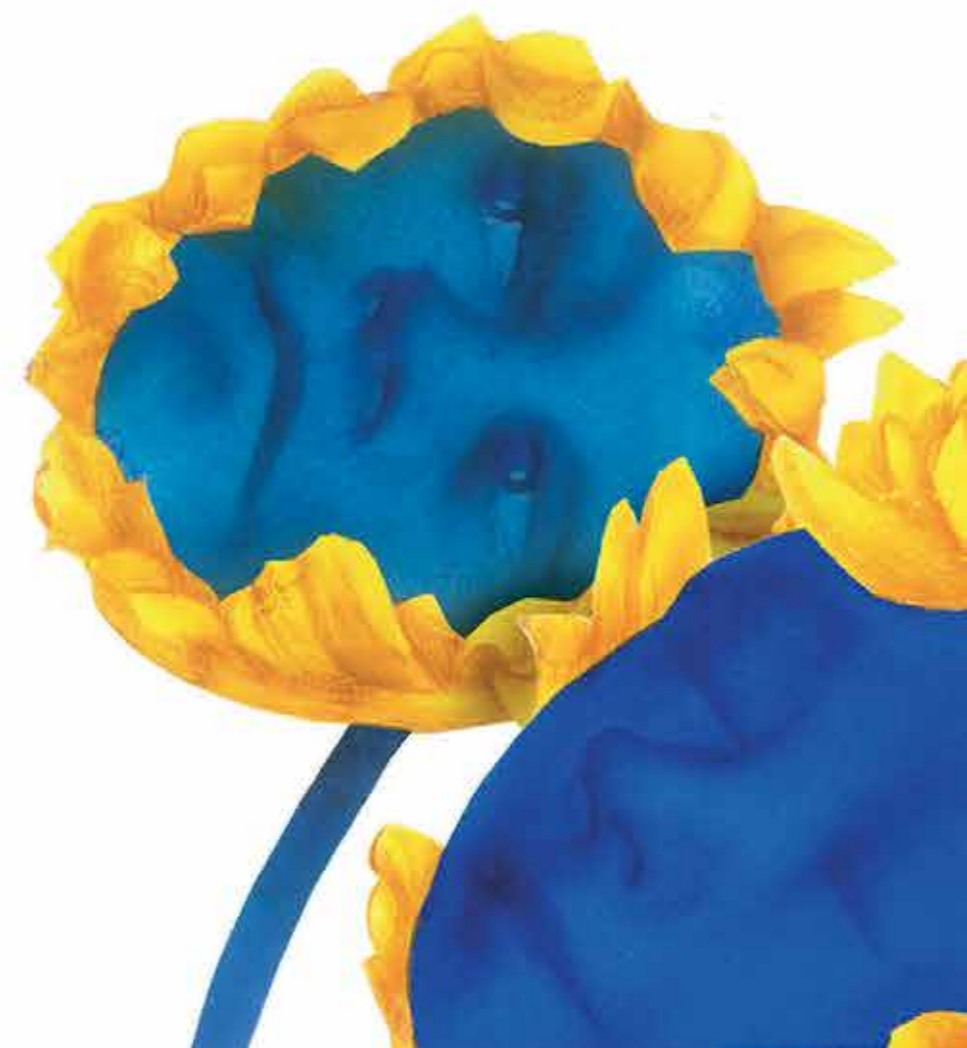

Лаймен Фрэнк Баум

*Чудесная
страна Оз*

Перевод с английского
Ольги Варшавер и Елены Рубиновой

Иллюстрации
Юли Гуковой

Тип мастерит из тыквы Тыковку

На севере страны Оз, в краю листвиков, жил мальчик по имени Тип. Точнее, Типом звался он для краткости, а полностью, если верить старухе Момби, величать его следовало Типпетариусом. Но кто же станет выговаривать такое длинное имя, если скажешь “Тип” — и всё ясно?

Мальчуган совсем не помнил родителей: ещё младенцем попал он на воспитание к старухе Момби. Среди листвиков о ней шла дурная молва. Соседи её сторонились и, честно сказать, не зря, поскольку Момби — и без того противная сварливая старуха — умела колдовать. И ворожба у неё была нехорошая, гнусная. По счастью, в полную силу Момби никогда не колдовала, потому что владычица тех мест, добрая Северная волшебница, стремясь защитить листвиков от злых чар, запретила в своих владениях всякое колдовство. И Момби смирилась. “На худой конец, стану простой ведьмой”, — решила она.

Типу приходилось работать на опекуницу: он рыхлил и полол грядки, чистил кукурузные початки, носил дрова для очага. А ещё кормил поросят и доил четырёхрогую корову, любимицу и гордость старухи Момби.

на него голову-тыкву и вставил в туловище. Голова крепко держалась на плечах и в то же время легко вертелась туда-сюда — Тип так и задумал. Руки и ноги сгибались в суставах, так что пугало могло принять любую позу.

— Ты и вправду удался, — гордо произнёс Тип. — Старуха, как пить дать, заверещит со страху. Только одеть тебя надо, и будешь совсем как живой.

Подыскать одежду оказалось нелегко; Тип нахально обшарил сундук, где Момби хранила памятные вещицы и прочие богатства, и наконец откопал на самом дне фиолетовые штаны, красную рубашку и розовый жакет в белый горошек. Что-то оказалось велико, что-то мало, зато всё вместе вышло презабавно. Напоследок Тип натянул на ноги своему детищу вязаные чулки старухи Момби, надел ему свои сношенные башмаки и, хохоча от счастья, пустился в пляс.

— Эй! — спохватился он вдруг. — А зовут-то тебя как? Такой славный парень — и без имени...

Он на минутку призадумался.

— Назову-ка я тебя... Джек-Тыковка!

Чудотворный порошок

Хорошенько поразмыслив, Тип выбрал для Джека отличное место: поворот дороги неподалёку от дома. Тыквоголовый человек, однако, оказался тяжёл и чересчур велик, тащить его было трудно, волочить тоже. Наконец Тип приноровился: поставив Джека на ноги, он согнул в коленке одну деревянную ногу, потом другую и, подталкивая долговязого парня в спину, шагком за шагком довёл до поворота. Конечно, Тип изрядно попотел, но ради шалостей и проказ он был готов на всё. Да и приятно убедиться, что ты мастер хоть куда.

— Умница, Джек, молодец, славно у тебя получается! — приговаривал Тип, пыхтя от непривычного усердия. Достигнув цели, Тип увидел, что левая рука по дороге отвалилась от туловища. Он отыскал потерю и основательно отремонтировал Джека: выточил для плеча новый штырёк, потолще, и рука к нему прикрепилась надёжнее. Шея тоже требовала починки: голова крутилась на ней чересчур легко и улыбалась теперь пустоте за Джековой спиной. Повернуть и укрепить голову на шее — дело несложное. Вскоре, прочно стоя на ногах, Джек смотрел вперёд, на поворот дороги, и поджидал старуху Момби.

Издали он походил на простого фермера, зато если посмотреть на него поближе да повнимательнее — всякий вздрогнет.

Возвращаться старухе было ещё рано, и Тип отправился по орехи в лощину, что тянулась за домом.

Момби, однако, вернулась раньше обычного. А всё потому, что ей посчастливилось встретить кривого колдуна, жившего отшельником в горной пещере. Ведьма поделилась с ним важными секретами, а взамен получила три заклинания, четыре разных волшебных порошка и много чудодейственных снадобий и трав. Расставшись с ним, Момби спешно похромала домой — испробовать новое колдовство.

Лихо завернув на повороте, она лишь мимоходом глянула на деревянного человека, сказала “добрый вечер” и направилась дальше.

Однако фермер не ответил, более того — даже не шевельнулся! Момби не поленилась вернуться. У фермера оказалась тыквенная голова! Старуха вмиг смекнула, чьи это проделки.

— Ага, опять этот мальчишка надо мной потешается! — проквакала Момби. — Ну, хорошо! Очень даже хорошо! Прочту, чтоб неповадно было меня пугать.

В сердцах она замахнулась на наглую оранжевую улыбку, как вдруг остановилась. Поднятая клюка замерла в воздухе.

— Испытаю-ка я на чучеле новый порошок! — воскликнула Момби. — Сразу станет ясно, по-честному менялся колдун или он надувала почище меня.

Поставив корзинку на землю, она принялась рыться в ней в поисках ценного порошка.

Тем временем Тип с полными карманами орехов возвращался домой. И вдруг увидел старую ведьму. Как ни в чём не бывало — ни капельки

и дымной кухни, где метались по стенам зловещие свечные тени. Так прошёл час. Молчание прерывалось только бульканьем варева да шипением дров в очаге. В конце концов Тип опять не выдержал:

— Мне придётся пить эту гадость?

— А то как же! — раздалось в ответ.

— И... и что со мной будет?

— Если всё пойдёт как задумано, — сказала Момби, — превратишься в мраморную статую.

У Типа вырвался жалобный стон.

— Не хочу быть статуей!

— Тебя не спрашивают, — грозно нахмурилась старуха.

— А вам-то какой от этого прок? — не унимался Тип. — На вас работать будет некому.

— Не беспокойся. Джек твой, тыквенная голова, поработает.

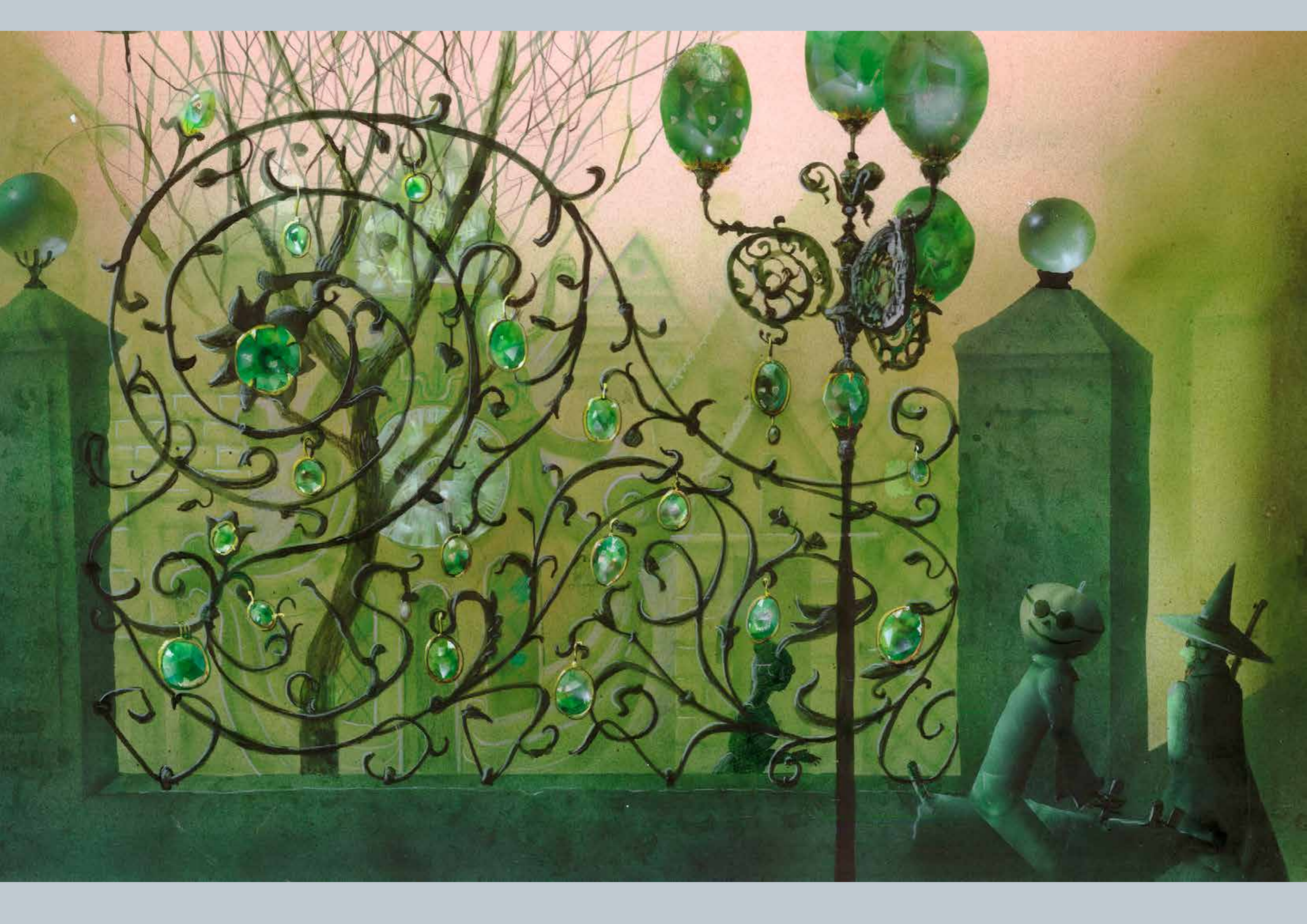
Тип снова застонал.

— Может, хоть в ягнёнка превратите или в цыплёнка? — с тревогой спросил он. — Какой вам прок от статуи?

— Ничего, будет прок, — заверила Момби. — Весной разобью цветник, а тебя, мраморного, поставлю в самую серединку — для украшения. И как это я раньше не додумалась? За столько лет ты мне ох как надоел. До смерти!

Момби говорила ужасные слова. Типа прошиб холодный пот, но — не в силах убежать — он сидел и дрожал, с ужасом глядя на чайник.

— Ваше Величество, это я во всём виноват, — сказал обескураженный Джек. — Я думал, что мы непременно говорим на разных языках, раз родились в разных странах.

— Нечего думать, если нечем думать, — безжалостно заявил Болваша. — Раз нет ума, из чучел в мудрецы не пробьёшься.

— Вы правы, останусь чучелом, — согласился Тыковка.

— Слишком ты сговорчивый, с тобой и не поспоришь всласть, — продолжал Болваша, смягчившись. — Лучше бы твой создатель сделал вместо тебя пару хороших пирогов с тыквой.

— Поверьте, Ваше Величество, я и не просил меня создавать.

— Какое совпадение! Я тоже за себя не просил, — обрадовался Болваша. — У нас так много общего, а от других мы отличаемся так разительно! Сама судьба велит нам стать друзьями.

— С превеликой радостью! Моё сердце распахнуто вам навстречу! — отозвался Джек.

— Как, у тебя есть сердце? — изумился Болваша.

— Нет, это я так, для красоты сказал, — ответил Джек.

— Главная красота в тебе — тыква, а красивыми словами нечего жонглировать, ничего путного всё равно не выскажешь, мозгов-то нету.

— Вы безусловно правы, — поддержал правителя Джек, хотя не понял столько умных слов подряд.

Тут Его Величество отпустил Желию Джем и Солдата с зелёными бакенбардами и, взяв нового друга под деревянный локоток, повёл играть в свою любимую игру — кольцеброс.

Мятежная армия генерала Коврижки

Типу не терпелось догнать Джека и Козлика, и почти полпути до Изумрудного города он одолел без передышки. Лишь вконец проголодавшись, остановился и стал шарить по карманам в поисках хлеба и сыра. Но не нашёл ни крошки.

Выдержит ли он остаток пути без еды? Опечаленный, Тип брёл по обочине, не поднимая глаз, и чуть не наскочил на девочку в необыкновенно ярком наряде: изумрудно-зелёной шёлковой жилетке и четырёхцветной юбке. Спереди юбка была голубая, с одного боку — жёлтая, с другого — фиолетовая, а сзади — красная. Жилетка застёгивалась на четыре пуговицы: верхнюю голубую, потом жёлтую, следом красную и, наконец, нижнюю — фиолетовую.

В глазах у Типа запестрело, и он поначалу не разглядел хозяйку этого аляповатого наряда. А разглядев, тоже удивился: личико было миловидное, но ужасно дерзкое и недовольное.

Под пристальным взглядом Типа девочка ничуть не смутилась. Возле неё стояла корзинка с завтраком, в одной руке незнакомка держала аппетитный бутерброд, а в другой — очищенное крутое яйцо и уплетала всё это за обе щеки.

— На мятежников вы совсем не похожи, — сказал он.

— Ещё бы! Мы не мятежники, а мятежницы! — громко провозгласила генерал Коврижка и топнула ножкой. — Мы завоюем Изумрудный город во что бы то ни стало!

Стражник даже ахнул от изумления.

— Что за нелепая идея! Отправляйтесь, милые, по домам, к матушкам, доите коров, пеките хлеб. Штурмовать города — дело опасное.

— Мы ничего не боимся!

От такого напора Стражнику стало не по себе. Он решил вызвать на подмогу Солдата с зелёными бакенбардами и позвонил в колокольчик. Но это был опрометчивый поступок. В ту же минуту девочки окружили его плотным кольцом и, вытащив из причёсок спицы, принялись тыкать ими в Стражника — вот-вот угодят в толстые щеки и беспомощно мигающие глаза.

Бедняга тут же запросил пощады. Он даже не сопротивлялся, когда генерал Коврижка сняла у него с шеи связку ключей.

Генерал впереди, а за ней и всё войско устремились к воротам. Однако там их ждала Королевская армия, а точнее — единственный её Солдат собственной персоной.

— Стоять! — Солдат с зелёными бакенбардами наставил на генерала длинное ружьё.

Некоторые девочки завизжали и ринулись обратно, но генерал Коврижка с укоризной сказала Солдату:

— Ну что? Застрелишь бедную беззащитную девушку?

— Нет, — ответил солдат, — ружьё-то у меня не заряжено.

— Не заряжено?!

— Я его никогда не заряжаю — вдруг нечаянно выстрелит. Даже забыл, куда спрятал порох и шомпол. Но если вы подождёте, я попытаюсь их найти.

— Не стоит беспокоиться! — И ликующая Коврижка, повернувшись к мятежницам, крикнула: — Девочки, ружьё не заряжено!!!

— Ур-р-ра! — прокатилось по девичьим рядам, и толпа осмелевших воительниц напала на Солдата с зелёными бакенбардами. Началась такая сутолока, что девочки чуть не перекололи спицами друг дружку.

Королевская армия страны Оз в панике оставила поле битвы. Солдат слишком боялся женщин и сражаться с ними не мог. Развернувшись, он побежал что было мочи к королевскому дворцу, а следом в беззащитный город хлынуло войско генерала Коврижки.

Так пала столица страны Оз. Мятежная армия превратилась в армию победительницу!

подцепил её шестом и вытянул из воды. Взбежав на откос, Тип бережно промокнул платком тыквенную физиономию и бросился обратно к Джеку. Вскоре голова оказалась на месте.

— Ну и ну! — воскликнул Джек, обретя дар речи. — Препротивная история! Интересно, тыквы портятся от воды?

Но Типу отвечать было недосуг — Болваша тоже ждал его помощи. Мальчик осторожно вытряхнул из короля солому и разложил на солнце для просушки; мокрую одежду он развесил на Козлике.

— Если портятся, — удручённо вздохнув, продолжил Джек, — то дни мои сочтены.

— Я лично никогда не замечал, чтобы тыквы от воды портились, — сказал Тип. — Разве что от кипятка. В общем, если твоя нигде не треснула, значит, ты, дружище, в добром здравии.

— Моя тыква целёхонька! — Джек воспрянул духом.

— Вот и не волнуйся попусту, — добавил мальчик. — Тревоги душу сушат. Пословица такая есть.

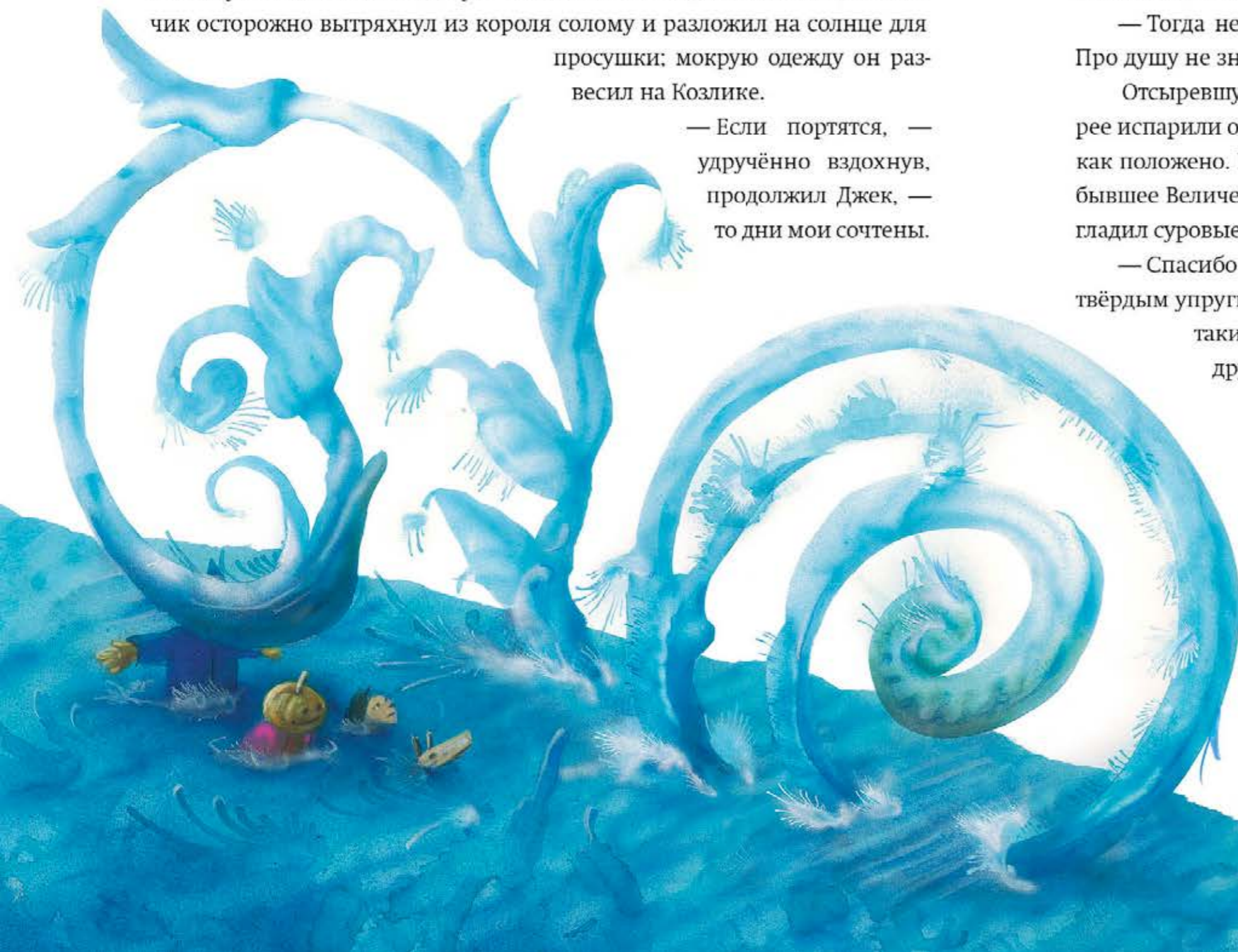
— Тогда не буду волноваться, — совершенно серьёзно ответил Джек. — Про душу не знаю, а вот моя тыква, чего доброго, высохнет.

Отсыревшую солому Тип то и дело ворошил, чтобы солнечные лучи поскорее испарили остатки влаги. Наконец солома стала лёгкой-лёгкой и зашуршала как положено. Болвашина одежда уже давно высохла, и Тип заново набил Его бывшее Величество, равномерно распределив солому по всему телу, потом разгладил суровые морщины на лице, и оно обрело обычную весёлость и обаяние.

— Спасибо тебе, Тип, — бодро сказал Болваша, прогуливаясь взад-вперёд твёрдым упругим шагом. Просушка явно пошла ему на пользу. — Хорошо всё-таки быть соломенным болваном, — заметил он. — Если рядом друзья, готовые тебя подлатать, любая беда нипочём.

— А я вот всё думаю: трескаются тыквы на жарком солнце или нет? — в голосе у Джека снова зазвучали тревожные нотки.

— Да нет же, — весело отвечал Болваша. — Тебе, приятель, страшна только старость. Сейчас ты в самом расцвете, живи не тужи. А когда твои золотые деньки закончатся и нам придёт пора расставаться, мы тебя непременно предупредим. Пойдёмте же дальше, мне хочется поскорее увидеть моего дорогого друга, Жестяного Дровосека.

— Подожди, не размахивай топором! — закричал Тип, схватив Дровосека за руку. — Это не подсолнухи, это живые девочки!

В тот же миг цветки снова закружились. Лица стали нечёткими, а потом и вовсе исчезли в бешеной круговерти.

Жестяной Дровосек выронил топор и без сил опустился на землю.

— У человека с сердцем не поднимется рука на столь прелестные создания, — произнёс он обречённо. — Но, скажите на милость, как нам двигаться дальше?

— Эти цветы похожи на девочек из мятежной армии, — задумчиво проговорил Болваша. — Только как же они нас так быстро догнали?

— Это наверняка колдовство, — уверенно сказал Тип. — Нам кто-то морочит голову. Так частенько забавлялась старуха Момби: наварит зелий, набормочет заклинаний — и люди видят то, чего на самом деле нет. Может, и подсолнухи эти нам привиделись.

— Тогда давайте зажмуримся и попробуем пойти вперёд, — предложил Дровосек.

— Не забывай, что все мы устроены по-разному, — откликнулся Болваша. — Мои глаза нарисованы без век и закрываться не умеют.

— У Козлика тоже нет век, — сказал Джек, рассмотрев морду деревянного дружка попристальнойней.

— Всё равно, скачите вперёд, — настаивал Тип, — надо уносить ноги, пока мы совсем не ослепли.

С этими словами Тип крепко ухватил Козлика за обломок хвоста и зажмурился, а Джек пустил скакуна в галоп — прямо на глухую стену подсолнухов. Болваша и Жестяной Дровосек поспешили следом. Вскоре до них донёсся радостный возглас Джека: путь свободен, впереди — простор.

Жук стоял рядом с Дровосеком, и путники могли убедиться, что удивительный Жук ничуть не ниже жестяного великана. Без сомнения, ни одно насекомое в стране Оз не достигало прежде таких размеров.

— Признаюсь, — сказал Болваша, — меня ваша наружность поразила, а моих спутников даже напугала. Уж не обессудьте. Со временем мы к вам привыкнем.

— Умоляю, не извиняйтесь! Удивлять людей для меня — сущее удовольствие, — пылко уверил его Жук. — Разумеется, меня не поставишь на одну доску с обычными насекомыми. Я заслуживаю не только любопытных взглядов, но и самого искреннего восхищения.

— Безусловно, — согласился Его Величество.

— Если вы позволите мне присоединиться к столь избранному обществу, — продолжал Жук, — я охотно расскажу вам свою историю, и вы поймёте, как мне удалось обрести такую необычайную и, с вашего позволения, выдающуюся внешность.

— Мы готовы вас выслушать, — коротко ответил Жестяной Дровосек.

Жук уселся на траву, лицом к слушателям, и поведал им свою историю.

История Многократно Увеличенного

— С праведности ради я должен начать с признания: родился я обыкновенным жуком, маленьким и юрким, — задумчиво начал рассказчик. — Не ведая жизни иной, я ползал, перебирая конечностями, находил себе укрытие под камнями или меж густых трав, и не было у меня других забот, кроме как о хлебе насущном, а хлеб мой составляли насекомые поменьше меня самого. Ночами я замирал, коченея от холода, потому что одежды у меня тогда не было. По утрам тёплые лучи солнца возвращали меня к ежедневным заботам. Я влачил жалкое существование, но, поверьте, так живут все жуки и другие мелкие твари, населяющие Землю. Однако мне, скромнейшему из скромных, была уготована иная судьба! Однажды я оказался возле сельской школы. Неумолчный гул ученических голосов, доносившийся изнутри, распалил моё любопытство, и, набравшись храбрости, я пролез в класс. Долго полз по щели меж половиц и упёрся наконец в остывающий, мерцающий углями камин, перед которым сидел за столом сам учитель. Крошечного жучка никто не заметил. Я же почувствовал, что здесь теплее и уютнее,

чем на солнышке, и решил поселиться в этой школе. Найдя прекрасную трещину в кирпичной кладке камина, я обосновался там на много месяцев. Вам известно, что профессор Всезнайт — самый знаменитый учёный страны Оз. Несколько дней спустя я уже слушал его лекции и беседы с учениками. Никто из них не был так внимателен, как скромный, неприметный жук. Именно на этих уроках мне удалось набраться знаний, которые сам я считаю истинным богатством. На визитной карточке я не преминул написать “Ш. О.” — “Широко Образованный”, ибо больше всего на свете горжусь своими познаниями. В природе не было и не будет столь воспитанного и эрудированного жука.

— Прекрасно вас понимаю, — поддержал его Болваша. — Учёностью гордиться не грех. Я тоже неплохо соображаю. Мои друзья считают, что мозги, которые дал мне Великий Чародей, самые лучшие во всей стране Оз.

— А всё-таки, — вмешался Жестяной Дровосек, — доброе сердце куда лучше, чем учёность или мозги.

Козлик тоже не смолчал.

— По мне, лучше всего — крепкие ноги, — сказал он.

— Скажите, а тыквенные семечки можно считать чем-то вроде мозгов? — вдруг вскинулся Джек-Тыковка.

— Не вступай во взрослые разговоры, — строго приказал Тип.

— Хорошо, папенька, — ответил послушный Джек.

Жук с уважением выслушал все мнения поочередно и возобновил свой рассказ.

— Не меньше трёх лет я прожил в уединении в стенке камина, припав к неиссякаемому, чистейшему кладезю премудрости...

— Поэтично сказано, — отметил Болваша, одобрительно кивая.

— Но вот однажды, — продолжал Жук, — произошло невероятное. Событие это перевернуло всю мою жизнь, и благодаря ему я ныне оказался на пике собственного величия. Я переползал из одного конца камина в другой и случайно попался на глаза профессору. Хотел сбежать, но Всезнайт крепко зажал меня большим и указательным пальцами.

“Дорогие дети, — заговорил профессор, — в руке у меня жук, очень редкий и интересный представитель класса насекомых. Хотите посмотреть, каков он с виду?”

“Хотим!!!” — хором закричали ученики.

“Сейчас я достану моё знаменитое увеличительное стекло, — сказал профессор, — положу на него жука и покажу его на экране увеличенным во много раз. Так вы лучше изучите все особенности его строения, а я тем временем расскажу о его повадках и образе жизни”.

Профессор принёс из шкафа какой-то замысловатый прибор, и не успел я опомниться, как оказался на экране, причём многократно увеличенным, то есть таким, каким вы видите меня сейчас. Ученики повскакали с мест: кто тянул шею, кто привстал на цыпочки, кто залез на стул,

а две девочки-невелички даже забрались на подоконник, забыв, что окно раскрыто настежь.

“Смотрите и слушайте! — провозгласил профессор. — Этот сильно увеличенный жук — одно из самых редких насекомых на свете”.

Я был не только Широко Образован, но и прекрасно воспитан, я знал, как подобает вести себя истинно благородному существу при знакомстве. Я выпрямился и, приложив руку к груди, отвесил всем присутствующим нижайший поклон. Должно быть, моё неожиданное поведение напугало детей: одна из девочек, стоявших на подоконнике, завизжала и вывалилась из окна, увлекая за собой подружку. Профессор охнул и ринулся вниз — проверить, что случилось с бедными девочками. Ученики гурьбой повалили следом, а я остался один в классной комнате — увеличенный во много раз и вольный делать всё что заблагорассудится. Я сразу сообразил, что мне представился счастливый случай в корне изменить свою жизнь. Меня переполняло чувство гордости: я больше не крошечная букашка и могу путешествовать повсюду, никого не опасаясь. К тому же я понимал, что непревзойдённые знания позволят мне достойно общаться с самыми учёными и образованными мужчинами страны — если сведёт судьба. Итак, профессор Всезнайт суетился во дворе возле девочек, которые больше испугались, чем ушиблись; остальные ученики толпились вокруг; я же спокойно вышел из школы, завернул за угол и, незамеченный, скрылся в соседней рощице.

— Замечательно! — воскликнул восхищённый Джек.

— Получилось действительно неплохо, — согласился Жук. — Я благодарен судьбе за то, что явился в мир людей сильно увеличенным; останься я крошечной никчёмной букашкой, столь же никчёмны оказались бы и мои обширные познания.

Вот перед ними выросла неприступная гранитная стена — не обойти, не перелезть. Но серая мышка прошла прямо сквозь стену, а следом и остальные. Стена же развеялась лёгкой дымкой.

Тип немного притомился, и все снова ненадолго остановились. Тут прямо у их ног дорога разделилась на сорок одинаковых тропинок. Пока путники решали, какую выбрать, тропинки замелькали, точно спицы в колесе. Земля раскручивалась то в одну, то в другую сторону, но королева уверенно позвала за собой растерянных друзей, и через несколько шагов мираж исчез, как не бывало.

Самой страшной оказалась последняя хитрость Момби. Она послала на них трескучее огненное покрывало — оно бежало по полю им навстречу, готовое поглотить всё живое. Болваша впервые перепугался по-настоящему. Его трясло крупной дрожью, и во чреве его шуршала солома.

— Я вмиг сгорю в этом пламени! Огонь — мой первый враг! — Соломенный правитель был готов бежать без оглядки.

— Огонь и для меня опасен! — крикнул Козлик, поворачивая вспять. — Я сделан из сухого дерева и вспыхну как щепка.

— А для тыквы огонь опасен? — насторожился Джек.

— Мы оба испечёмся, только начинка в наших ватрушках будет разная, — ответил Жук. Он плюхнулся на брюхо и тоже изготовился бежать, по-жучьи перебирая лапками.

Огня не боялся только Жестяной Дровосек, и он удержал друзей от позорного бегства.

— Посмотрите на мышку! — крикнул он. — Она идёт сквозь пламя! Значит, это очередной обман.

— Трон принадлежит тому, кто смог на него сесть, — ответила генерал Коврижка, покончив с очередной конфетой. — Как видишь, здесь сижу я, значит, я и есть королева, а все, кто против меня, — изменники. Ты толковал про какой-то закон? Вот тебя по нему и накажут.

От такого взгляда на события Болваша растерялся.

— Ник, как же так? — спросил он, обернувшись к Жестяному Дровосеку.

— Насчёт законов я не советчик, — ответил император моргачей. — Законы специально пишутся, чтобы их никто не понимал. Я и не пытаюсь.

— Но что же нам делать? — смятенно спросил Болваша.

— Почему бы вам не жениться на королеве? Вы сможете править вдвоём, — предложил Жук.

Коврижка бросила на него испепеляющий взгляд.

— Может, отослать её обратно к маме? — высказался Джек.

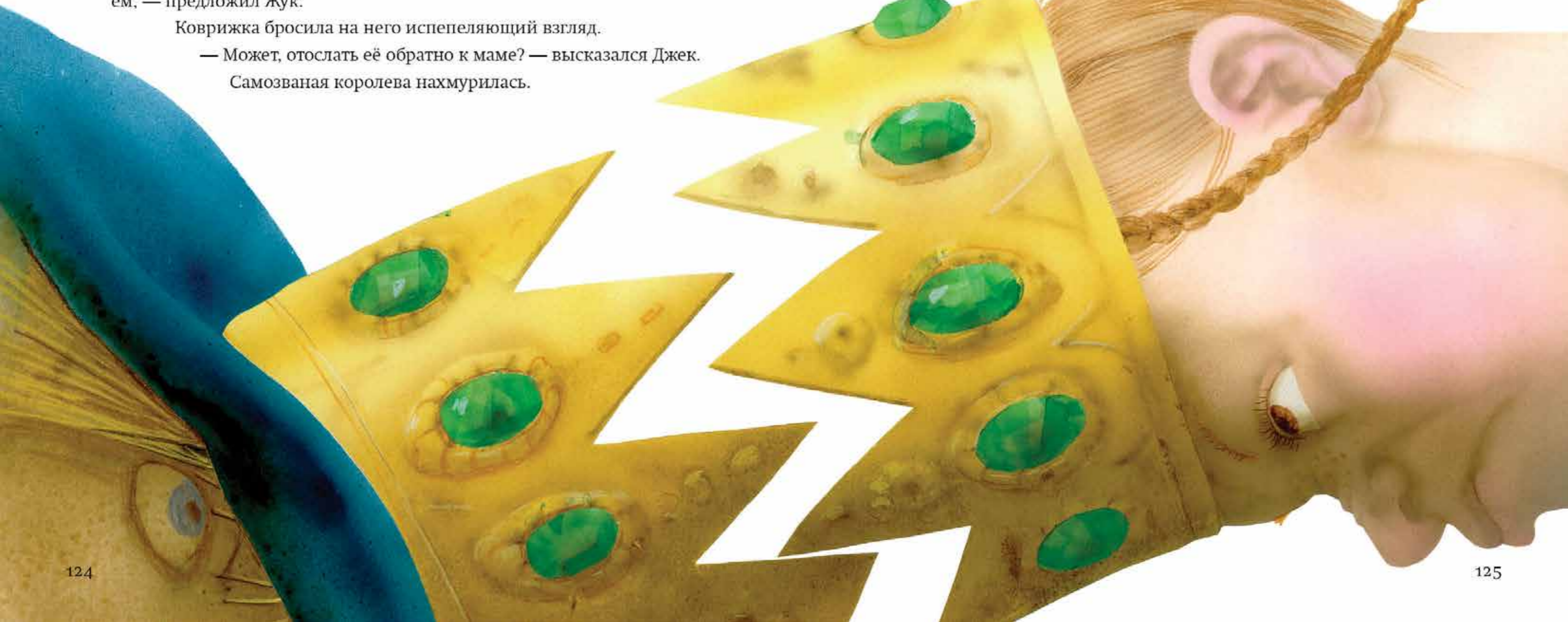
Самозванная королева нахмурилась.

— Заприте-ка её лучше в чулан, там она быстро научится себя вести и станет как шёлковая, — посоветовал Тип.

Королева высокомерно скривила рот.

— А ещё лучше задайте ей хорошую взбучку! — вступил в разговор Козлик.

— Нет, так не годится, — возразил Жестяной Дровосек, — с хрупкой девочкой надо обращаться нежно. Дадим ей драгоценностей, сколько сможет унести, и отпустим домой, счастливую и довольную.

вскочила на сиденье трона и привстала на цыпочки, мечтая оказаться ещё выше. Когда же какая-то отважная мышка влезла на самый трон, Коврижка стремительным прыжком перескочила через голову Болваши и опрометью кинулась прочь из залы. Так и бежала без оглядки до городских ворот.

В считанные секунды тронная зала опустела; Болваша и его друзья остались целы и невредимы. Жук вздохнул с облегчением:

— Какое счастье. Мы спасены!

— Пока что спасены. — уточнил Жестяной Дровосек. — Боюсь, однако, что враг скоро вернётся.

— Давайте закрём все входы во дворец, — предложил Болваша. — Мы выиграем время и надумаем что-нибудь путное.

Джек, привязанный ремнями к Козлику, по-прежнему не мог двинуться с места. Остальные же бросились закрывать тяжёлые двери на всевозможные запоры и замки. Превратив дворец в неприступную крепость, которую мятежницам не одолеть и за несколько дней, друзья снова сошлись в тронной зале — на сей раз на военный совет.

Зрители глядели на загадочную церемонию как заворожённые.

И вот мальчик воскликнул “пяу”. Могучее тело Летуна содрогнулось, голова издала лосиный клич, а четыре пальмовых крыла неистово забились.

От них поднялся такой ветер, что Типа наверняка сдуло бы с крыши, не уцепись он вовремя за печную трубу.

Лёгкого Болвашу подхватило как пушинку и потащило к краю, но Тип успел схватить его за ногу и уберечь от падения. Жук, позабыв о важности и вальяжности, плюхнулся на брюшко и тем спас себя от шквального ветра.

Жестяному Дровосеку ветер был не страшен — всё-таки жечь куда тяжелей соломы. Он обнял Джека обеими руками и сумел оградить его от неминуемой беды. Козлика повалило на спину, и теперь он лежал, беспомощно дрыгая ногами.

Друзья и опомниться не успели, как Летун оторвался от крыши и воспарил над королевским дворцом.

— Эй, вернись! — испуганно закричал Тип. Одной рукой он всё ещё цеплялся за трубу, а другой держал Болвашу. — Назад! Слышишь?

Тут-то все и поняли, как мудро поступил Болваша, когда велел оживить не ноги, а голову. Летун обернулся на крик и, медленно снизившись, завис над дворцом.

— Быстро назад! — снова закричал мальчик.

Летун повиновался. Грациозно взмахивая всеми четырьмя крылами, он приземлился на крыше дворца и замер.

В гнезде у галок

Ну и ну! — пропищал Летун тонким голоском, совсем не подобающим его могучему диванному телу. — На мою долю выпало невероятное, неслыханное приключение! Последнее, что осталось в памяти: лес, я бреду меж деревьев, и вдруг — громкий хлопок. Дальше не помню ничего, значит, в этот миг меня убило. На том бы бедному лосю и конец, но вот он я, живёхонек! Только цел ли? Невредим ли? Откуда эти чудовищные крылья? Да и туловище неприглядно для уважающего себя дикого зверя. Впору сквозь землю провалиться. Что это значит, господа? Кто я — лось или не лось?

Возмущаясь, Лосиная Башка презабавно потряхивала бородёнкой.

— Ты Летун, — ответил Тип, — Летун с Лосиной Башкой. Мы тебя сделали и оживили, чтобы улететь на тебе, куда пожелаем.

— Понятно! Значит, гордость и независимый нрав, присущие лосям, мне теперь ни к чему, и я вполне могу стать вашим слугой. Что ж, извозчик так извозчик. Одно утешение — развалюсь скоро. Сделан-то я на фу-фу!

— Умоляю, не говори так! — воскликнул Жестяной Дровосек. Его доброе сердце сжалось не от обиды, а от сочувствия к Летуну. — Разве ты плохо себя чувствуешь?

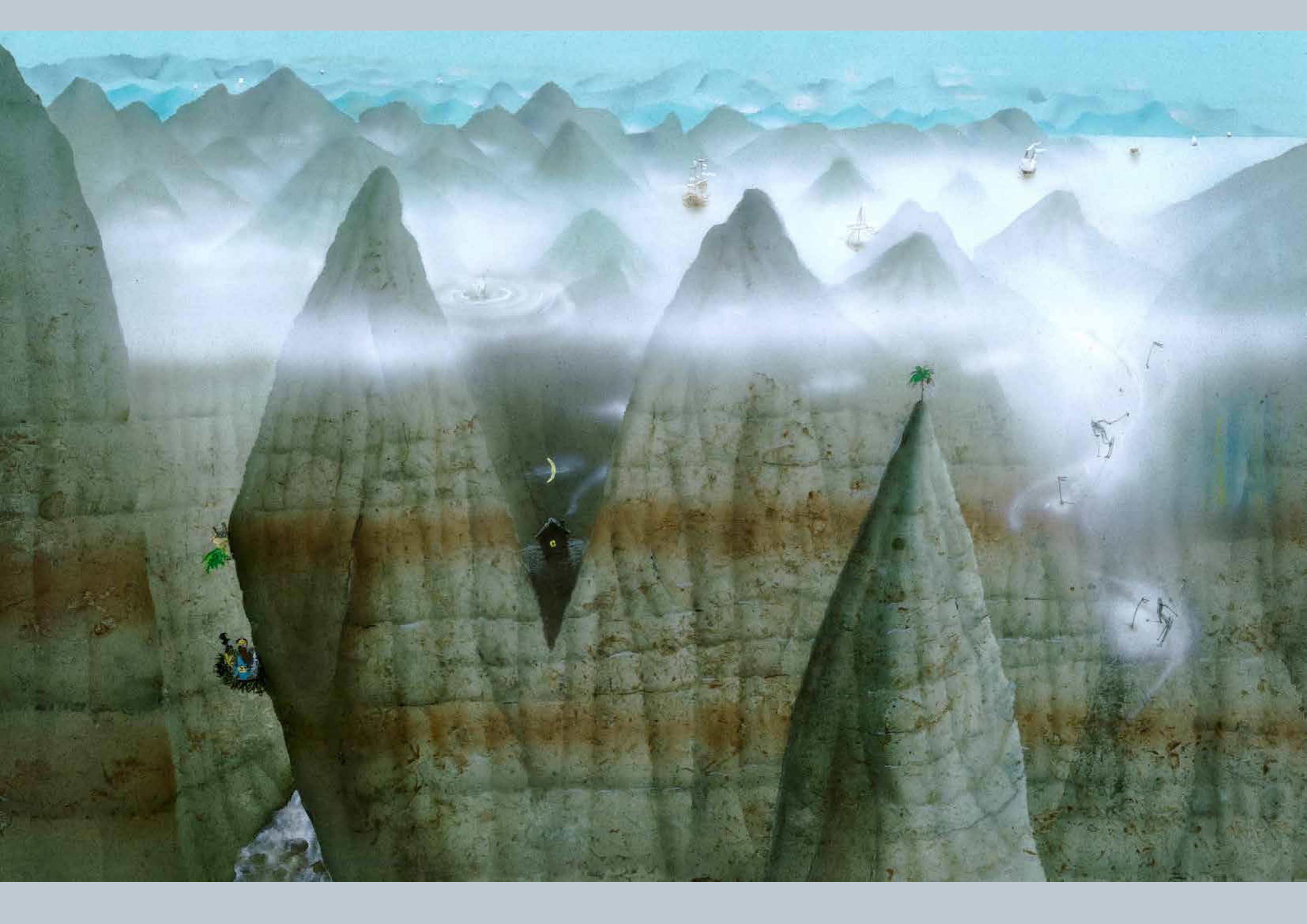
— Откуда мне знать, как я себя чувствую? Я ведь первый день живу Летуну, — ответило диванно-пальмовое чудище, печально помахивая хвостом из метёлки.

— Ну, не унывай, — ободрил его Болваша. — Принимай жизнь как она есть. Мы будем тебе добрыми хозяевами и всегда найдём для Летуна ласковое слово. Ну как, согласен перенести нас, куда пожелаем?

— Конечно согласен, — ответил Летун. — В таком виде лучше держаться подальше от земли, а то ещё повстречаю сородичей из лосиного племени. Я же тогда сторю со стыда!

— Очень тебя понимаю, — пожалел его Жестяной Дровосек.

— Любезные хозяева, — продолжал Летун. — Вы, как я погляжу, тоже далеки от совершенства.

Знаменитые пилюли Никидика

Вообще-то Жестяной Дровосек был нрава беззлобного, миролюбивого, но если приходилось, сражался храбро, точно римский гладиатор. А уж когда острые клювы и когти галок заскрежетали по его великолепному никелированному телу, когда птицы чуть не сбили его, тяжеленного, с ног, Дровосек топор так и зашвистал у него над головой.

Много галок полегло от разящего топора, но стая оказалась велика и драчлива: на Дровосека насакивали всё новые враги, и ярости у них не убавлялось. Некоторые нахально пытались выклевать глаза Лосиной Башке, которая беспомощно болталась чуть выше по склону; впрочем, глаза были стеклянные, и птицы скоро отступились. Другие набросились на Козлика, но тоже безуспешно: он, лежа навзничь, отчаянно молотил деревянными копытами и сразил не меньше противников, чем Дровосек своим грозным топором.

Встретив такой отпор, птицы взялись за Болвашину начинку. Соломинка за соломинкой растаскивали они кучу, укрывавшую Типа, Жука и Тыковку, соломинка за соломинкой летела в бездонную пропасть.

— Момби теперь у королевы Коврижки в Изумрудном городе, — сказал Тип. — Каких только ловушек она для нас не понаставила, когда мы возвращались из края Моргачей! Злая старуха подговаривала Коврижку убить моих друзей, а меня хотела снова забрать в неволю.

Глинда сдвинула брови.

— Решено, — грозно сказала она, — я веду свою армию на Изумрудный город и беру в плен старуху Момби. Попробуем вытянуть из неё правду о девочке Озме.

— Момби — премерзкая старая карга! — Тип задрожал, припомнив злополучный чайник с колдовскими зельями. — И к тому же ужасно настырная.

— Ничего, я тоже не очень-то уступчива, — заметила Глинда с нежнейшей улыбкой. — Упрямство старухи меня не пугает. Сегодня же подготовлю войско к походу, а поутру тронемся в путь. Медлить нельзя.

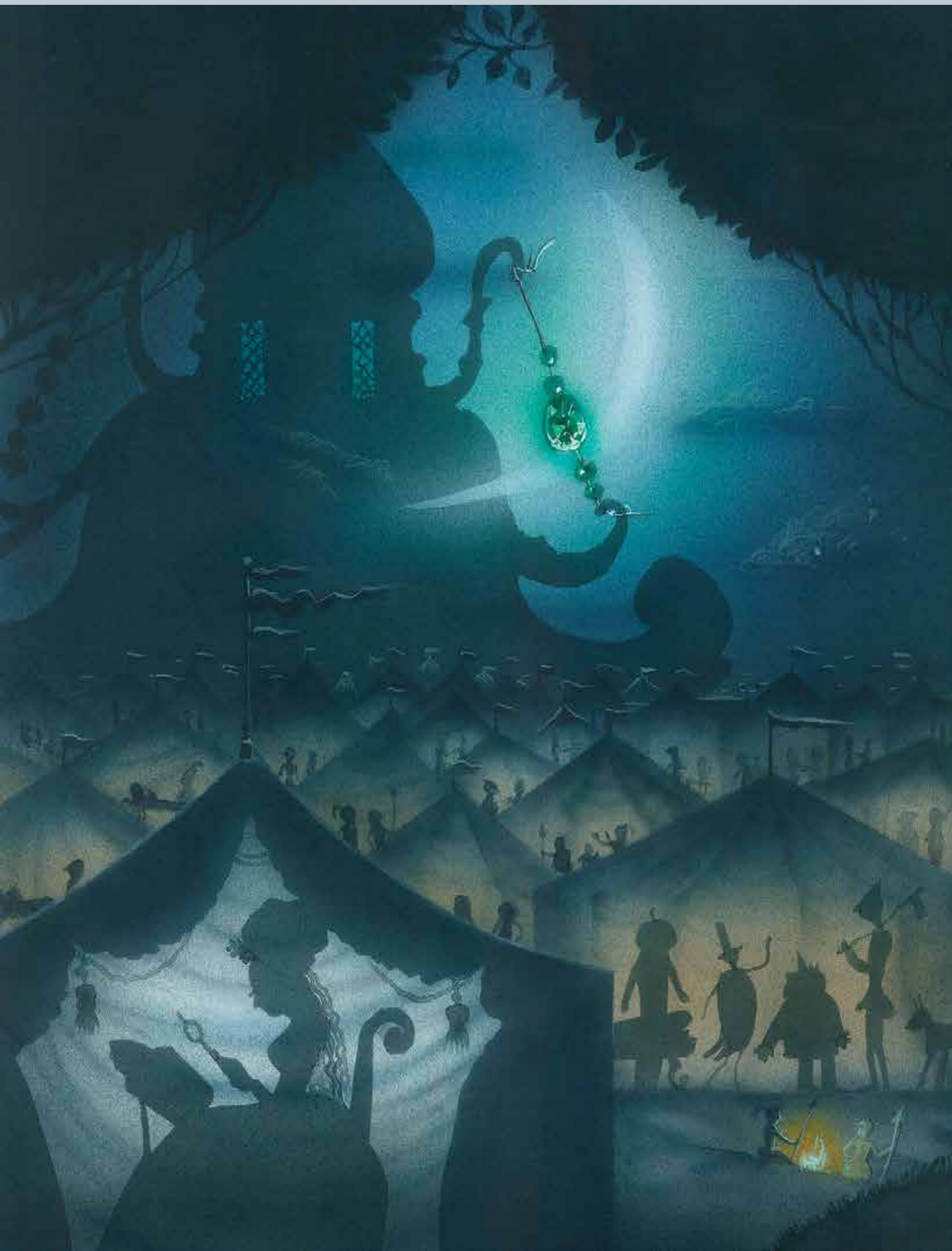

Жестяной Дровосек срывает розу

Едва забрезжил рассвет, грозная армия Глинды уже выстроилась в походные колонны перед воротами дворца. Мундиры на девочках были яркие, очень красивого фасона; серебряные наконечники копий сверкали в лучах солнца, а длинные древки украшал узор из кусочков перламутра. Офицеры держали в правой руке острый обнажённый меч, а в левой — щит, обрамлённый павлиньими перьями. “Такую армию никакой враг не одолеет”, — подумали Болваша и его спутники.

Глинда сопровождала войско в роскошном паланкине, похожем на карету: такие же дверцы и окошки с шёлковыми занавесками, — только вместо колес паланкин держался на двух длинных жердях, и несли его на плечах двенадцать слуг.

Чтобы не отстать от войска, друзья решили проделать путь до Изумрудного города на Летуне. Под бодрые звуки оркестра волшебница и её солдаты выступили в поход, а следом поспешили и наши воздухоплаватели. Не спеша и не отставая, Летун пристроился прямо над паланкином Глинды: теперь уж он не собьётся с пути.

— Болваша, осторожнее, а то вывалишься, — встревожился Жестяной Дровосек, заметив, что друг свесился через борт: лоцман Болваша следил за продвижением армии.

— Не бойтесь, Болваша не разобьётся, — заметил учёный Жук. — Он же — денежный мешок. И крах ему может грозить только финансовый.

— Господин Жук, я, помнится, просил вас... — укоризненно начал Тип.

— Просил, просил. — Жук быстро осознал свою бестактность. — Ещё раз извините, я постараюсь помалкивать...

— Вот и помалкивайте, — оборвал его Тип, — если, конечно, желаете путешествовать вместе с нами.

— О чём вы говорите! Я бы не вынес разлуки, — проникновенно произнёс Жук, и Тип решил больше не донимать его упрёками.

Войско неуклонно стремилось к цели. Но как ни спешили солдаты, ночь всё же настигла их в пути. Не сочтя, однако, темноту серьёзной помехой, они добрались до Изумрудного города, окружили его и раскинули лагерь на лужайках, подступавших вплотную к городским стенам. Меж несчётных алых шатров белел большой шатёр волшебницы, над ним реяли алые флаги. Болваше и его спутникам тоже поставили шёлковый шатёрчик. Лишь молодой месяц наблюдал, с каким проворством и сноровкой устраивалась на ночлег армия Глинды. Наконец лагерь затих до утра.

Ох и удивилась королева Коврижка, когда стража разбудила её известием, что город окружён и огромное войско стоит лагерем возле самых стен! Коврижка тут же вскарабкалась на самую высокую башню дворца и опешила: повсюду на зелени лужаек трепетали на ветру разноцветные стяги, а белый шатёр Глинды сиял против главных ворот.

Serena and the Wild Doll

by Philip Coristine

Annick Press Ltd. Toronto, New York. 2000

Serena is a lonely doll, forgotten amid musty books and discarded boxes in an attic.

One day the door swings open and there stands a wild doll. Serena makes the brave decision to follow her, and together they set out into the world to play and have the most wonderful adventures all night long.

When dawn arrives, Serena is left alone in a park. Amid the playing children, she finds a happy new home. But every now and then Serena slips out into the night to play with the wild doll.

Philip Coristine

is a storyteller and ESL teacher who lives with his wife and a collection of dolls in Japan.

Julia Gukova

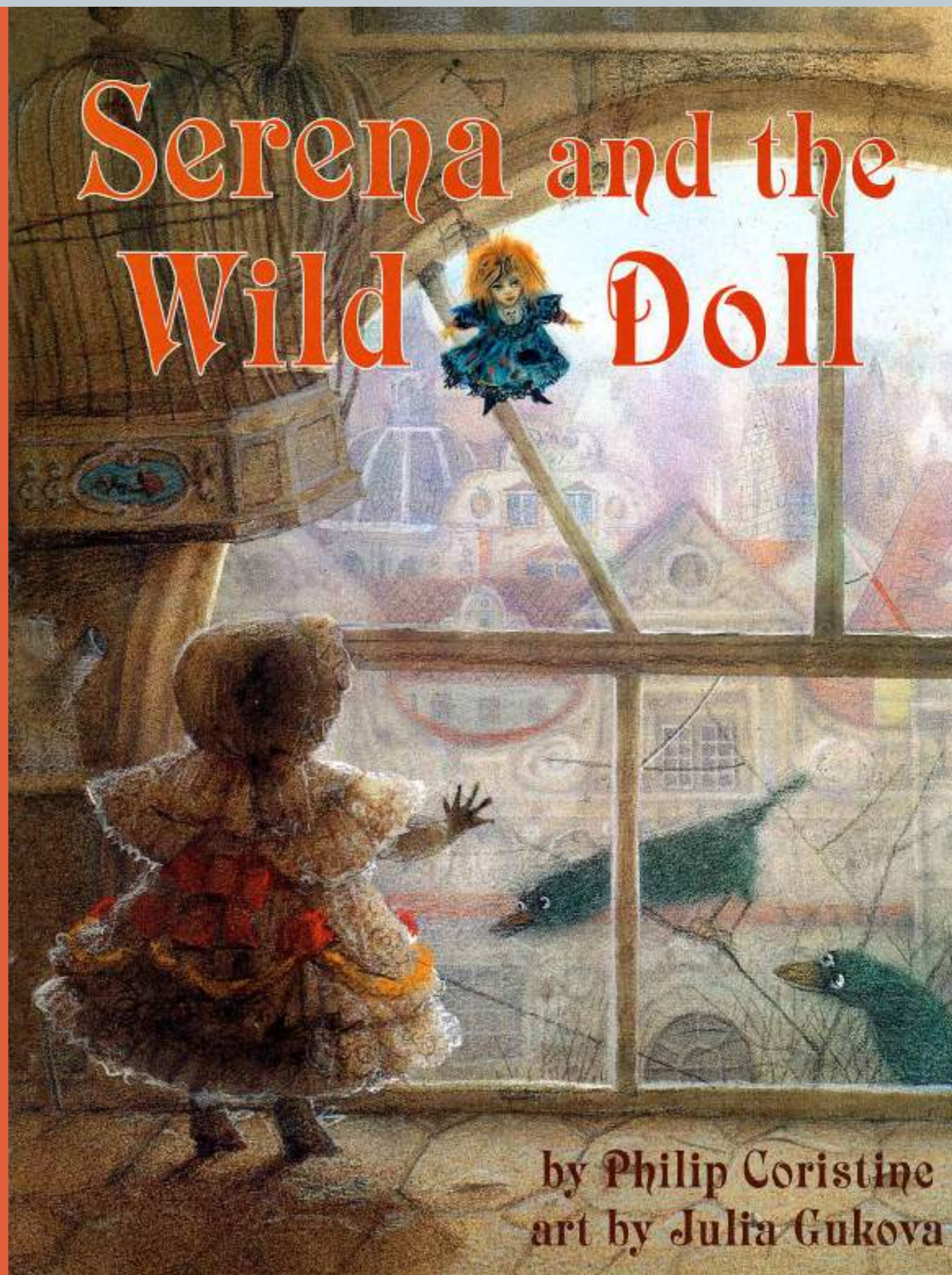
is an award-winning artist with many children's books to her name. She has traveled to India and all over Europe, and lives with her young son in Moscow.

ISBN 1-55037-649-7 \$19.95
Reinforced Library binding

Annick Press Ltd.

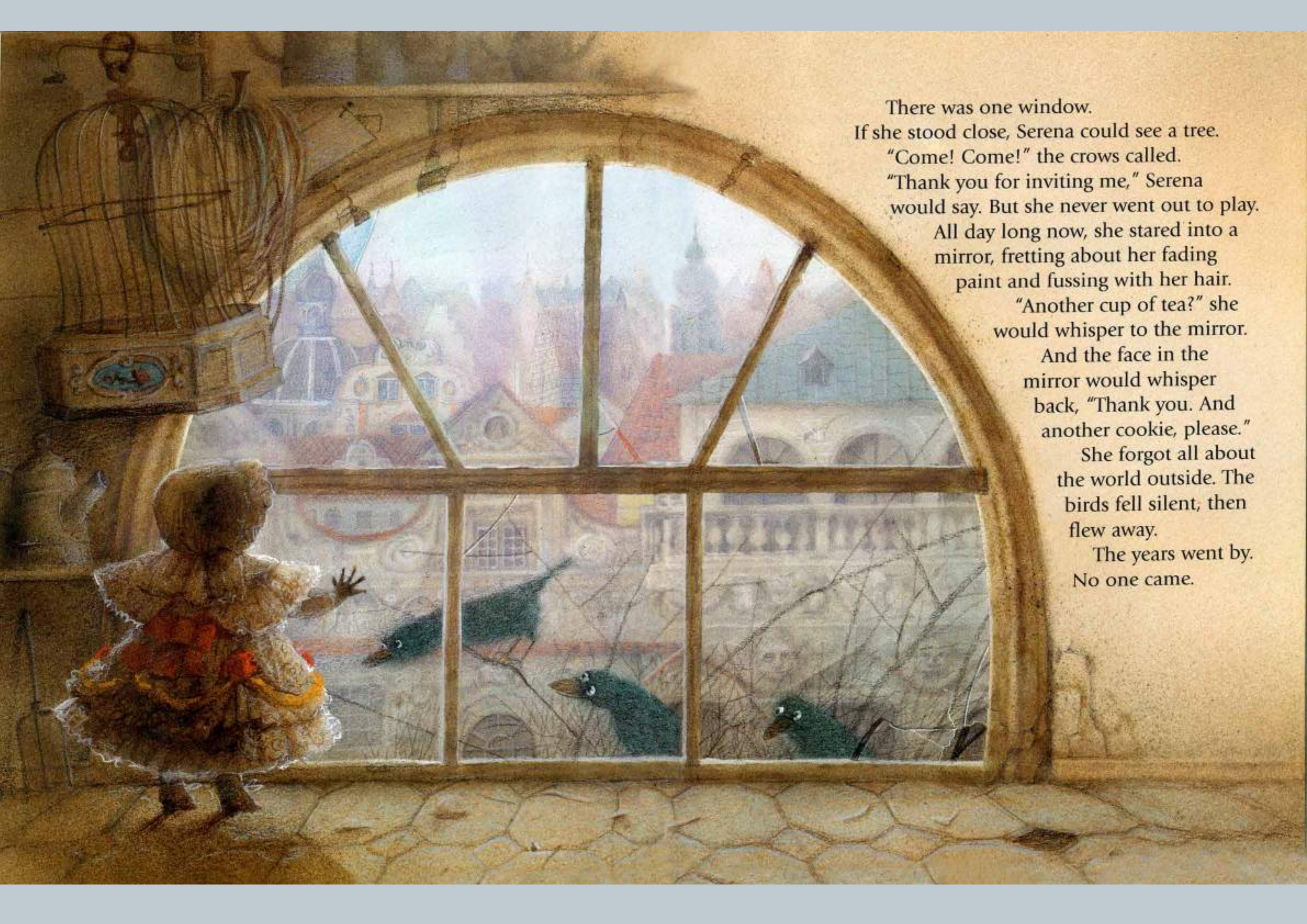
Serena and the Wild Doll

by Philip Coristine
art by Julia Gukova

There once was a doll who was stored in an attic full of musty old storybooks and other forgotten things. The children she loved had grown up and left home, but Serena still listened for their footsteps on the stairs. She dusted herself every morning, combed her hair, and sat, smiling hopefully, but no one came.

There was one window.
If she stood close, Serena could see a tree.
"Come! Come!" the crows called.
"Thank you for inviting me," Serena
would say. But she never went out to play.
All day long now, she stared into a
mirror, fretting about her fading
paint and fussing with her hair.
"Another cup of tea?" she
would whisper to the mirror.
And the face in the
mirror would whisper
back, "Thank you. And
another cookie, please."
She forgot all about
the world outside. The
birds fell silent, then
flew away.
The years went by.
No one came.

Suddenly, one afternoon, Serena finally heard the sound of small footsteps on the stairs.

"They've come at last!" she whispered. "I knew they would someday!" She sat up straight and posed.

The door swung open. A fragrance of the woods just after the rain and of sunshine filled the attic.

The visitor tiptoed in. But it wasn't a child after all. It was a ragged and grimy doll.

Serena was disappointed. "Who are you?" she cried. "How did you get in here?"

"I'm a wild doll, Serena," the visitor said, with a voice like the wind when it whispers through the trees. "The world is beautiful. Come out and play."

Serena shook her head. "I'm expecting the children this afternoon for tea," she said. "Go away. You'll frighten them."

And soon Serena was alone again.

The fragrance of the woods still filled the room, and the wild doll's words echoed softly: The world is beautiful. Come out and play.

And then the moon came out from behind a cloud and bathed the world in light. Suddenly Serena saw a fierce animal coming towards her through the shadows. She hid behind a tree, but the fox kept coming, growling and grumbling hungrily.

Just then, a soft voice said, "Don't worry. He won't hurt you. He's hungry. We should feed him." It was the wild doll. She had some berries and gave them to Serena.

"Do foxes like these?" Serena asked.

"Let's see."

Serena stood still, holding out the berries. The fox came creeping up and sniffed at her hand.

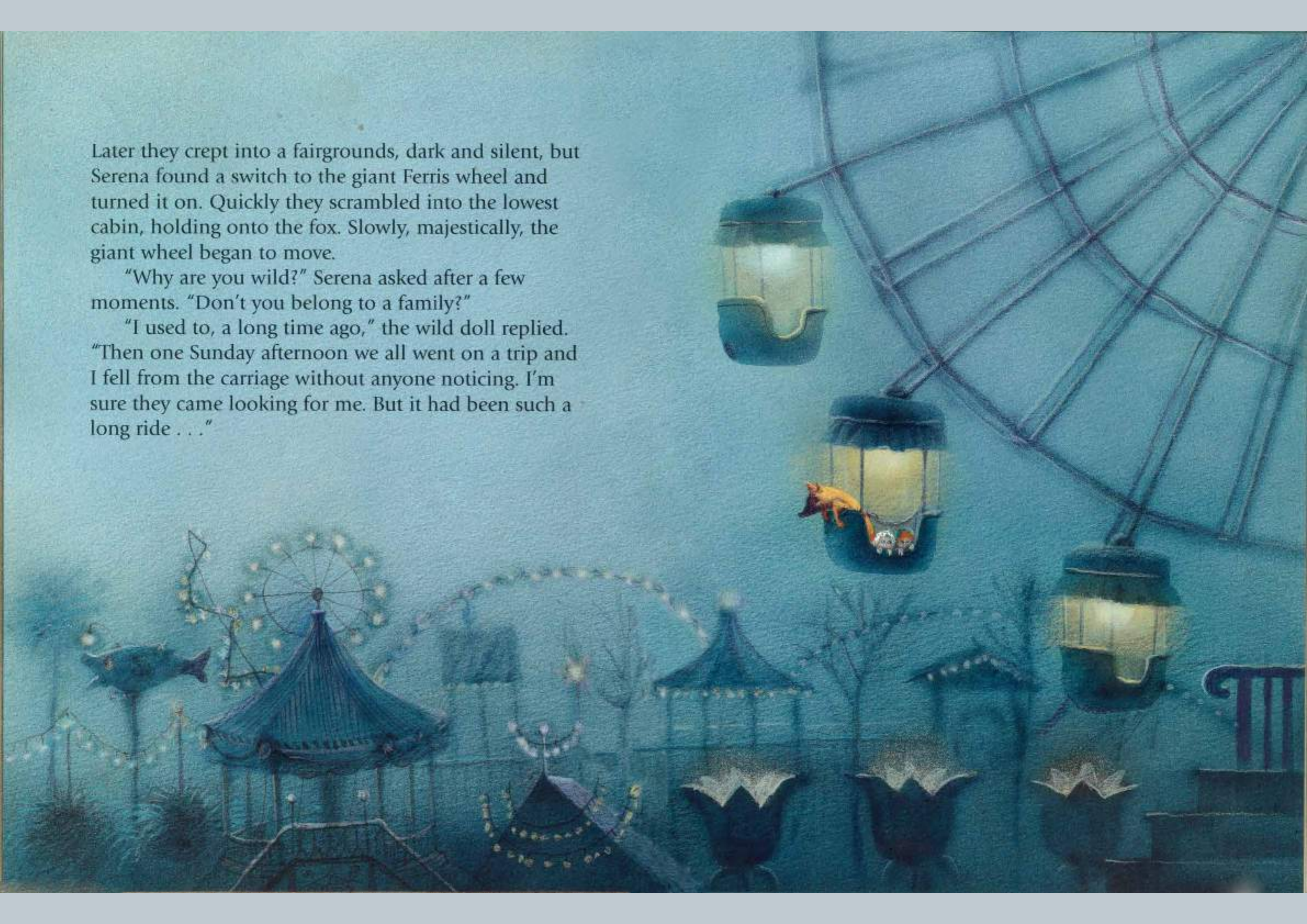
"He's an old friend," the wild doll said, gently stroking his fur.

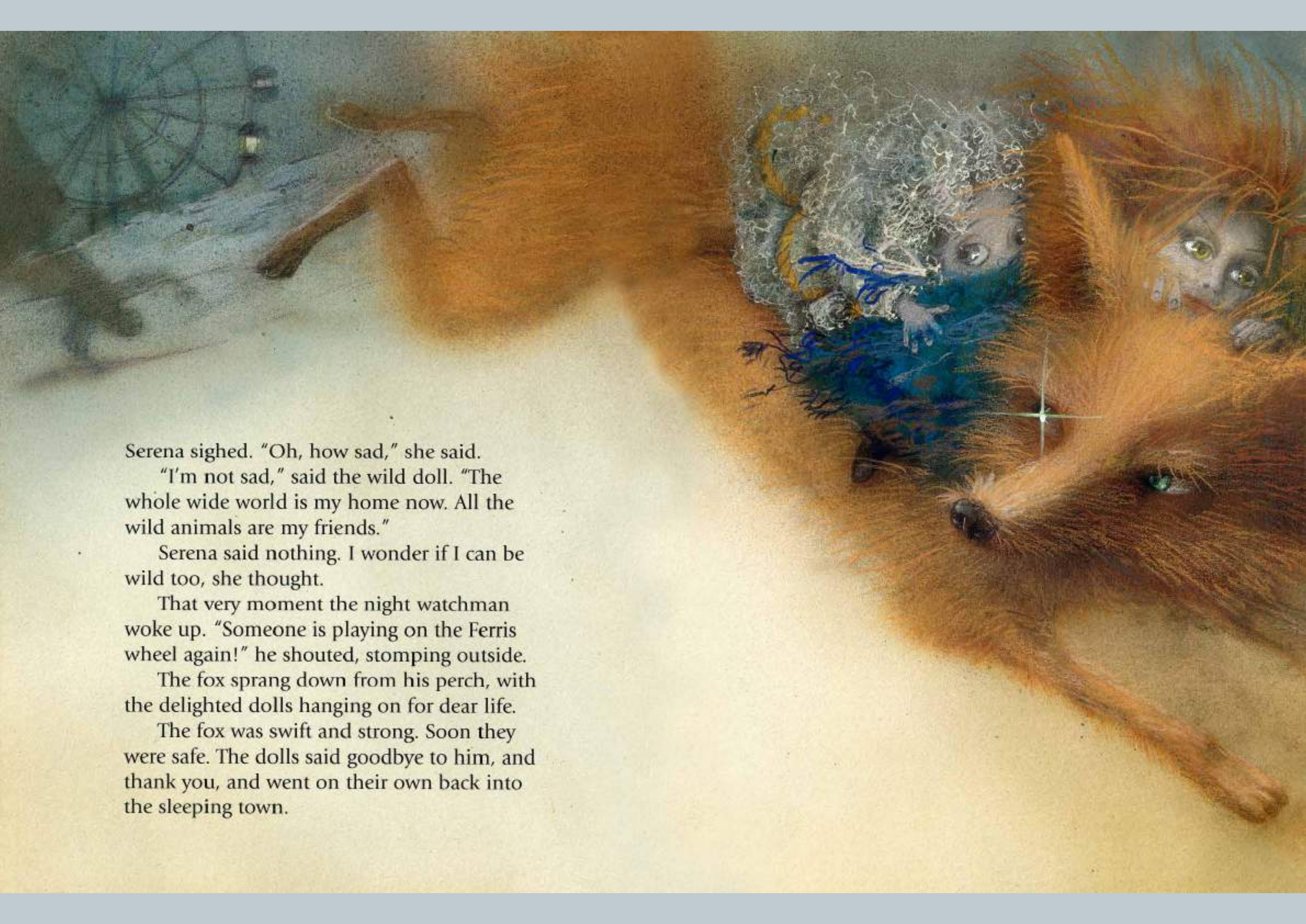

Later they crept into a fairgrounds, dark and silent, but Serena found a switch to the giant Ferris wheel and turned it on. Quickly they scrambled into the lowest cabin, holding onto the fox. Slowly, majestically, the giant wheel began to move.

"Why are you wild?" Serena asked after a few moments. "Don't you belong to a family?"

"I used to, a long time ago," the wild doll replied. "Then one Sunday afternoon we all went on a trip and I fell from the carriage without anyone noticing. I'm sure they came looking for me. But it had been such a long ride . . ."

Serena sighed. "Oh, how sad," she said.

"I'm not sad," said the wild doll. "The whole wide world is my home now. All the wild animals are my friends."

Serena said nothing. I wonder if I can be wild too, she thought.

That very moment the night watchman woke up. "Someone is playing on the Ferris wheel again!" he shouted, stomping outside.

The fox sprang down from his perch, with the delighted dolls hanging on for dear life.

The fox was swift and strong. Soon they were safe. The dolls said goodbye to him, and thank you, and went on their own back into the sleeping town.

They peeked in the window of the dollmaker's shop and saw the old man still working at his bench with gentle hands.

"I remember you now," Serena said, turning to look at the wild doll. "We are sisters, you and I."

The dollmaker heard a tapping on the window. When he went to look, there was no one there, but he found wildflowers on the windowsill.

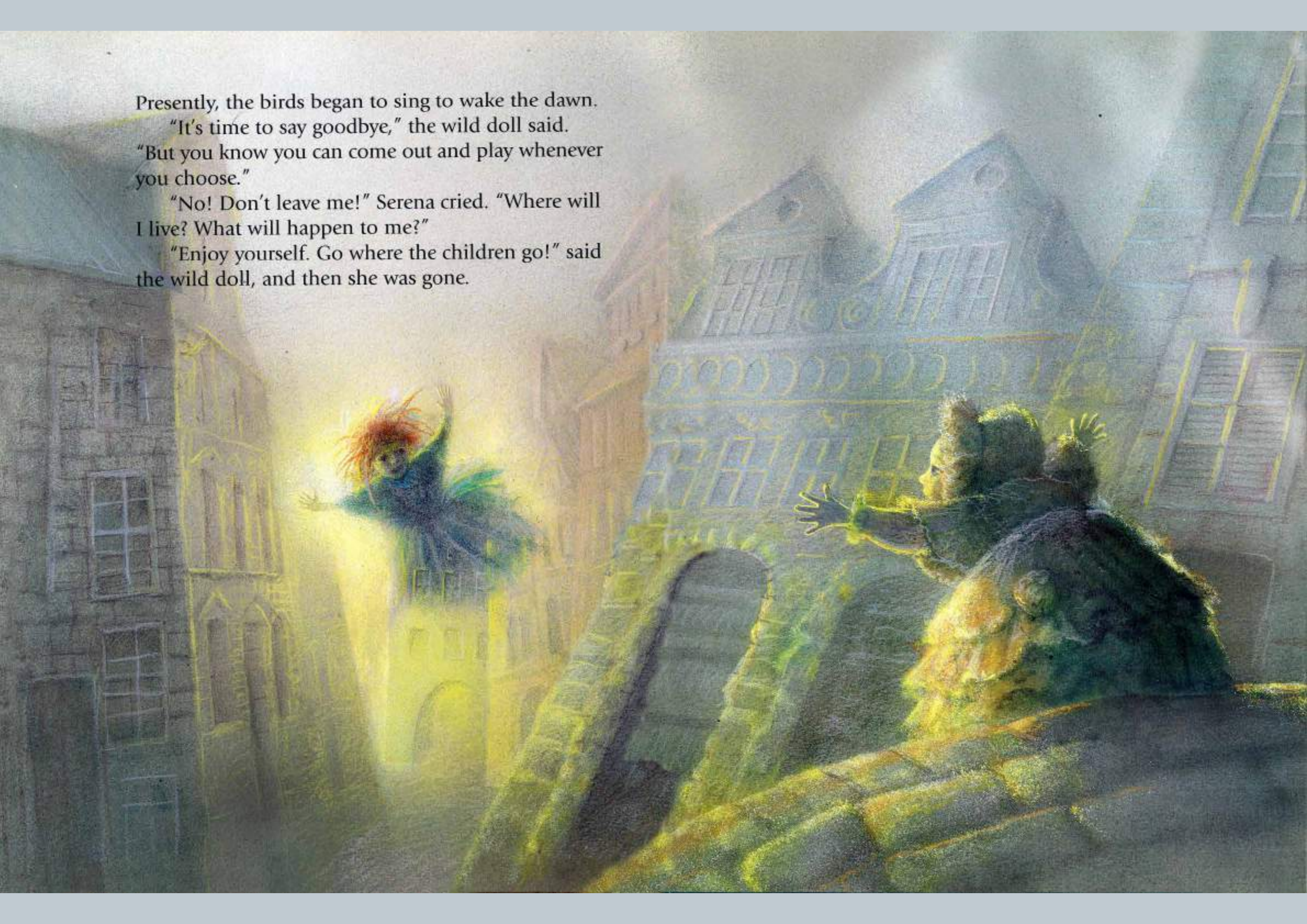
Presently, the birds began to sing to wake the dawn.

"It's time to say goodbye," the wild doll said.

"But you know you can come out and play whenever you choose."

"No! Don't leave me!" Serena cried. "Where will I live? What will happen to me?"

"Enjoy yourself. Go where the children go!" said the wild doll, and then she was gone.

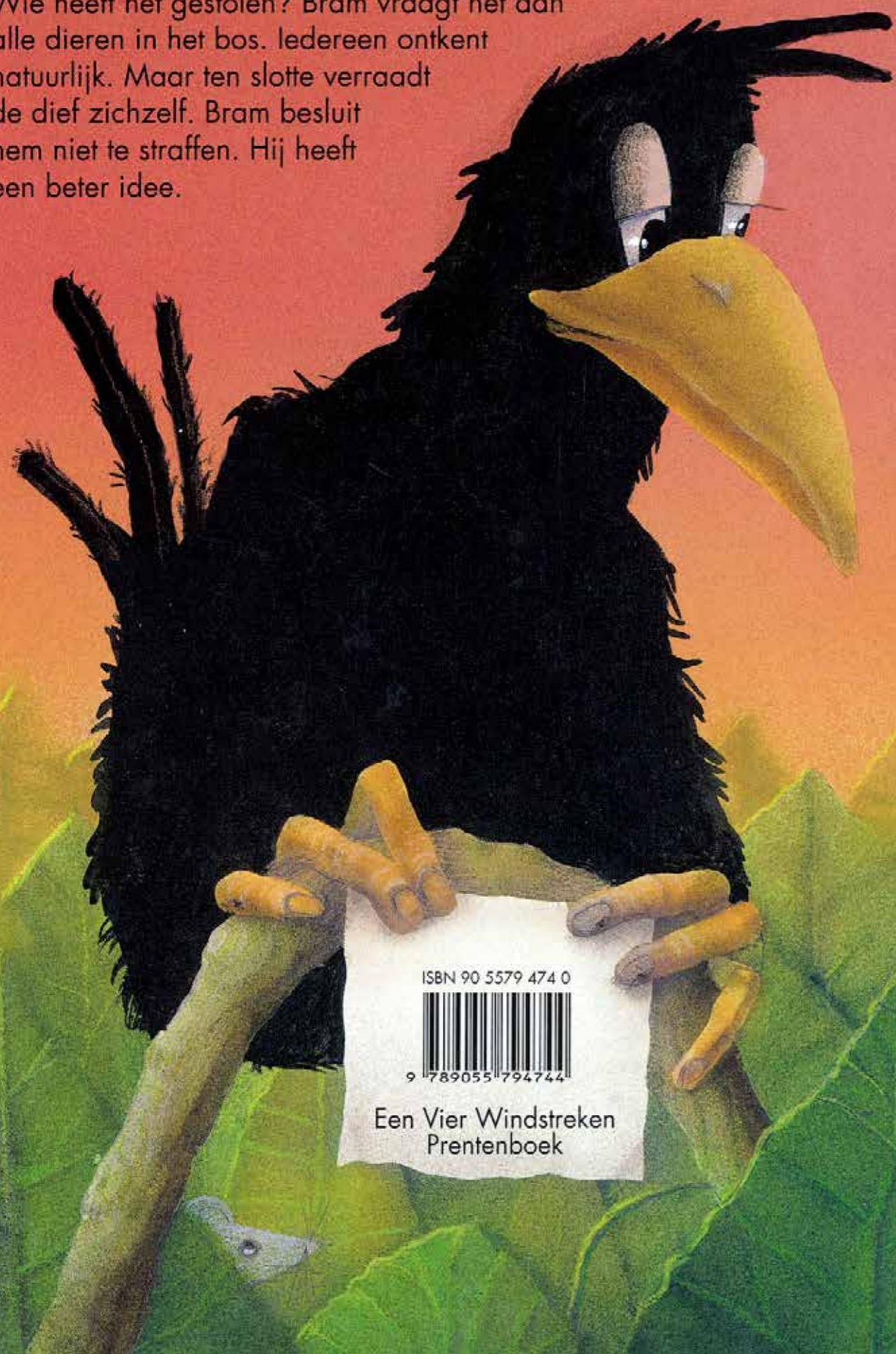

Who Stole the Gold?

by Udo Weigelt

Nord-Sud Verlag, Zurich. 2001

Het goud van Bram de goudhamster is weg!
Wie heeft het gestolen? Bram vraagt het aan
alle dieren in het bos. Iedereen ontkent
natuurlijk. Maar ten slotte verraaft
de dief zichzelf. Bram besluit
hem niet te straffen. Hij heeft
een beter idee.

Udo Weigelt · Julia Gukova

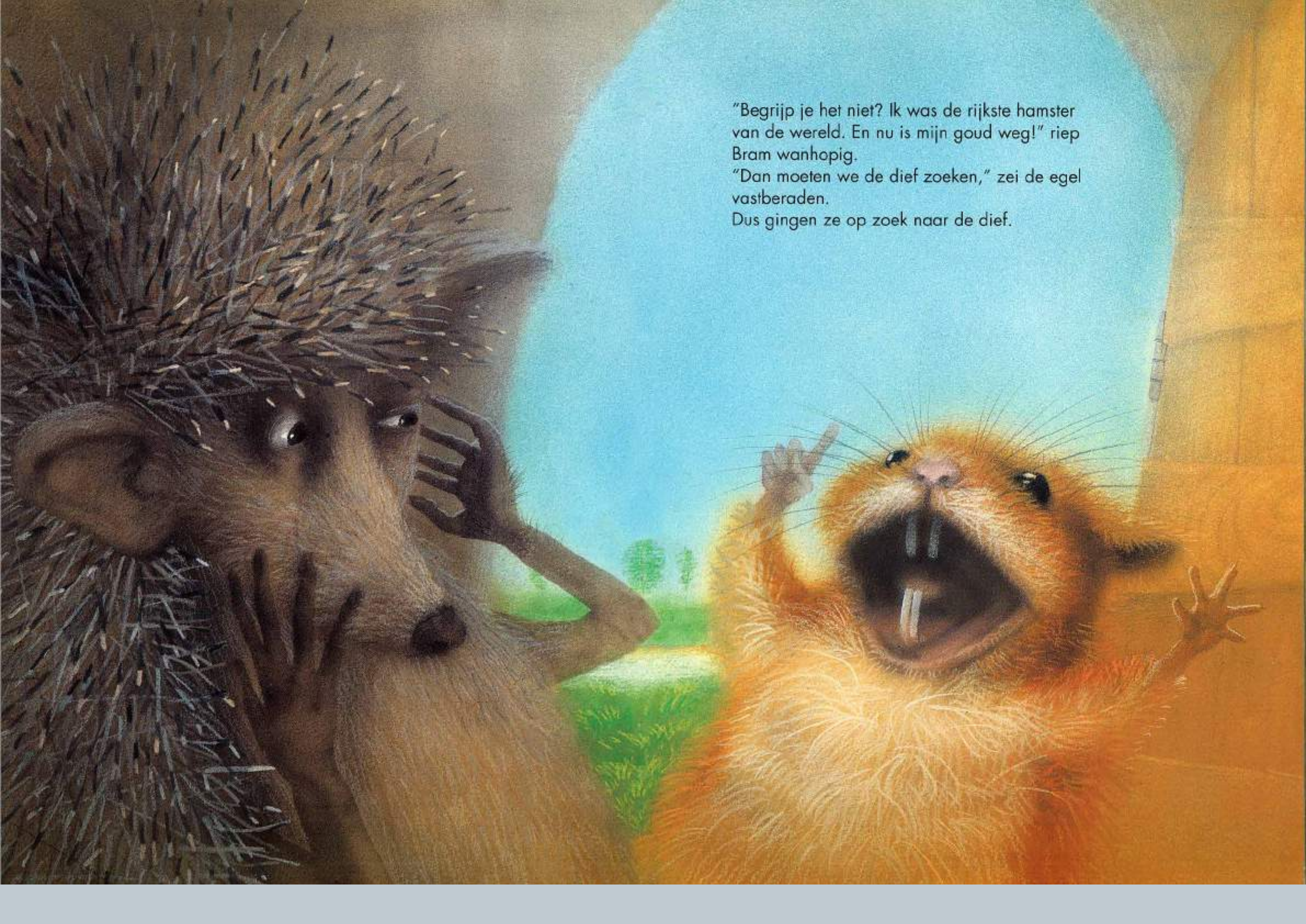
Wie heeft het goud van de hamster gestolen?

De Vier Windstreken

An illustration from a children's book. On the right, a large hedgehog with brown spines and a light-colored face looks towards the left. On the left, a hamster with orange and white fur is lying on its back on a wooden floor, with its four paws sticking up. In the background, a wooden door is partially open, revealing a bright outdoor scene with green grass and trees. The text is positioned in the upper left area of the illustration.

Bram de goudhamster had de egel mee naar huis genomen om hem iets moois te laten zien. Maar toen ze naar binnen gingen, wankelde de hamster plotseling. Hij viel zomaar op de grond! "Wat is er?" riep de egel geschrokken. "Wat is er met je?" Snel wuifde hij hem frisse lucht toe. "Mijn goud," kreunde Bram. "Ik wilde je mijn goud laten zien. Maar het is gestolen!" "O," zei de egel. Hij gaf niets om goud.

An illustration from a children's book. On the left, a brown hedgehog with a large, spiky quill on its head looks surprised, with its hands near its face. On the right, a small, fluffy orange hamster is shouting with its mouth wide open, showing its teeth, and its hands are raised in the air. They are in a room with a wooden floor and a doorway leading to a bright blue sky and green grass. The text is in the upper right corner.

"Begrijp je het niet? Ik was de rijkste hamster van de wereld. En nu is mijn goud weg!" riep Bram wanhopig.

"Dan moeten we de dief zoeken," zei de egel vastberaden.

Dus gingen ze op zoek naar de dief.

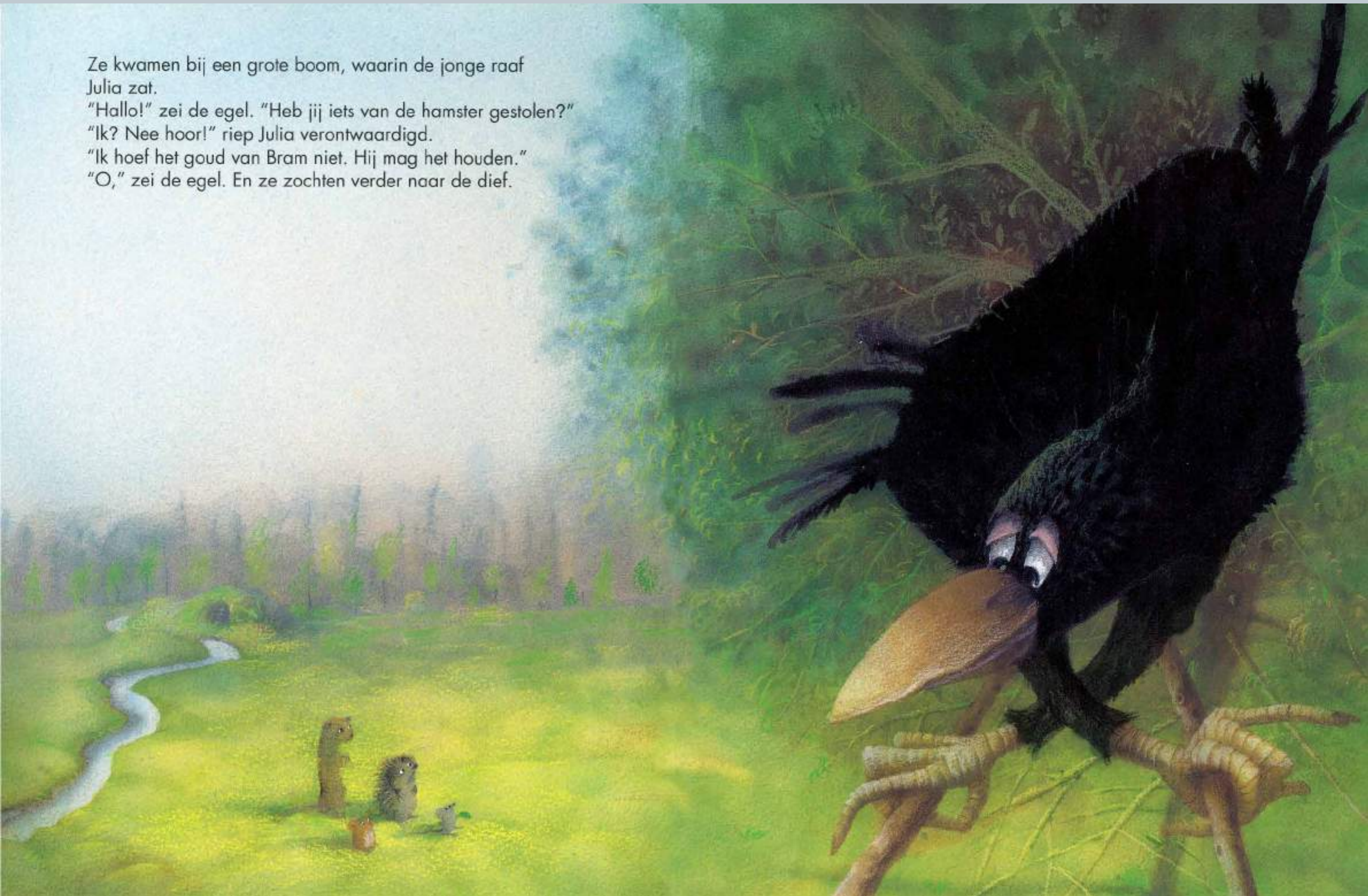
“Heb jij iets van me gestolen?” vroeg de hamster toen ze de muis tegenkwamen.
“Ik? Ik pak nooit iets zonder het te vragen,” antwoordde de muis. “Ik wil toch ook niet dat iemand mijn spullen pakt, zonder dat ik het weet?”
Ze ging meteen mee om de dief te zoeken.

"Heb jij iets van de hamster gestolen?" vroegen ze daarna aan de fret.
"Ik jat niet," riep de fret snel. Hij dacht nog eens na.
"Nou ja," zei hij toen verlegen, "ik heb wel eens iets geleend zonder het te zeggen. Maar ik heb het teruggebracht omdat ik me schuldig voelde. Bij Bram ben ik echt niet geweest."
De dieren gingen verder, en de fret ging ook mee.

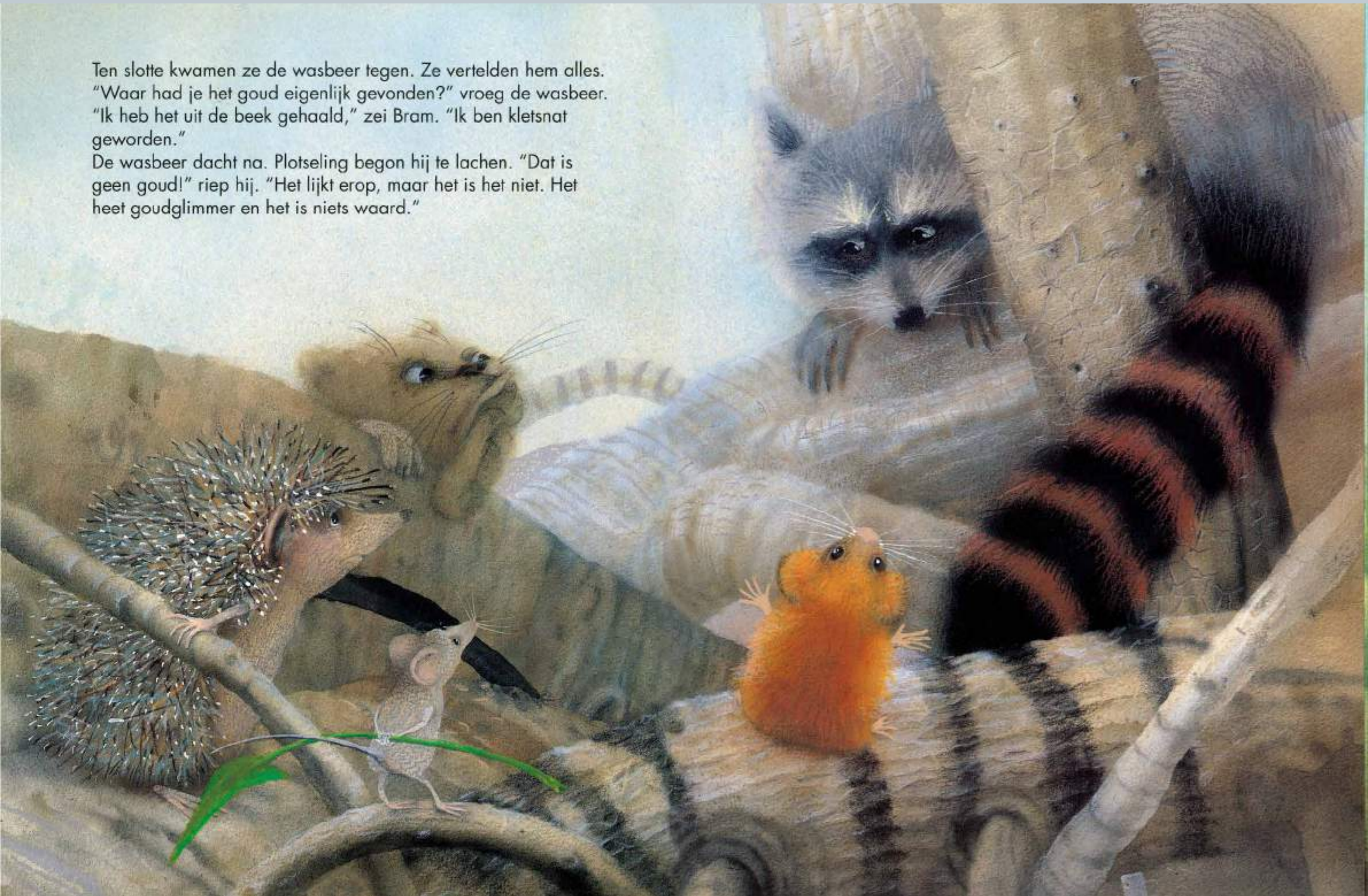

Ze kwamen bij een grote boom, waarin de jonge raaf
Julia zat.
"Hallo!" zei de egel. "Heb jij iets van de hamster gestolen?"
"Ik? Nee hoor!" riep Julia verontwaardigd.
"Ik hoef het goud van Bram niet. Hij mag het houden."
"O," zei de egel. En ze zochten verder naar de dief.

Ten slotte kwamen ze de wasbeer tegen. Ze vertelden hem alles. "Waar had je het goud eigenlijk gevonden?" vroeg de wasbeer. "Ik heb het uit de beek gehaald," zei Bram. "Ik ben kletsnat geworden."

De wasbeer dacht na. Plotseling begon hij te lachen. "Dat is geen goud!" riep hij. "Het lijkt erop, maar het is het niet. Het heet goudglimmer en het is niets waard."

Bram slikte. "Dat maakt niets uit!" riep hij toen. "Het was mijn goud. Ik vond het mooi en iemand heeft het van me gestolen." De dieren dachten na. Ze vonden dat Bram gelijk had. Maar ze wisten nog steeds niet wie de dief was. Wantrouwig keken ze elkaar aan. Iedereen kon de dief zijn en erover liegen. "Wacht eens!" riep de egel plotseling. "Ik weet wie het goud van Bram heeft gestolen. De dief heeft zichzelf verraden."

De egel rende weg en de andere dieren gingen hem snel achterna. Ze liepen dwars door het bos, tot ze weer bij de boom waren waarin Julia zat.

"Julia!" riep de egel. "Weet je zeker dat je niets van Bram hebt gestolen?"

"Natuurlijk!" riep Julia terug. "Dat heb ik toch al gezegd? Ik wil zijn goud helemaal niet."

"Hoe weet je dat het goud is?" zei de egel slim. "Wij hebben niets over goud gezegd."

"O," zei Julia achteloos, "dat heb ik geraden. Bram is toch een goudhamster? Maar misschien is het goud helemaal niet weg. Ik zou nog maar eens goed kijken als ik jullie was."

"Het is echt gestolen!" stotterde Bram verontwaardigd. Maar de andere dieren wilden gaan kijken.

Ze liepen allemaal naar het hol van Bram. Al vanuit de verte zagen ze het goudglimmer voor de deur liggen.
"Dat kan helemaal niet!" riep Bram verbijsterd. "Ik weet zeker dat mijn goud weg was. De egel heeft het ook gezien. Ik bedoel: hij heeft het ook niet gezien. Nu begrijp ik er niets meer van."

"Ik wel," zei de egel plotseling lachend. "Julia is gewoon slimmer geweest dan wij. Ze heeft meteen begrepen dat ze zichzelf verraden had. Daarom heeft ze alles snel teruggebracht."

's Avonds kwamen alle dieren rond de schat van de hamster zitten. Het goudglimmer schitterde in het laatste licht van de ondergaande zon.

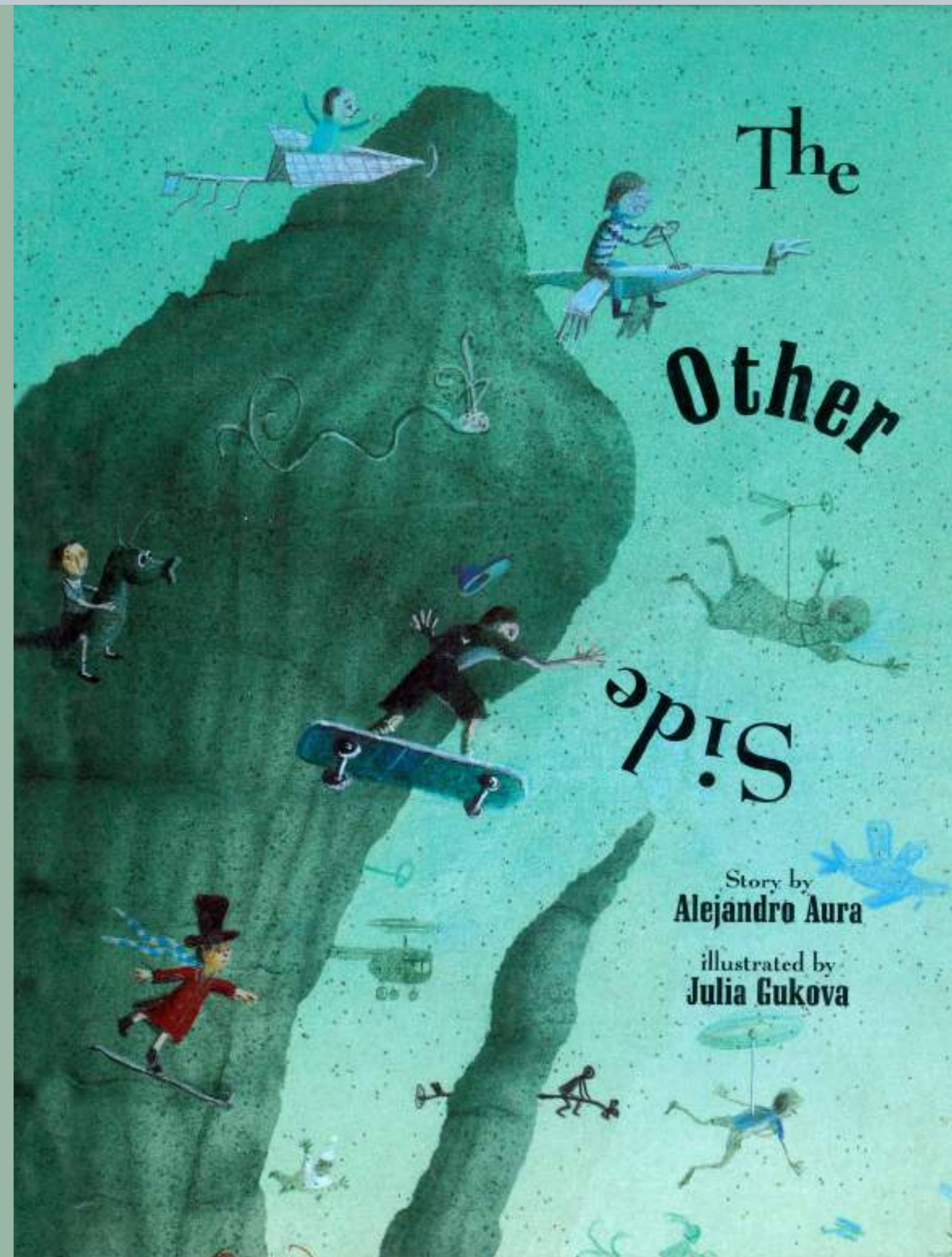
"Het is echt heel mooi," vond de fret.
De andere dieren knikten en Bram was heel trots.
Het kon hun niet schelen dat het maar goudglimmer was
en geen echt goud.

The Other Side

by Alejandro Aura

Annick Press Ltd. Toronto, New York. 1996

The Other Side

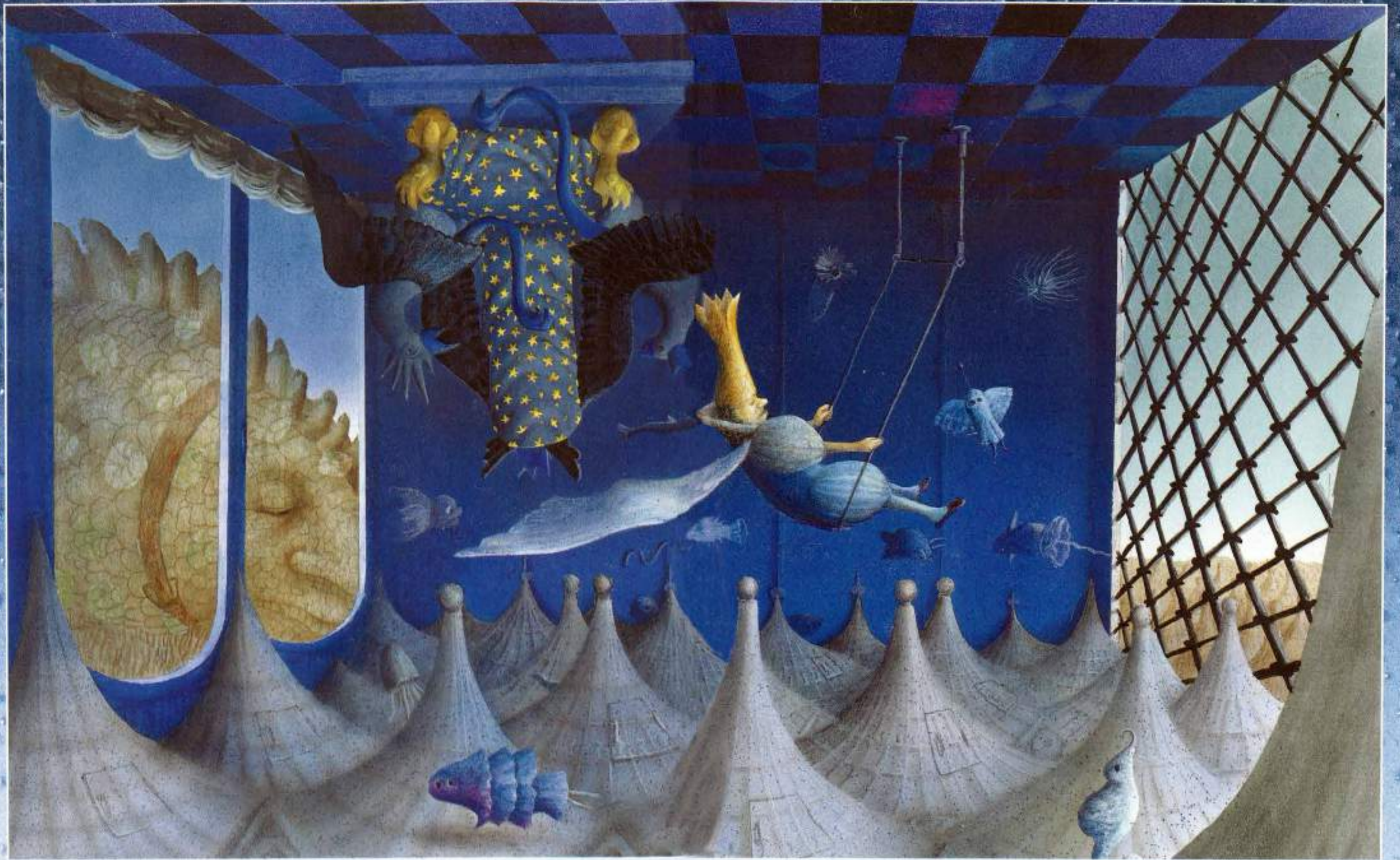
Story by
Alejandro Aura

illustrated by
Julia Gukova

ISBN 1-55037-405-2 \$16.95
Reinforced Library Binding

Annick Press Ltd.

One day the king

summoned the **children** of his kingdom and said,

“I want to know what is on The **Other Side**. Go as fast as you can and then come and tell me what it is like.”

Some of the **children** set off by bicycle. Others went on roller skates. Still **others** travelled by go-cart.

Some went flying

and were old when they **finally** did.

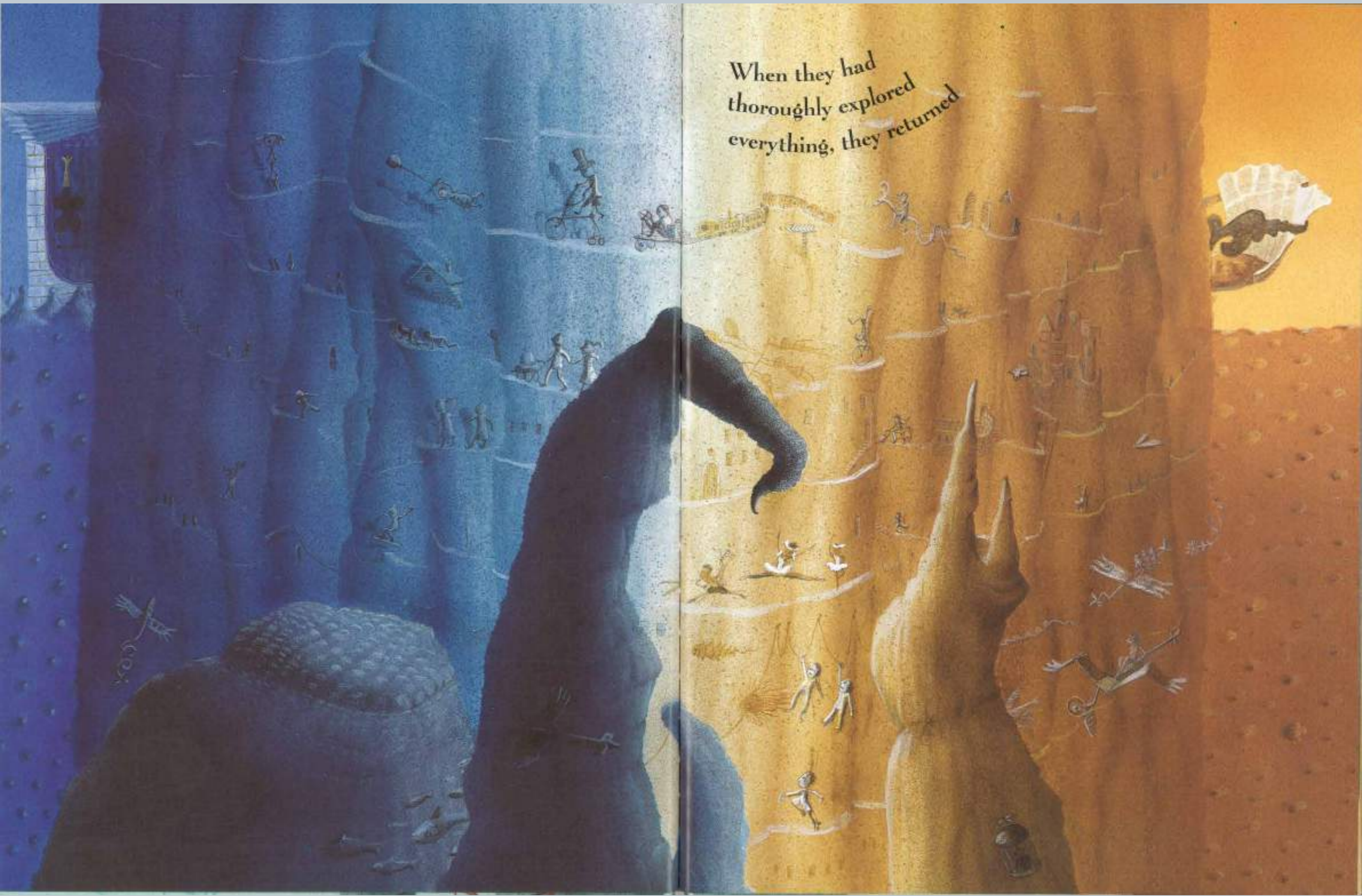

The first ones to arrive built mud huts

and told stories while waiting for the others.

When they had
thoroughly explored
everything, they returned

Many children arrived

**at The Other Side quite soon,
while others took years to get there.**

and told the king,
"On The Other Side,
everything is just the
same as here, except it's

backwards

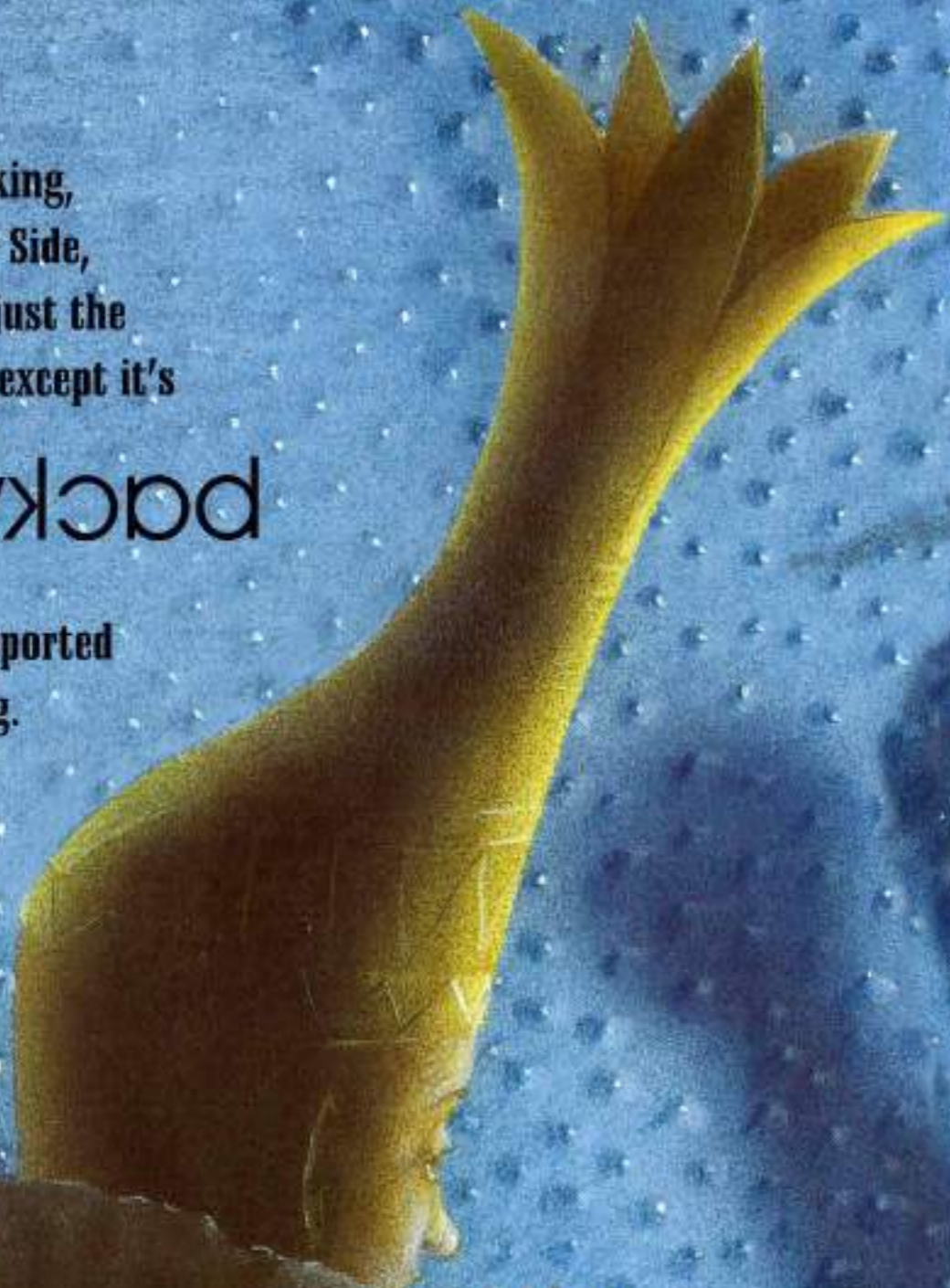
They all reported
the same thing.

The same as here.
The same but backwards.
Just the same except reversed.

The same as here.
The same but backwards.
Just the same except reversed.

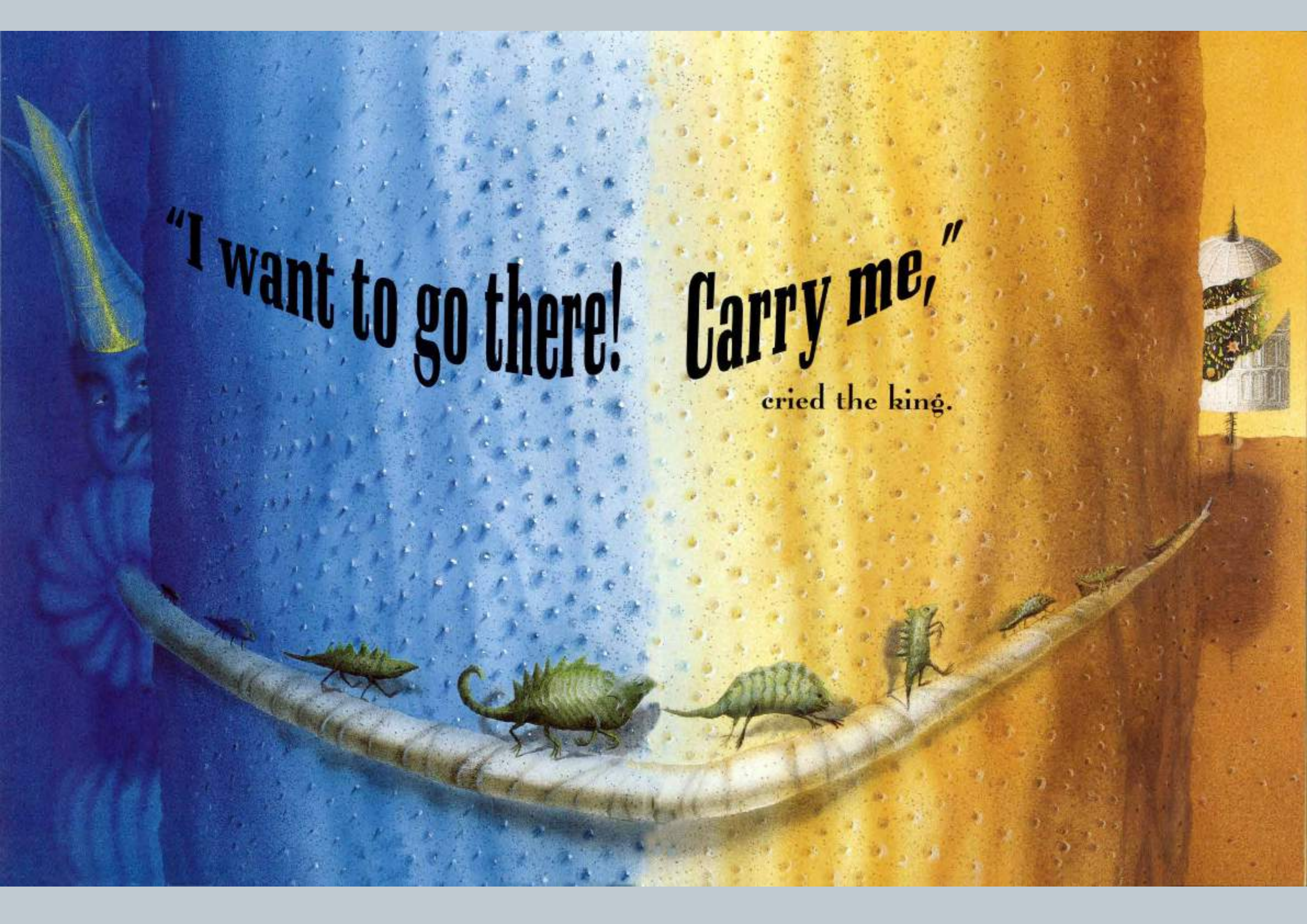
The same as here.
The same but backwards.
Just the same
except reversed.

The same as here.
The same but backwards.
Just the same except reversed.

"I want to go there! Carry me,"

cried the king.

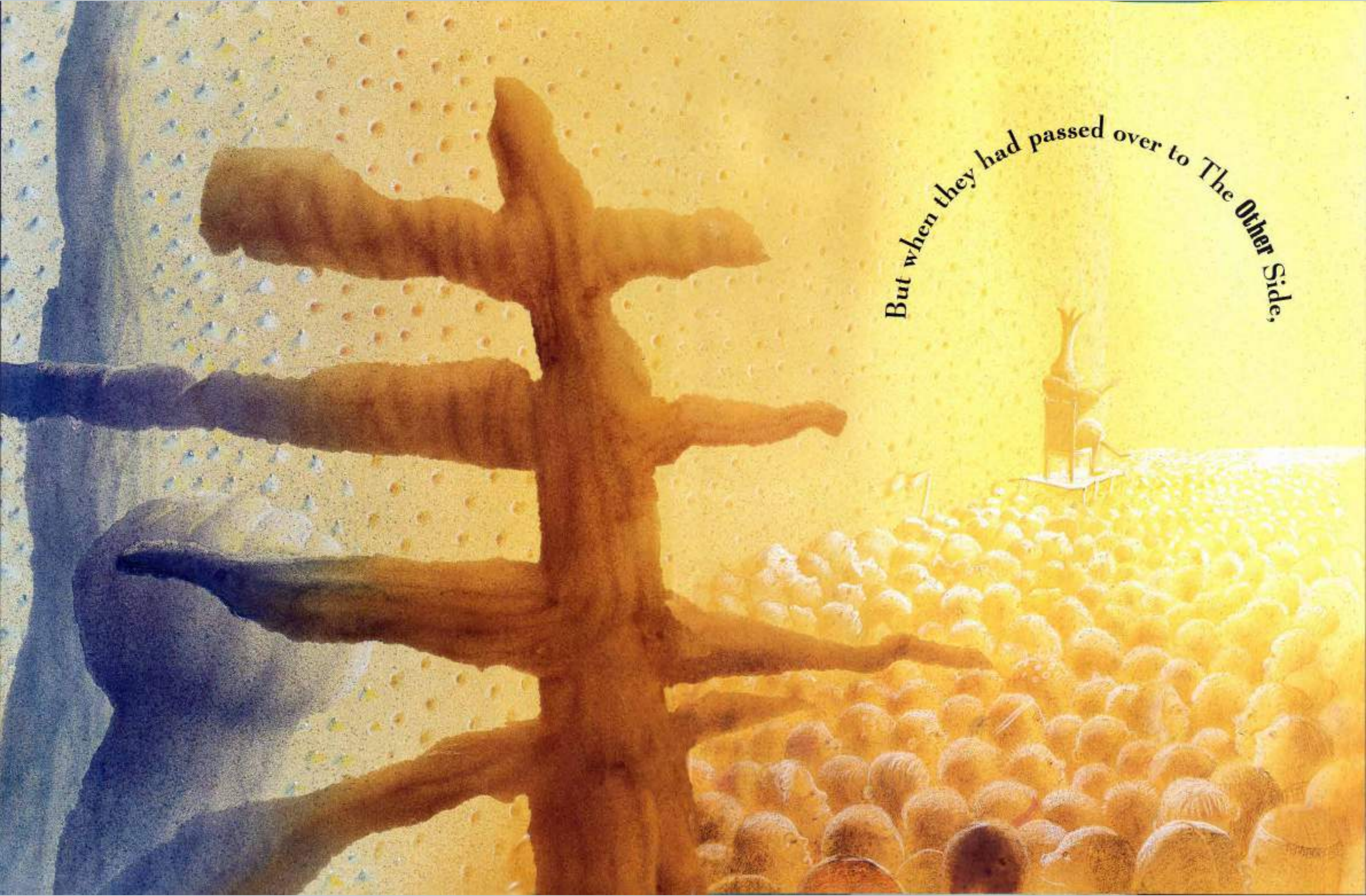

And so

they took him.

But when they had passed over to The Other Side,

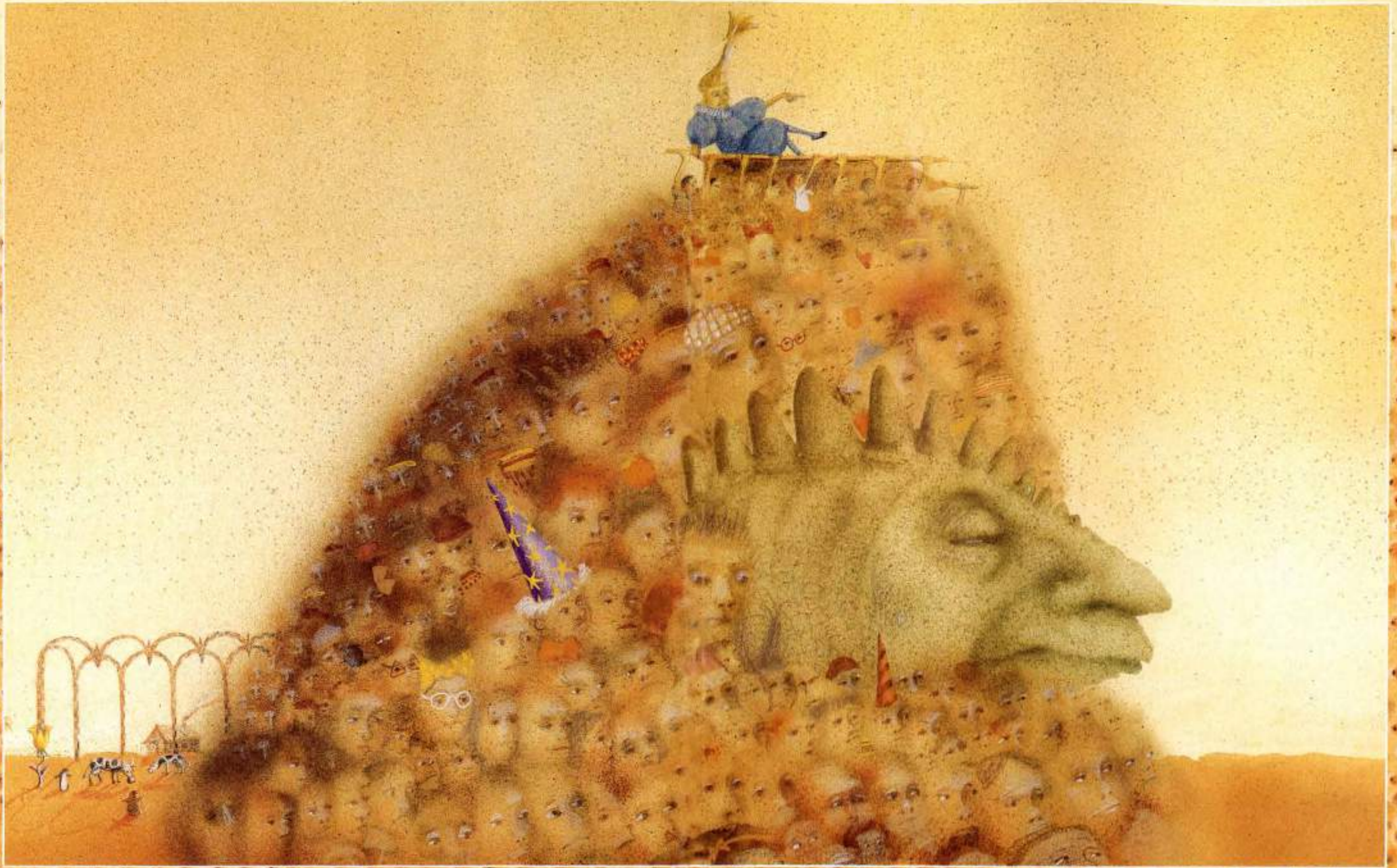
the king had to carry **them**,
and he didn't like that **one** little bit.

So he demanded that they take him back,
but because **everything** was backwards

they took him to the **other** side

of The **Other** Side.

And so they continued

until the end of t
e m i t

